

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№2

2008

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2008

Учредители

Алтайский государственный университет
Барнаулский государственный педагогический университет
Бийский педагогический государственный университет
имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндилова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

О.А. Ковалев – отв. секретарь по литературоведению
Н.В. Панченко – отв. секретарь по лингвистике
М.П. Чочкина – отв. секретарь по фольклористике

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 411-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.Г. Морозова. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий»	9
В.А. Бачинин. О социально-творческом контексте художественной теологии Ф.М. Достоевского (Методологические заметки)	18
В.В. Десятов. Число (Нимфетки в «Лолите» и автобиографии В. Набокова).....	26
Л.В. Егорова. На пути к «третьему» Мору. Вступление к «Книге Фортуны».....	29
Е.В. Шими́на. Библейские аллюзии в романе Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».....	45
Г.И. Родина. Некоторые особенности поэтики Г. Зудермана в контексте его эпохи	56
И.Ю. Качесова. Текстовые реализации характеристик поля аргументации	64
Л.О. Бутакова, Н.Ю. Миронова. Автор–текст–реципиент: тексты СМИ в аспекте рецепции авторами	76
В.М. Егодурова. Заимствования из бурятского языка в русских говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья как отражение межэтнических взаимоотношений	87

Научные сообщения

Г.А. Михайличенко. Мифопоэтический подтекст романа И.С. Тургенева «Накануне»	97
---	----

Н.Г. Ипатова. К поэтике сюжета испытания: испытание чувств (на материале произведений русских и советских писателей первой половины XX века)	103
Н.А. Пителина. Образы дома и гостиницы в повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы»	109
О.В. Побивайло. Близнечный миф в рассказе Л.Е. Улицкой «Второе лицо»	115
Е.С. Радионцева. «Ежедневный “Я”»: конвергенция медиа начинается с «районки»	119
И.В. Rogozina, М.А. Пицун. Роль СМИ в формировании гендерных когнитивных эталонов	124
Е.Е. Коптякова. Метафорическое представление внутренней политики Германии в российской прессе	131
Е.Д. Соколова. Эмотивные высказывания в современной газете (на материале российской и британской прессы)	138
Т.В. Бердникова. Стилизация разговорной речи в поэтическом диалоге И.Ф. Анненского	145
Н.В. Малышева. Специфика перевода трансформированных фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова и их переводов на английский язык)	149
С.В. Щербицкая. Концепт <i>жизнь</i> сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования	156
М.С. Смоля. Морфологические особенности имени прилагательного островного немецкого говора Алтайского края	163
Е.В. Мереккина. Лингвистическое своеобразие оппозиции свой / чужой (на материале лексики эвенкийского языка)	170
С.Н. Сафронова. Концептуальные основы разновозрастного сотрудничества на урокахрусского языка	176

Обзор

Ю.Г. Бабичева. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в современном американском литературоведении (на материале сборника критических статей «Goncharov's “Oblomov”»: A Critical Companion» (Ed.by G.Diment. E vanston...)	184
--	-----

Филология: люди, факты, события

К.З. Закирьянов, С.Е. Родионова. К юбилею профессора Р.М. Гайсиной	188
А.А. Чувакин. Международная конференция Российской риторической ассоциации.....	193
Филология в современном мире: ответы на вопросы анкеты.....	196
Резюме	200
Наши авторы	207

CONTENTS

Articles

N.G. Morozova. Sides of Germany Perception in the Context of the Russian Literature of «Travels»	9
V.A Bachinin. About the Social-creative Context of Dostoyevsky's Art Theology (Methodological notes).....	18
V.V. Desyatov. The Number (The Nymphets in «Lolita» and Autobiography by V. Nabokov)	26
L.V. Yegorova. Approaching the «third» Sir Thomas More. More's «Certain meters» for the «Book of Fortune»	29
E.V. Shimina. Biblical Allusion in T. Hardy's novel «Tess of the d'Urbervilles».....	45
G.I. Rodina. Some Peculiarities of G. Zuderman's Theory of Poetry in the Context of his Epoch	56
I.Y. Kachesova. Text Realisation of Argumentative Field Peculiarities.....	64
L.O. Butakova, N.J. Mironova. Author-Text-Recipient: Media-Text in Authors' Perception Aspect	76
M.V. Yegodurova. The Buryat loan-words in the Russian Dialects of Old Rite People from Zabaikaliye as interethnic reflection	87

Scientific reports

G.A. Mikhailichenko. Mythopoetic Context of I.S. Turgenev's Novel «The Day Before».....	97
---	----

N.G. Ipatova. To the Poetics of Plot test: Test on Senses	103
N.A. Pitelina. «Home» «Hotel» Images in the Novel «The Hotel Manager» by I. Grekova	109
O.V. Pobivailo. Myth about Twins in Lyudmila Ulitskaya’s Story «The Second Face»	115
E.S. Radiontseva. Everyday “Me”»: Media Convergency Begins with Local Newspapers	119
I.V. Rogozina, M.A. Pitsoon. The role of Mass Media in the formation of gender cognitive structures	124
E.E. Koptyakova. Metaphorical Presentation of the German Domestic Policy in the Russian Press	131
E.D. Sokolova. Emotive Utterances in Modern Newspaper (in Russian and British press)	138
T.V. Berdnikova. Colloquial Speech Stylization in I.F. Annensky’s poetic dialogue	145
N.V. Malysheva. Translation of Transformations in Poetry (in V. Vysotsky’s and L.Filatov’s works).....	149
S.V. Shcherbitskaya. Concept «Life» in Individual Regional Perception: Theoretical and Practical Aspects.....	156
M.S. Smolya. Adjective Grammatical Categories in the Island German Dialect of Altay Region	163
E.V. Merekina. Linguistic Opposition Domestic / Foreign (in the Evenk Language).....	170
S.N. Safronova. Conceptual Bases of Uneven–Age Cooperation in the Russian Language Classes	176

Reviews

J.G. Babicheva. I.A. Goncharov’s Novel «Oblomov» in Modern American Literature Studing (materials of critique «Goncharov’s “Oblomov”») A Critical Companion» (Ed. by G.Diment. Evanston...)	184
---	-----

Philology: people, facts, events

K.Z. Zakiryanov, S.E. Rodionova. To the jubilee of professor R.M. Gaysina	188
A.A. Chuvakin. International Conference of the Russian Rhetorical Association	193
Philology in modern world: questionnaire answers	196
Summary	200
Our authors	207

СТАТЬИ

ГРАНИ ВОСПРИЯТИЯ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «ПУТЕШЕСТВИЙ»

Н.Г. Морозова

Ключевые слова: травелог, литература «путешествий», ольфакторный локус, кинестетический локус, германский локус, образ Германии.

Keywords: travelogue, travelling literature, kinaesthetic locus, olfactory locus, description of Germany; locus of Germany.

Исследованию исторически устойчивых русско-немецких взаимодействий посвящено на сегодняшний день значительное количество работ. Многоаспектность диалога двух культур обуславливает значительность данной темы и, соответственно, неизменный интерес к ней со стороны литературоведов, лингвистов, философов, культурологов.

Начиная с XVIII века Германия становится одним из трех основных направлений (наряду с Францией и Италией) европейских путешествий русских. Путевые письма и тексты-путешествия Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, В.К. Кюхельбекера, Н.И. Греча, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, обладая культурно-исторической и художественной ценностью, позволяют реконструировать образ Германии в русском воспринимающем сознании конца XVIII – первой половины XIX веков. В отношении всей разнородной, полижанровой литературы «путешествий» в современном литературоведении используется термин *травелог*. Несмотря на еще недостаточную освоенность в отечественной науке данного термина, можно сослаться на некоторые методологически важные работы – исследования русского травелога А. Эткинда [Эткинд 2001],

О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [Лебедева, Янушкевич 2000]. Понятие «травелог» объединяет собой путевые письма, очерки, дневники, художественные произведения – тексты, запечатлевшие процесс открытия и освоения нового мира, пространства иной культуры автором или героем-путешественником. Степень достоверности путешествия, его цели при этом могут быть различными.

Среди особенностей репрезентации германского локуса в русском травелоге данного периода можно выделить обилие ольфакторных, тактильных, вкусовых характеристик, придающих описаниям путешественников экспрессивность и, учитывая личный перцептивный опыт читателя, доходчивость. Подобные кинестетические образы, на первый взгляд, есть факт, принадлежащий к затекстовой области психологии восприятия, при более внимательном рассмотрении – отражение эстетических, аксиологических культурных ориентаций. Кинестетические мотивы в письмах и дневниках русских путешественников эксплицируют процесс чувствования, осмысления и дифференциации двух культурно-бытовых пространств – *своего* и *чужого*.

Интерес к подобным образам и мотивам в современном литературоведении нельзя назвать устойчивым. Тем не менее можно указать на ряд работ, посвященных исследованию художественного воплощения способов чувственного восприятия в аспекте проблем культурно-эстетической интеграции: статьи Х.Д. Риндисбахера [Риндисбахер 2000], Л.П. Якимовой [Якимова 2002], А. Левинсона [Левинсон 2000] и др. Названные авторы отдают предпочтение анализу ольфакторного мотива, однако формулируемые ими положения можно распространить и на материал тактильно-кинестетический. Так, Х.Д. Риндисбахер пишет о том, что обоняние может стать объектом изысканий в самых разных областях: биологии, медицины, химии, физики, психологии, массовой культуры, лингвистики (проблема лексикона). В этот список попадает и литература, «где многие или даже все вышеперечисленные стороны проблемы собраны воедино в рамках всеобъемлющих вопросов репрезентации, интерпретации, риторических стратегий и эстетики» [Риндисбахер 2000, с. 87]. Л.П. Якимова, говоря о художественном воспроизведении обонятельных ощущений, указывает: «Следует иметь в виду, что в литературоведении речь должна идти прежде всего о разных путях и формах включения этого способа чувственного восприятия в эстетический дискурс <...>» [Якимова 2002, с. 215]. Для этого необходимо исследование ольфакторных, кинестетических мотивов в контексте определенной литературной эпохи, направления, творчества конкретного автора.

Целью данной работы является выявление культурно-семиотического потенциала и функций кинестетических мотивов в русско-германском травелоге конца XVIII – первой половины XIX века.

«В любом травелоге место отправления и место назначения находятся в отношениях непрерывного, хоть и неравного, риторического обмена» [Эткинд 2001, с. 16]. Кинестетические мотивы актуализируются при описании пересечения границы прусско-немецких земель – знаковый момент, характеризующийся состоянием эмоционального напряжения и ожидания путешественника: *«Море да песок, песок да море, и это в продолжение 14 часов езды с проклятыми немецкими почталионами, которые даже не сердятся, когда ругаешь их всеми возможными доннерветтерами <...> Какой же песок! В точном, самом точнейшем смысле слова: песчаное море! Ни травки, ни муравки, ни куста, ни дерева! Конечно бы я умер с тоски, ежели бы голод не умилосердился надо мною и не вздумал разнообразить чувств моих <...>»* [Кюхельбекер 1979, с. 10]; *«Вечером переехали мы чрез границу, и в час ночи прибыли в первый немецкий городок Саарбрик, доставшийся Пруссии в 1815 году. Нас отвели в самую жалкую харчевню, где мы едва могли утолить голод. Постели были нечисты и жестки, а на другой день счет подан преогромный»* [Греч 1838б, с. 119]. Чувство голода обостряет реакцию путешественника и критичность его оценок. Запахи, температурные, вкусовые ощущения – все эти результаты «ближнего взаимодействия» – есть своеобразные барьеры в восприятии Германии и одновременно способы непосредственного выражения эмоций автора-путешественника – искреннего удивления или негодования: *«Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Неужели нет у берлинцев обоняния? – Д* повел меня через славную **Липовую** улицу, которая в самом деле прекрасна. <...> Чище ли здесь живут, или испарения лип истребляют нечистоту в воздухе, – только в сей улице не чувствовал я никакого неприятного запаха»* [Карамзин 1984, с. 90]. Ольфакторный мотив в «Письмах русского путешественника» Карамзина не просто дань чувствительности героя, но естественное звено творимой тематически многоликой картины, один из репрезентантов ее семиотической многомерности.

Несколько ранее Д.И. Фонвизин составил неблагоприятный и острый отзыв о Кенигсберге. Виной стали все те же неприятные запахи: *«Всего же больше не понравилось мне их (немцев. – Н.М.) обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов*

вывозят нечистоту из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе Кенигсбергских жителей» [Фонвизин 1852, с. 403]. Запах становится индикатором национально-бытовой (обиходной) культуры Германии. Обычай, наблюдаемый Фонвизиным и Карамзиным, через посредство ольфакторных образов предстают противоречащими здравому смыслу. Запахи, которые «гораздо чаще оказываются отталкивающими, нежели привлекательными» [Зиммель 2000, с. 12], обретают в контексте путешествия знаковую функцию. Автор «Экскурса о социологии чувств» Г. Зиммель указывает: «Обонятельные ощущения не сравнятся с восприятиями других чувств по описуемости словами, их невозможно спроецировать на уровень абстракции. Тем меньше сопротивления со стороны сознания и воли встречают инстинктивные антипатии и симпатии, которые связаны с окружающей человека сферой запаха и которые наверняка имеют зачастую большие последствия для социологических отношений, например, между двумя расами, живущими на общей территории» [Зиммель 2000, с. 11]. Вследствие этого обоняние «может быть названо диссоциирующим чувством. Не только потому, что оно опосредует гораздо больше антипатий, чем симпатий; не только потому, что его решения имеют в себе нечто радикальное и безапелляционное <...>» [Зиммель 2000, с. 13]. Ольфакторный мотив, выполняя характеризующую функцию по отношению к конкретному локусу, отражает ценностно-эстетические представления и приоритеты представителя русской культуры. Разумные основания жизнеустройства и вкус (сообразность со вкусом) – два взаимодополняющих критерия оценки у Фонвизина и Карамзина. У Фонвизина немецкое пространство оказывается исключительно нежизнепригодным. Жалобы звучат в каждом письме: *«Дороги адские, пища скверная, постели осыпаны клопами и блохами»* [Фонвизин 1852, с. 407]. В письме из Нюрнберга Фонвизин, оценивая весь проделанный путь, заявляет: *«Здесь во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных съестных припасах, словом, у нас все лучше и мы больше люди, нежели немцы»* [Фонвизин 1852, с. 407]. Подобная критичность в эпистолярной прозе Фонвизина, видимо, есть логическое продолжение остро сатирической направленности его художественных произведений и, таким образом, является особенностью писательского видения, общей манеры повествования.

Как справедливо отмечает О.Г. Егоров, «своеобразие путевого дневника состояло еще и в том, что он, в отличие от других жанровых разновидностей, заключал в себе подобие сюжета» [Егоров 2003, с. 151]. Процессы мышления и чувствования в письмах демонстрируют

внимание к конкретным деталям пребывания за границей, из описания и осмысления которых в конечном счете и составляется сюжет путешествия. Сама жизнь определяет содержание, этапы путешествия, которые могут «рассматриваться как аналоги элементов сюжета» [Егоров 2003, с. 152]. Показательным примером служит описание поездки по Майну и Рейну в путевых письмах Греча 1817 года: *«В каюте было множество разного народа и незнакомых лиц. Жар, духота и запах несносные (рядка моя. – Н.М.). На палубе или крыше ни скамьи, ни стула. Должно было стоять или лежать»* [Греч 1838б, с. 136]. Постепенно внимание Греча с ощущений, ольфакторных и тактильных неудобств переносится на восприятие и воссоздание красоты момента. Описание переходит в восторженно-поэтический план: *«Мы вошли в долину Рейна (Rheingau), которая красотой местоположения и разнообразием видов славится во всей Германии. И в самом деле, на каждом, так сказать, шагу представлялись нам новые картины – одна прелестнее другой. Погода была тихая и приятная. Мы расположились на крыше каюты; читали Шрейберово описание берегов Рейна, и сообщали друг другу чувства и мысли свои. Прекрасный день, которого я ввек не забуду!»* [Греч 1838б, с. 140]. Судно причаливает к берегу – остановка для обеда, и между прочим появляется фраза: *«Не знаю отчего, сегодня мне все нравилось: стол обыкновенный казался мне превкусным, вино прекрасным»* [Греч 1838б, с. 145]. Негативный заряд кинестетических мотивов в начале плавания сменяется позитивным в конце. Изменение полярности – изменение эмоционального состояния повествователя и чувственной окраски образов окружающего мира. Привлекательность живописных мест, связанных с ними историй и народных преданий распространяется на оценку бытовых деталей поездки. Описание плавания по Рейну есть один из этапов путешествия, одно из звеньев сюжетной конструкции. Однако это и самостоятельная история, имеющая завязку, сюжетное развитие и развязку – окрашенное романтическими тонами прощание Греча со своей юной спутницей: *«Путешествие мое лишилось бы всей поэзии своей, если б мне надлежало умолчать о вашем обществе. Позвольте мне украсить вашим именем мое описание»* [Греч 1838б, с. 162]. Ольфакторные и кинестетические мотивы обрамляют повествование, придавая ему рефлексивный характер.

По прибытии в Эмс Греч с удовольствием отмечает: *«Местоположение целительного источника Эмского самое дикое, романтическое»* [Греч 1838б, с. 165]. Описание природы дополняется описанием действия знаменитой эмской воды: *«Здесьняя вода имеет до 30 градусов*

теплоты по Реомюру. Вкусом она довольно приятна, особенно с сахаром. Достоинно примечания, что она не сытит, как другая вода: можно пить без всякого принуждения по большому стакану чрез каждые четверть часа. Купаться в сей воде весьма приятно. Теплота ее сообщается и атмосфере в купальне, и потому, выходя из ванны, не чувствуешь обыкновенного озноба [Греч 1838б, с. 168]. Если «эпистолярная обработка путешествия мотивирует свободный переход в нем от темы к теме» [Роботи 1926, с. 44], то кинестетические мотивы, являясь следствием этой свободы, связывают все зримые, осмысляемые культурные, национально-бытовые, живописно-архитектурные черты, климатические особенности Германии, акцентируя основные моменты путешествия. Описание своего физического состояния, собственных ощущений, некоторые приемы разговорной речи обуславливают личностность, непосредственность высказываний и, следовательно, некую открытость писем. (Здесь есть доля условности, так как путевые письма с их сознательной литературной установкой не являются зеркалом авторских мыслей.) Подобная искренность авторских мнений повышает эмоционально-образный потенциал путевых заметок, усиливает эффект воздействия на адресата. В связи с этим важны не только и не столько сами факты в характеристиках городов, в описании и оценке политической, экономической, образовательной сферы, жизнеустройства, но и особенности их репрезентации в текстах-путешествиях. Тактильные, ольфакторные мотивы формируют конкретный бытовой образ Германии. Эта «обыденная» Германия – чужая русскому человеку. Путешественники восхищаются монументами, архитектурой и ремесленным производством, природой и научными достижениями немецких земель, размышляют по поводу языка и современного состояния словесности, но при этом не забывают всех дорожных неприятностей, фиксируют мелкие и, на первый взгляд, незначащие детали. Описывая приграничный прусский городок Мемель, герой Карамзина сообщает: *«За обедом ели мы живую, вкусную рыбу...»* [Карамзин 1984, с. 67]. Эльбинг запоминается юному путешественнику чистотой трактира и неопрятно одетыми посетителями, а также *«сильным волнением в крови от кофе и от тряского движения почтовой коляски»* [Карамзин 1984, с. 80]. Греч жалуется на тесноту и темноту некоторых улиц Франкфурта, на неприятный выговор немецкого языка в Майнце; особо отмечая *«сытный гамбургский стол»* [Греч 1838а, с. 250], с недовольством сообщает и другую подробность: *«Мне отвели на ночь какое-то стоило»* [Греч 1838а, с. 250]. Кюхельбекер с неприятием описывает

фарфоровую фабрику – одну из достопримечательностей Берлина: *«Механические работы, махины, горны и проч., предметы для многих очень занимательные, не только не возбуждают во мне любопытства, они для меня отвратительны; посему иногда по природной мне уступчивости бываю в обществе других в мастерских и фабриках; но нечистота и духота, господствующие в них, стесняют, стук оглушает меня, пыль приводит в отчаяние, а сравнение ничтожных, но столь тяжелых трудов человеческих с бессмертными усилиями Природы будит во мне какое-то смутное негодование»* [Кюхельбекер 1979, с. 11]. От тягостных впечатлений Кюхельбекер спасается в новом берлинском театре и на лоне природы: *«Чувствую себя счастливым даже под завываньем бурь и грохотом грома: он оглушает меня, но своими полными звуками возвышает душу»* [Кюхельбекер 1979, с. 12]. Грубая действительность отталкивает, раздражает, природа в эстетическом отношении совершенна, так как проникнута духом поэзии. Поэзия и природа облагораживают все вокруг: *«Как бы то ни было, только в другой раз рассудил я за благо обедать один в своей комнате, растворив окна в сад, откуда лились в мой немецкий суп ароматические испарения сочной зелени»* [Карамзин 1984, с. 73].

Инвективы в путевых письмах из Германии звучат в адрес непривычного климата. Так, в «Путешествии» Кюхельбекера описание Лейпцига прерывается негодованием: *«Я никогда в С.-Петербурге так не мерзнул, как здесь! Проклятые здешние печи не греют, двойных окон нет, а между тем на дворе бесподобнейший снег и мороз, какого лучше нельзя желать и в России»* [Кюхельбекер 1979, с. 26]. Жителю «холодной Ингрии» [Кюхельбекер 1979, с. 57] неуютно в саксонском климате: *«Я здесь в холодном тесном углу, где нас трое и где у меня оостенели пальцы!»* [Кюхельбекер 1979, с. 25]. В письме Гоголя Н.М. Языкову от 4 ноября 1843 находим следующий отзыв: *«Дюссельдорф я оставляю. Зима в Италии для меня необходима. В Германии она просто мерзость и не стоит подметки нашей русской зимы»* [Гоголь 1994, с. 217].

На восприятии Германии Гоголем стоит остановиться особо. Разрозненные высказывания в его письмах свидетельствуют об общем неприятии страны. 30 мая 1839 года Гоголь пишет из Рима М.П. Балабиной: *«Летом еду в Мариенбад на один месяц. Вы не поверите, как грустно оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса <...> Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем <...> Или, может быть, для этого нужно жить в Петербурге, чтобы почувствовать, что Германия хороша?»*

[Гоголь 1994, с. 127]. Для Гоголя важно *чутье*. Ольфакторное начало выводится на первый план в письме из Эмса от 20 июня 1843: *«Да виноват ли я в том, что у меня точно нет теперь никаких впечатлений и что мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке, или хоть в Лапландии? Что ж делать? Я бы от души рад восхищаться свежим запахом весны, видом нового места, да если нет на это теперь у меня чутья»* [Гоголь 1994, с. 203]. Отсутствие чутья приводит к отсутствию впечатлений. Ощущение немецкого пространства у Гоголя всегда негативно окрашено. По мере удаления и, наоборот, приближения к Германии меняется его самочувствие. Так, отдавая должное Франкфурту, который *«есть пуп Европы, куда сходятся все дороги»* [Гоголь 1994, с. 302], Гоголь не перестает жаловаться на свое здоровье, улучшающееся сразу после отъезда из города: *«В Париж я ездил единственно затем, чтобы сделать куды-нибудь дорогу, и покаместь был в дороге, по тех пор чувствовал себя лучше, чем во Франкфурте»* [Гоголь 1994, с. 309]. И далее: *«Дорогой из Парижа во Франкфурт я опять чувствовал себя хорошо, а приехавши во Франкфурт, вновь дурно»* [Гоголь 1994, с. 309].

Кинестетические и ольфакторные мотивы в русско-германском травелоге конца XVIII – начала XIX века – одно из средств выражения осознанно критического отношения ко всему немецкому. Осознание, обоняние направляет движение мысли путешественника, дополняет складывающийся образ Германии. В «Действительной поездке» 1835 года Греча есть момент обратной связи – пример «взаимовосприятия», своеобразного диалога двух культур: *«Вообще хотите ли знать, по каким приметам узнают нас в Германии? – Во-первых, не скроется наше произношение. Как ни старайся выговаривать; **майн, дайн**, а русский **пръ** непременно изменит. Во-вторых, узнают нас по запаху. Вы не верите! По запаху русской кожи на наших сапогах. Вот что значит – Русью пахнет! – В-третьих, по нашей манере пить вино. Немец понемногу прихлебывает из рюмки, и старается продлить удовольствие. Француз процеживает вино сквозь зубы, чтоб насладиться букетом; у нас, в России, опоражнивают стакан залпом. Когда я сегодня, от всеусердия, по-нашему хватил бокал шампанского за любезный нам тост, Мас (приятель, бывший ученик Греча. – Н.М.) с восторгом бросился ко мне на шею, и воскликнул: Россия не изменилась!»* [Греч 1838а, с. 259]. Артикуляционные, ольфакторные особенности, манера питания – культурные идентификаторы, описываемые Гречем со свойственным ему чувством юмора.

Таким образом, исследование кинестетических мотивов в текстах писем и дневников именитых путешественников открывает выход на проблему культурной идентичности – исторически последовательного формирования «образа других» в самосознании русского человека. Анализ данных мотивов позволяет выявить круг ценностных и эстетических предпочтений, отражающих особенности русского национального мышления на определенном этапе его развития. Одной из ближайших перспектив дальнейших изысканий в этом направлении может быть выявление принципиальных различий и моментов сходства трех ведущих разновидностей русского травелога – русско-германского, русско-французского, русско-итальянского, – их тематических, культурно-семиотических составляющих.

Литература

- Гоголь Н.В. Письма // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. – М., 1994. – Т. 9.
- Греч Н.И. Действительная поездка в Германию в 1835 году // Греч Н.И. Путевые письма. 1817 и 1835. – СПб., 1838a.
- Греч Н.И. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н.И. Путевые письма. 1817 и 1835. – СПб., 1838b.
- Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование. – М., 2003.
- Зиммель Г. Из «Эккурса о социологии чувств» // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43.
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. – Л., 1984. – Т. 1.
- Кюхельбекер В.К. Путешествие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979.
- Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. – Кельн; Вена, 2000.
- Левинсон А. Пять писем о запахе // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43.
- Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову. Моделирование значений в романе Патрика Юскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43.
- Роботи Т.А. Литература «путешествий» // Русская проза. – Л., 1926.
- Фонвизин Д.И. Письма к сестре из второго путешествия // Фонвизин Д.И. Сочинения Фон-Визина. – СПб., 1852.
- Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М., 2001.
- Якимов Л.П. Ольфакторный мотив в произведениях Леонида Леонова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Вып. 5: Сюжеты и мотивы русской литературы. – Новосибирск, 2002.

**О СОЦИАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕОЛОГИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(Методологические заметки)**

В.А. Бачинин

Ключевые слова: художественное богословие, христианская поэтика, магический реализм, христианский реализм.

Keywords: art theology, christian poetics, magic realism, christian realism.

Общеизвестно, что тексты Достоевского открыты для теологического прочтения. Однако еще при жизни писателя среди аналитиков, интересующихся его творчеством, стали задавать тон в основном представители секулярных направлений общественной мысли, которые рассматривали его произведения преимущественно в позитивистском ключе, но, как правило, игнорировали присутствующую в его текстах религиозную проблематику. Эта линия стала впоследствии господствующей в советском литературоведении. В атмосфере большевизма даже такие крупные самобытные исследователи, как М.М. Бахтин, не имели возможности, при всей их любви к Достоевскому, уделять должное внимание его теологическим идеям. Только богословы, писатели и литературоведы русского зарубежья, оставшиеся свободными в своих мировоззренческих ориентациях и творческих пристрастиях, имели возможность рассматривать идейно-творческий мир Достоевского в его целостности и приблизиться вплотную к богословским смыслам его текстов.

Если в богословии видеть только строгую систему теоретических знаний в виде доктрин, идей, принципов, нацеленных на осмысление индивидуально-коллективного религиозного опыта, то Достоевский оказывается за его пределами. Если учитывать, что он не теоретик, не систематик, то получается, что любые попытки выстроить некую целостную, рационально сконструированную систему из его религиозно-философских воззрений обречены на неудачу. Но если под богословием понимать совокупность тех представлений и знаний, которые возникают в результате творческого стремления человеческого духа приблизиться к пониманию богооткровенных истин, то тогда возникает возможность говорить о *художественном богословии* писателя. Достоевский признавал существование Бога, веровал в Его благодную волю, в воскресение Иисуса Христа и привносил этот духовный настрой в свои произведе-

ния, где присутствуют многочисленные свидетельства тому – библейские образы, символы, мотивы, прямые и скрытые цитаты из Священного Писания.

В пользу необходимости разговора о художественном богословии Достоевского свидетельствует еще одно обстоятельство. Современное богословское сознание видит одну из задач теологии в том, чтобы учитывать перемены, происходящие с миром и человеком, и стремиться как можно полнее и ярче высвечивать суть основополагающих богословских истин при помощи современных выразительных средств. Достоевский умел это делать как никто, что и превратило его творчество в предмет постоянного внимания профессиональных богословов всех христианских конфессий – православных, католиков и протестантов.

Признать Достоевского художником-богословом – это значит высветить в его философско-религиозном наследии не только то, что его сближает с общепринятыми формами богословствования, но и то, что отличает его от них. Первое же отличие, сразу бросающееся в глаза, заключается в особенностях тех внешних форм, посредством которых Достоевский размышляет о реалиях трансцендентного мира. Это прежде всего погруженность его религиозного дискурса в пространство *наррации*, в стихию художественно-образной повествовательности, в результате чего возникает нечто особенное, что не часто встречается в истории христианской мысли, – *единство теологии и художественности*.

То обстоятельство, что художественно-образная наррация Достоевского переводима на язык богословских идей, не облегчает, а, напротив, затрудняет задачу реконструирования его богословия в целом. Писатель не сочинял теологических трактатов, содержащих систематический анализ библейских или святоотеческих текстов, не стремился к созданию спекулятивных богословских конструкций, не занимался ни экзегезой, ни библейской герменевтикой, ни какими-либо иными богословскими изысканиями. И все же мы позволяем себе говорить о нем как о богослове потому, что у нас перед глазами есть тексты Четвероевангелия, написанные в нарративной форме и тоже не являющиеся образцами систематического богословия. Но, как известно, из евангельских текстов выросла христианская теология, и потому отношения между текстом Евангелия и совокупным интертекстом христианского богословия может служить исходной эпистемологической моделью при анализе типологически сходных ситуаций.

Иными словами, нет никакой надобности выстраивать на основе всей совокупности текстов Достоевского некую теологическую систе-

му. Равно нет необходимости и в том, чтобы «поражать в теологических правах» сильного и оригинального мыслителя, который облакал свои религиозно-философские идеи в художественные формы, не стремясь к выстраиванию собственной модели теологического дискурса со строго рациональной архитектурой.

Если исходить из определения богословия как совокупности запечатленных в текстах размышлений о Боге и Его отношениях с мирозданием, человечеством и отдельной личностью, то такое богословие у Достоевского имеется. Не являясь создателем систематической теологии, он, однако, был разработчиком целого ряда крупных богословских идей, которые облачены у него либо в художественные, либо в публицистические, либо в эпистолярные формы. Его богословие не просто повествовательно, но и художественно, и эта художественность такова, что за образами, диалогами, драматическими сценами всегда присутствует убежденность автора в том, что Бог, с одной стороны, и силы тьмы, с другой, активно действуют в этом мире и что люди, независимо от того, учитывают они это или нет, пребывают в духовном пространстве, где дьявол с Богом борется.

Образы Достоевского, всегда конкретные и неповторимые, насыщены явственным теологическим содержанием, которое невозможно не замечать, с которым нельзя не считаться и которое требует к себе самого серьезного отношения. И хотя, с одной стороны, художественная нарративность выводит тексты Достоевского за пределы цеховой корпоративности христианских богословов как профессионального сообщества, она же, вместе с тем, открывает врата для сознания, не искушенного в вопросах веры, и даже для тех, кто вообще пребывает вне веры – словом, для тех, кто никогда в жизни не прикоснется ни к одному богословскому сочинению.

Только на первый, самый поверхностный взгляд может показаться, что художественное и философско-теологическое мышление Достоевского подчиняются разным правилам. Однако на том семантическом уровне, где речь идет о предельных смыслах бытия и абсолютных ценностях, налицо несомненное сходство используемых писателем дескриптивно-аналитических средств. Их сближают как общая ориентированность на истины Евангелия, так и общность охватываемого ими проблемного пространства. Если теология, как утверждают сами богословы, «погружена скорее в вопросы веры, надежды и любви, греха и спасения, жизни здесь и теперь, в наши надежды на загробную жизнь,

а прежде всего – задается вопросом о Боге и о том, что Бог совершил во Христе» [Моррис 1995, с. 11–12], то в это же самое погружена и художественная мысль Достоевского. Богословствование и живописующая художественность сосуществуют в его текстах на паритетных началах. Между ними установлены отношения конструктивного взаимодействия, где каждая сторона дополняет другую и вносит в общую повествовательную ткань свои содержательные штрихи и смысловые оттенки. В результате получается так, что художественность не препятствует, а способствует постижению теологической значимости идей и образов.

У художественного богословия Достоевского есть еще одна особенность, к которой применимо известное понятие *магического реализма*. К его истинному смыслу помогает приблизиться мысль Вяч. Иванова о том, что художник-реалист – это тот, кто способен сочетать в своем творчестве «верность вещам» с верностью идеям, идеалам, священным символам и для кого открывается возможность творческого продвижения «от реального к реальнейшему». Именно этой способностью проникать сквозь реальное и приближаться к «реальнейшему» обладал Достоевский. Он не возражал против того, чтобы критики называли его реализм «идеализмом», видя в этом глубокий смысл: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает... Ихним реализмом – сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты» [Достоевский 1985, с. 329]. Для Достоевского «казенный взгляд» на обыденные явления, присутствующий в произведениях многих заурядных литераторов, – это еще не реализм. Там, где писатель не в состоянии проникнуть за поверхность явления, за внешнюю оболочку факта в его глубины, которые всегда непостижимо фантастичны, то есть когда ему не под силу движение «от реального к реальнейшему», он не вправе называть себя реалистом.

Достоевский умел в своих произведениях смещать временные координаты и перемешивать временные потоки. То же самое он делал и с пространством: оно зачастую теряет у него устойчивость, лишается привязанности к чему-либо прочному, заставляет читателя утра-

тить всякое представление о том, где его «я» находится на самом деле. В художественных мирах Достоевского зачастую существенно ослаблена или даже иногда сведена к минимуму психофизическая причинная детерминация изображаемых состояний и событий. Ее замещает логика, не вписывающаяся в обычные каузально-детерминационные схемы, подчиняющаяся неким таинственным силам, в сущность которых человек не в состоянии проникнуть. При этом обе реальности, физическая и сверхфизическая, сосуществуют в таком глубоком взаимопроникновении, что даже их мысленное, условно-теоретическое разделение теряет всякий смысл. Самое же удивительное из того, что происходит с читательским «я», осознавшим подобную двойственность бытия, – это не отрыв от реальности, а, напротив, возникновение ощущения, что оно погружается в такие смысловые пласты сущего и должного, где ему открывается жизненная правда самой чистой и высшей пробы, которая прежде была от него скрыта.

Главная особенность магического реализма Достоевского состоит в том, что это не языческий, не оккультный, а *христианский* реализм. И это придает его художественно-религиозному письму теологическую значимость, способность полноправно, в полную силу участвовать в жизни и развитии христианского богословского дискурса. С. Фудель верно заметил, что «христианство Достоевского в искусстве – это не речи проповедника. Это почти не определяемая локально, но всегда ясно ощущаемая общая точка зрения на мир, какой-то луч света, откуда-то сбоку освещающий темное царство его художественных трагедий. Попадая в стихию его больших романов, мы знаем, что вошли в стихию христианского миропонимания, стали видеть и понимать мир по-христиански, что в этом аду нас сопровождает Вергилий, христианское чутье которого адекватно его чутью художественному» [Фудель 1995, с. 138].

Достоевскому после того, как он почувствовал и осознал, что Бог как главное путеводное начало вошел к нему в душу, в творческое сознание, нужен был Христос не приземленный, секуляризованный, как у Э. Ренана и Д. Штрауса, а абсолютный, истинный. Только в такого Христа он хотел верить и только Ему поклоняться. О том, насколько высоко он ценил это свое стремление, говорит его следующее признание: «Верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Хри-

ста, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский 1985, с. 176].

Каждый исследователь, признающий в Достоевском крупного и самобытного русского богослова, вправе иметь собственную точку зрения на религиозные воззрения писателя. Каждый вправе выстраивать, реконструировать собственную модель богословия Достоевского, позволяя ему, при сохранении незыблемым текстуального, идейно-содержательного ядра, обретать различные концептуально-дискурсивные формы. Последние будут при этом зависеть от множества частных обстоятельств, связанных с эпохой и культурой, внутри которых живет интерпретатор, с особенностями его ментальности, мировоззрения, творческих наклонностей и т.д. Поэтому можно сказать, что на сегодняшний день, при отсутствии общепризнанной дискурсивной модели теологии Достоевского, существуют теология Достоевского-Бердяева, Достоевского-Мережковского, Достоевского-Булгакова, Достоевского-Розанова, Достоевского-Лосского, Достоевского-Антония Храповицкого, Достоевского-Гвардини и т.д.

Мы имеем все основания говорить об особом теологическом призвании Достоевского. Богословская проблематика вошла в его творчество не сразу и не в результате его целенаправленных усилий, а как бы помимо его воли. Несколько важных факторов сыграли при этом определяющую роль. Во-первых, потребовались серьезные испытания, тяжелейшие личные потрясения, чтобы писатель отошел от тех либеральных воззрений, которые едва не захватили и не поглотили его целиком в начальный период творчества. Петропавловская крепость, инсценированная казнь на Семеновском плацу, долгие годы каторги и солдатчины придали его духовному зрению и слуху повышенную чуткость к религиозно-богословским вопросам.

Во-вторых, переходная эпоха пореформенной России, ее медленная трансформация из традиционного общества в индустриальное и одновременное вхождение российской цивилизации и культуры в эпоху модерна с его секуляризмом, крушением иерархий теоцентрически ориентированных ценностей бросали вызов христианству. Надвигавшийся на российскую цивилизацию тяжелейший духовный, экзистенциальный кризис необходимо было осмыслить не только в позитивистских, материалистически-нигилистических терминах социального радикализма, но и в христианских категориях. Нужна была христианская теология кризиса, теология аномии, как индивидуальной, так и социальной. И Достоевский принял этот вызов истории и создал свое бо-

гословие греха и беззакония. И, в-третьих, на фоне застоя официально церковного богословия религиозно-философская мысль, аутентичная запросам времени, нашла в России возможность развиваться в иных формах, предоставляемых областью литературно-художественного творчества. Приняв эти вызовы¹ и встав на путь открывшихся духовных возможностей, Достоевский сумел силой своего творческого гения оказать живительное воздействие на духовно-религиозную жизнь российского общества, на русскую религиозную философию и даже на православное богословие в лице его наименее ортодоксальных и наиболее творческих представителей (Антоний Храповицкий и др.). Можно, таким образом, говорить, что Достоевский и русская религиозная метафизика в какой-то степени приняли на себя миссию развития богословской мысли в России. Более того, Достоевский оказался признанным духовным лидером этого процесса, так что даже после его смерти эта лидирующая роль за ним продолжала сохраняться. Одним из свидетельств тому может служить то обстоятельство, что практически каждый крупный религиозный философ, церковный и светский богослов серебряного века, а затем и русского зарубежья считали своим долгом уделить его творчеству особое внимание в своих трудах. И это несмотря на то, что в теологическом дискурсе Достоевского тема неверия была представлена гораздо отчетливее темы веры. И это понятно: эпоха модерна и секуляризма давали о себе знать и настойчиво актуализировали тему массового безверия.

Характерно, что сам Достоевский никогда не скрывал глубокой противоречивости своего личного религиозного опыта и неоднократно признавался, что на протяжении всей жизни мучился вопросом о су-

¹ Спустя десятилетия, уже в XX в., английский историк-культуролог Арнольд Тойнби сформулирует концепцию, в которую задним числом впишется та непростая логика духовного поиска, через которую прошел Достоевский. Тойнби изобразит историю как экзистенциальную драму, в которой разыгрываются сцены всевозможных испытаний, обрушаемых на человека высшими силами. Испытания могут выступать в виде естественных и социогенных катаклизмов, внешних нашествий и завоеваний, возникновения опасных очагов социального возмущения внутри локальных цивилизаций и т.д. Так мир бросает свой вызов человеку, который обязан достойным образом ответить на него. Ответ же, в свою очередь, предполагает энергичные творческие усилия, позволяющие справиться с обстоятельствами и, по возможности, разрешить обнаружившиеся противоречия. Затем следует новый «вызов», порождающий новые «ответы», не позволяющие цивилизации впасть в состояние дремоты, самодостаточности и самодовольства. Ритмические чередования «вызовов» и «ответов» составляют пульс существования локальной цивилизации от рождения до ее угасания. Характерно, что на все «вызовы» мира отвечает не общество в целом, а в первую очередь его творческая элита, ведомая жизненным порывом, заряжающая своей энергией массы и ведущая их за собой.

ществовании Бога и что чем больше его разум приводил доводов «против», тем сильнее была в его сердце жажда веры². В русле этой коллизии внутренней жизни сложился замысел романной эпопеи «Атеизм», протагонист которой, выступавший художественным «alter ego» автора, должен был пройти через горнило тех же сомнений. В 1869 году Достоевский в письме к А.Н. Майкову писал, что жизнь главного героя задуманного романа предстанет как история борения с собой, история падения и воскрешения, а сам он будет напоминать вольтеровского Кандида с той существенной разницей, что его странствия станут совершаться преимущественно в сфере духа. Эпопея должна была стать грандиозной русской теодицеей. Позднее идея «Атеизма» трансформировалась в замысел сверхромана «Житие великого грешника», частичными воплощениями которого стали романы «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». В их содержании важное место заняли «настоящие русские вопросы» о существовании Бога и бессмертии души.

Если учитывать, что одна из главных задач богословия состоит в том, чтобы облекать духовную силу христианских догматов в современные дискурсивные формы, вписывать их в духовный контекст новой эпохи, не позволять растворяться в нем и сохранять свои путеводительские свойства, то Достоевский умел это делать как никто. Это и превратило его творчество не только в предмет постоянного внимания профессиональных богословов, православных, католиков и протестантов, но и придало христианской поэтике его романов способность успешно выдерживать натиск самой секулярной из эпох.

Литература

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 тт. – Л., 1985. – Т. 28. Ч. II.
Моррис Л. Теология Нового Завета. – СПб., 1995.
Эко У., Мартини К. Диалог о вере и неверии. – М., 2007.

² Данное состояние типично не только для человека эпохи раннего модерна, каковым являлся Достоевский, но и для человека позднего модерна и постмодерна. Оно присуще не только людям, пребывающим в состоянии полуверы-полуневерия, но и искренне и глубоко верующим христианам. В этом смысле характерно признание крупного современного богослова К. Мартини, утверждавшего, что «верующий» и «неверующий» – это не только два типа людей, но и два состояния одного и того же человека. В каждом христианине, даже в богослове и священнослужителе, есть что-то от того и от другого [Эко, Мартини 2007, с. 15].

ЧИСЛО

(Нимфетки в «Лолите» и автобиографии В. Набокова)

В.В. Десятов

Ключевые слова: прототип, автобиография, нимфетки, номер, лилия.
Keywords: prototype, autobiography, nymphets, number, lily.

Vladimir Nabokov, первая буква фамилии которого так напоминает знак №, был большим нумерологом, о чем неоднократно писали (см., например: [Tammi 1995, p. 75–98, Старк 2000, с. 7–18]). В романе «Лолита» главная героиня появляется в десятой главе. 10 апреля по старому стилю день рождения Набокова. Гумберт Гумберт родился в 1910 году [Набоков 1997, с. 17], а встреча с Лолитой для Г. Г. стала своего рода вторым рождением. Но вряд ли явление Лолиты именно в десятой главе можно объяснить только этим.

Имя героини в тексте главы первоначально возникает в форме «Ло», которая трижды повторяется [Набоков 1997, с. 51, 51, 54]. Следствием чего становится *преращение номера главы в ее название*, поскольку цифры, входящие в состав числа «10», можно воспринять и как английские печатные буквы: «10» = «lo». Замена большой «L» на малую соответствует художественной логике романа, где весь образ Лолиты представляет собой литоту, параграммой которой имя героини является [Смирнов 1994, с. 263].

В набоковедении высказывалась мысль, что прототипом Лолиты была девочка, названная в автобиографии писателя Поленькой. Подробнее других об этом написала Е. Филаретова [Филаретова 2002, с. 221–227]. Исследовательница сделала несколько ценных наблюдений, но произвольно отождествила имена «Поленька» и «Полина». «Поленька» – уменьшительная форма не только от «Полина», но и от «Пелагея». Имя «Пелагея» встречается в ряду имен других девочек между Клод Дебрэ (1909; «Колетт») и Валентиной Шульгиной (1915; «Тамара») в донжуанском списке Набокова. Брайан Бойд, приводящий этот список, выдвигает предположение, что Пелагея и есть Поленька [Бойд 2001, с. 119]. Имя «Пелагея» означает «морская», что соответствует «русалочному воплощению» Поленьки.

Не вызывает сомнений, что «Поленька» – прототип героини набоковского стихотворения «Лилит». Нагая девочка Лилит «с речною лилией в кудрях» [Набоков 2000, с. 437] напоминает герою стихотворение

*весну земного бытия,
когда из-за ольхи прибрежной
я близко, близко видеть мог,
как дочка мельника меньшая
шла из воды, вся золотая,
с бородкой мокрой между ног* [Набоков 2000, с. 437].

В «Других берегах» рассказывается, как будущий мемуарист стал случайным свидетелем купания Поленьки, своей ровесницы, тринадцатилетней дочери кучера. В этом фрагменте мемуаров упоминаются и ольхи, и водяные лилии, и «золотой» фон образа Поленьки [Набоков 2000, с. 281, 282]. С другой стороны, набоковская Лилит – одна из явных русских пра-Лолит.

Еще один мифологический образ-медиатор между Поленькой и Лолитой – Афродита / Венера. Гумберт Гумберт сравнивает Лолиту с героиней знаменитой картины С. Боттичелли «Рождение Венеры»: *«мне стало ясно только теперь – в этот безнадежно поздний час жизненного дня – как она похожа – как всегда была похожа – на рыжеватую Венеру Боттичелли – тот же мягкий нос, та же дымчатая прелесть»* [Набоков 1997, с. 331]. И далее Гумберт думает о муже Лолиты: *«Он в ладони свои заключал ее флорентийские груди»* [Набоков 1997, с. 336]. Поленька соотносима с новорожденной богиней любви в качестве первого серьезного эротического переживания Набокова. Афродита родилась из пены морской, Поленька в памяти Набокова связана со стихией воды. Мужем Афродиты был кузнец Гефест, и Поленьку выдали замуж за кузнеца [Набоков 2000, с. 281]. В третьем, окончательном варианте набоковских мемуаров «Speak, Memoir» содержится дополнительный мнемоснимок с Поленьки-купальщицы, отсутствовавший в «Других берегах»: *«я смотрел, как чужая Поленька дрожит, присев на досках полуразломанного причала, скрещенными руками прикрывая от восточного ветра груди <...>»* [Набоков 1999, с. 497–498]. Этот образ мог напомнить Набокову «Рождение Венеры», где на богиню дуют зефиры, а она прикрывает грудь рукой. Ордежь, название реки, в которой купалась Поленька, – параграмма слова «рождение».

Но Лолиту можно соотнести с Поленькой и непосредственно, без образов-медиаторов. В двух именах присутствует звуковой комплекс «оли» / «оле». Один из вариантов именования Лолиты в русском тексте – «Долинька» – рифмуется с «Поленька». Определяющая черта обоих образов – светоносность. Первые слова исповеди Гумберта: *«Лолита,*

свет моей жизни, огонь моих чресел» [Набоков 1997, с. 17]. Поленька, – пишет Набоков, – *«была первой, имевшей колдовскую способность на кипанием света и сладости прожигать сон мой насквозь (а достигала она этого тем, что не давала погаснуть улыбке) <...>»* [Набоков 2000, с. 281]. В «Speak, Мемогу» еще более определенно говорится о поллюциях. Следовательно, Поленька была первым в жизни Набокова «суккубом» (ср. *«демонскую»* [Набоков 1997, с. 26] природу нимфеток). У двух героинь похожие улыбки. Стоявшая на пороге избы Поленька *«следила за моим приближением издалека с удивительно приветливым сиянием на лице, но по мере того, как я подъезжал, это сияние сокращалось до полуулыбки <...>»* [Набоков 2000, с. 280]. У Лолиты было *«мечтательное сияние всех черт лица, – улыбка, которая ничего, конечно, не значила, но которая была так прекрасна, так самобытно нежна, что трудно ее объяснить атавизмом, магической геной, произвольно озаряющей лицо в знак древнего приветственного обряда (гостеприимной проституции, скажет читатель поглубже)»* [Набоков 1997, с. 349].

Лолита лишилась невинности в лагере «Кувшинка», «играя» с другой Варварой и тринадцатилетним Чарли Хольмсом [Набоков 1997, с. 169–170]. Голая Поленька *«спасалась от бритоголовой, тугонпозой девчонки и бесстыдно возбужденного мальчишки <...>, которые приставали к ней, хлеща и шлепая по воде вырванными стеблями водяных лилий»* [Набоков 2000, с. 282]. Таким образом, нимфетки в творчестве Набокова прочно ассоциируются с водяными лилиями, которые называют также кувшинками и нимфеями. (Ср. наблюдение А.В. Леденёва, который предлагает, «оттолкнувшись от признания Набокова в любви к “итальянской роскоши аллитераций”, раскрыть соответствующий словарь и найти там “лилию” в иноязычной звуковой оболочке – *nimfe*, а потом перечитать “Лолиту”, учитывая эту потустороннюю фонетику текста». «Нимфетка», по мысли исследователя, – это, «по сути, итальянизированная “лилечка”» [Леденёв 2004, с. 5]).

Писалась «Лолита» одновременно с набоковской автобиографией.

К нумерации глав Набоков подходил как к одной из сторон реализации художественного замысла. (Примеров тому множество, приведем здесь единственный: одиннадцатая глава в «Лолите» и одиннадцатая глава в романе «Отчаяние» представляют собой дневниковые записи рассказчиков). Поэтому еще один веский аргумент в пользу сближения образов Поленьки и Лолиты – тот факт, что в «Других берегах» о Поленьке тоже рассказывается в десятой главе.

Литература

- Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. – М., 2001.
- Леденев А.В. Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. – М., 2004.
- Набоков В. (В. Сирин). Собр. соч. русского периода в 5 т. – СПб., 2000. – Т. 5.
- Набоков В. Собр. соч. американского периода в 5 т. – СПб., 1997. – Т. 2.
- Набоков В. Собр. соч. американского периода в 5 т. – СПб., 1999. – Т. 5.
- Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М., 1994.
- Старк В.П. Знаменательные даты в хронографии Набокова // Набоковский вестник. Вып. 5. Юбилейный. – СПб., 2000.
- Филаретова Е. Неизвестная муза Владимира Набокова. Генезис «Лолиты» // Нева. – 2002. – №10.
- Tammi P. Nabokov's Poetics of Dates // Scando-Slavica. – 41 (1995).

НА ПУТИ К «ТРЕТЬЕМУ» МОРУ. ВСТУПЛЕНИЕ К «КНИГЕ ФОРТУНЫ»

Л.В. Егорова

Ключевые слова: святой, гуманист, Фортуна, королевская строфа, Тюдоровская поэзия.

Keywords: saint, humanist, Fortune, rhyme royal stanza, Tudor poetry.

Еще в 1954 г. в «Английской литературе в XVI веке» К.С. Льюис обращал внимание на то, что в большинстве работ сэра Томаса Мора ощущается «третий» Мор, а не тот святой и гуманист, какого из него сделали и каким его соответственно представляют. В то время как гуманист и святой описаны достаточно (святой – в пространном ряду агиографий, гуманист – в работах, посвященных «Утопии»), попытки подойти к «третьему» Морю по-прежнему оставляют желать лучшего (см.: [Фох 1982, р. 1–3]). Для приближения к реальности необходимо вчитаться и в его поэтические тексты, и в полемические труды. В данной статье мы обратимся к стихотворным сюжетам, своеобразно обрамляющим творчество Мора, – к его раннему и двум поздним обращениям к Фортуне.

В 1504-м – девятнадцатый год правления Генриха VII – 26-летний Томас Мор избран в Парламент, где выступает – принципиально и смело, и – как результат – вынужден удалиться от двора до самой смерти короля, заняться самосовершенствованием и творчеством одновременно

с созданием семьи (1504-й – год женитьбы, далее – последовательное появление на свет четырех детей). В это время, помимо известных в России латинских эпиграмм и переводов Лукиана, Мором написаны такие блестящие стихотворные произведения на английском, как «Nine Pageants» /*Nyne pageauntes*/ (о девяти этапах жизни человеческой: от детства – в вечность; напомним, Шекспир в «Как вам это понравится» будет говорить о «семи возрастах» («seven ages»); «A Rueful Lamentation» – элегия на смерть жены Генриха VII – королевы Елизаветы /*A ruful lamentacion of the deth of quene Elisabeth*/; имитация фаблио Чосера «A Merry Jest, How a Sergeant Would Learn to Play the Friar» /*A meri iest how a sergeant would learne to playe the frere...*/; интересующие нас здесь стихи к «Книге Фортуны».

«Книга прекрасной благородной дамы, которой не должен доверять ни один человек, – Леди Фортуны, льстящей тем, кто жаждет всего, и особенно тем, кто верит ей, и кого она в итоге и обманывает» (*The Boke of the fayre Gentywoman, that no man shulde put his truste, or confydence in: that is to say, Lady Fortune: flaterynge euery man that coueyteth to haue all, and specyally, them that truste in her, she deceyueth them at laste*. London, 1538. STC². 18078.5) с предвещающими стихами Томаса Мора (*Certain meters in english written by master Thomas More in hys youth for the boke of Fortune, and caused them to be printed in the bygynning of that boke*) впервые издана в 1538 году Робертом Уайером (Robert Wyer). Согласно Уайеру, «Certain meters» включают в себя:

(1) краткий пролог, состоящий из трех королевских строф на английском;

(2) две строфы на французском и две на английском: «Fortune reuerse...» и «Fortune, O myghty and varyable...»;

(3) шесть королевских строф обращения Фортуны к людям: «The wordes of Fortune to the people»;

(4) двадцать четыре королевские строфы обращения Томаса Мора к верящим в Фортуны: «Thomas More to them that trust in Fortune»;

(5) семь королевских строф обращения Мора к ищущим ее: «Thomas More to them that seke Fortune»;

(6) две строфы на французском, предоставляющие слово Фортуне: «Fortune spekethe».

В издании Уильяма Растелла (*The Workes of Sir Thomas More knyght, Sometyme Lorde Chauncellor of England, Wrytten by Him in the English Tonge* [London 1557] девять строф пролога и эпилога не включе-

ны: возможно, издатель счел их не принадлежащими сэру Т. Морю, или мы имеем дело со своеобразным редактированием образа Мора и, как следствие, отсечением строк, не соответствующих желаемому. Что касается «The wordes of Fortune to the people», «Thomas More to them that trust in Fortune», «Thomas More to them that seke Fortune», здесь сомнений по поводу авторства Мора, насколько нам известно, не высказывалось, хотя количество частей, действительно написанных Т. Мором, как и время создания, – вопрос спорный (см.: [Sister Mary Edith Willow 1982, p. 174–215; Fox 1982, p. 9–27]).

(1) Пролог – своеобразная защита Мором своего решения писать, несмотря на ощущение дилетантства. В первой строфе – свидетельство его обширного чтения в области поэзии, риторики, философии и замечательный образ мертвого дерева, неспособного породить достойный плод: смиренное признание собственной неадекватности величайшему и сомнение в возможности создать что-либо на этом уровне:

*Halfe amased I am and as a deed tre
Stonde styl, ouer rude to brynge forth
Any fruyte or sentence, that is ought worth.*

Во второй строфе Мор ссылается на то, что в переживаемые времена и неученые не воздерживаются от «выбалтывания», письменной декларации того, что у них на уме: «unlerned men nowe a days, wyll not spare / To wryte, to bable, theyr myndes to declare». Он начинает с пишущих французские хроники, английские, пишущих на латыни; с псевдописателей переходит на псевдофилософов: «Some in french Cronycles, gladly doth presume / Some in Englysshe, blindly wade and wander / Another in laten bloweth forth a darke fume / As wyse as a great hedded Asse of Alexandre / Some in Phylosophye, lyke a gagelynge gandre / Begynneth lustely the browes to set up / And at last concludeth in the good ale cup». Мор склоняется к возможности высказывания.

(2) Две королевские строфы на английском описывают Фортуну как могущественную и изменчивую («Fortune, O mighty and varyable»), непостоянную, ускользающую, ненадежную, предательскую («Inconstaunce, slypper, frayle, and full of treason»). Своей жестокой силой она уничтожает лучших («Good folke thou stroyest»), возвышает и обогащает недостойных («Fortune unworthy men setteth in honoure», «the uniust enrycheth»), убивает юных («Yonge men she kylleth, and letteth olde men lyue»). Никто не пребывает в ее милости вечно, и она не оставляет в покое тех, кто в немилости («Neither for euer cherysshyng, whom she taketh / Nor for eure oppresyng, whom she forsaketh»).

Обращение к строфам на французском ясно свидетельствует, что французские и английские строфы отнюдь не вариации, но разные подходы к теме Фортуны.

На созвучие английских строф Мора и псевдовергилиевой эпиграммы из «*Anthologia latina*», напечатанной Себастьяном Брантом (Sebastian Brant) в 1502 году, указывает Хубертус Шулте Хербрюген [Herbrüggen Hubertus Schulte 1967, p. 155–172]. Опираясь на его наблюдения, в книге «Томас Мор: история и провидение» Алистер Фокс задается вопросом: что кроется за большей трагичностью Мора в сравнении с латинским источником? [Fox 1982, p. 19–23]. Фокс справедливо замечает, что в словах Мора ощутимы смятение и отчаяние. Фортуна – привычная персонификация, но что стоит за ней и за отношением к ней Мора?

По весьма правдоподобию предположению А. Фокса, в годы написания уже упомянутых ранних поэтических произведений Мор, по всей вероятности, переживает духовный кризис. Свидетельство тому – письмо от 23 октября 1504 года духовному наставнику Джону Колету. Упомянув о встрече с его слугой, Мор говорит об испытываемой печали по поводу невозвращения в Лондон самого Колета: «By following your footsteps I had escaped almost from the very gates of hell, and now, driven by some force and necessity, I am falling back again into gruesome darkness. I am like Eurydice, except that she was lost because Orpheus looked back at her, but I am sinking because you do not look back at me» [St Thomas More 1961, p. 4]. Следуя по вашим следам, я ускользнул почти из самых врат ада, и теперь, побуждаемый некоей силой и необходимостью, снова падаю в ужасную тьму. Я как Эвридика, с той только разницей, что она исчезла, ибо Орфей оглянулся на нее, я же погружаюсь во тьму, потому что вы не оглядываетесь). Что стоит за этими строками Мора? Излишняя комплиментарность гуманиста, как считает Луптон [Lupton 1909, p. 145]? Чего жаждет Мор, в каком тупике он находится?

Обратимся к основным частям вступления к «Книге Фортуны».

(3) «The wordes of Fortune to the people»

У Мора Фортуна уже не та языческая богиня, в честь которой возводились храмы, чтобы боготворить ее, но властвующая над временным надменная величественная царица. Она хвалится тем, что «богатства, поклонение, изобилие и величие» («richesse, worship, welth, and dignitie»), равно как и «радость, покой, мир» («ioy, rest, and peace») – в ее распоряжении. Обращает на себя внимание недвусмысленность ее узурпации прерогативы Бога – дарования духовных благ:

...

*Ioy, rest, and peace, and all thyng fynally,
That any pleasure or profit may come by,
To mannes comfort, ayde, and sustinaunce,
Is all at my deuysse and ordinaunce.*

Шанс правит человеческой жизнью – органичное для Фортуны мировосприятие. Она убеждена, что без ее помощи достигнуть ничего невозможно («Without my favour there is nothyng wonne»), что без везения не обойтись никому («Without good happe there may no wit suffise»), что лучше быть счастливым, чем мудрым («Better is to be fortunate than wuse»). Фортуна откровенно смеется над теми «некоторыми», что писали книги в ее порицание:

*And therefore hath there some men bene or this,
My deadly foes and written many a boke,
To my dispraise.*

Единственно реальную причину их неприятия она усматривает в том, что им не удалось достичь ее благоволения – она не одарила их своим приветливым взглядом, и их последующее поведение напоминает ей ситуацию с лисой и виноградом из басни Эзопа:

*Thus lyke the fox they fare that once forsoke,
The pleasaunt grapes, and gan for to defy them,
Because he lept and yet could not come by them.*

Стоит ли обращать на них внимание? Фортуна апеллирует к здравому смыслу тех, кому очевидно, что веселье, честь, богатство несравненно лучше бедности и боли, что вечно несчастный человек без ее помощи совершенно безутешен; он презренная ноша и для мира, и для себя самого:

*But let them write theyr labour is in vayne,
For well ye wote, myrth, honour, and richesse,
Much better is than penury and payne.
The nedy wretch that lingereth in distresse,
Without myne helpe is ever comfortlesse,
A very burden odious and loth,
To all the world, and eke to him selfe both.*

Фортуна умело балансирует, предлагая то богатство, власть, престиж, то спокойствие духа и ясность ума. По ее словам, нет ничего легче, чем вознестись с ее помощью («...he that by my fauour may ascende») к вершинам власти («A common wele to gouerne and defende»), и тогда – блаженство:

*O in how blist condicion standeth he:
Him self in honour and felicite,
And ouer that, may forther and encrease,
A region hole in ioyfull rest and peace.*

Со всей определенностью Фортуна Мора признает, что в настоящее время нет сомнений в том, что человек – владыка своей судьбы, что каждый следует свои путем:

*Eche man hath of him self the gouernaunce.
Let euery wight than folowe his owne way.*

Желающих выбиться из бедности, несчастья и преуспеть в богатстве Фортуна склоняет к прислуживанию ей:

*And he that out of pouertee and mischaunce,
List for to live, and wyll hym selfe enhaunce,
In wealth & richness, come forth and wayte on me.*

Нет, она отнюдь не навязчива и подчеркнуто-высокомерно не лишает свободы и желающих остаться в бедности:

*And he that wyll be a beggar, let hym be.
«Thomas More to them that trust in Fortune»*

Предоставив слово Фортуне, в первой строфе следующей части сам Мор обращается к верящим в Фортуну – аудитории, уязвимой своей гордостью, алчностью, тщеславием:

*Thou that art prowde of honour shape or kynne,
That hepest up this wretched worldes treasure,
Thy fingers shrined with gold, thy tawny skynne,
With fresh apparayle garnished out of measure,
And wenest to haue fortune at thy pleasure...*

Их он просит взглядеться (предписание «cast up thyne eye» напоминает технику медитации, позволяющую зреть глазами воображения) и удостовериться в том, что ее изменчивость не оставляет человеку никаких шансов на успех:

*Cast up thyne eye, and loke how slipper chaunce,
Illudeth her men with chaunge and varyaunce.*

С ее прекрасной внешностью и обманчивым умом («With fayre countenance and disceitfull mynde») Фортуна чрезвычайно обольстительна. Спондей первой строки второй строфы задает тон неторопливому взвешенному движению и сменяется анапестом, предотвращая возможную монотонность стиха. Зримые кадры проходят перед нашими глазами. Сначала леди Фортуна прекрасна и ярка, как Венера. Она манит к себе и дарует улыбку каждому, но эта мнимая приветливость не-

надолго. Изменится ее настроение – и она напоминает раздувающуюся змею, яростью своей – адскую фурию:

*Some tyme she loketh as louely fayre and bright,
As goodly Venus mother of Cupyde.
She becketh and she smileth on euery wight.
But this chere fayned, may not long abide.
There commeth a cloude, and farewell all our pride.
Like any serpent she beginneth to swell,
And looketh as fierce as any fury of hell.*

Но люди не перестают пресмыкаться перед нею, изменчивой, как ветер. Мор не исключает себя из рода человеческого. При очевидной дистанцированности от тех, кто служит Фортуне, весьма показательное использование притяжательного местоимения первого лица множественного числа: «So wretched is our nature and so blynde» (Настолько извращена наша природа, и настолько мы слепы). Нет числа уподобленным рою пчел поклонникам, окружившим Фортуну:

*To crouche and knele and gape after the wynde,
Not one or twayne but thousandes in a rout,
Lyke swarmyng bees come flickeryng her aboute.*

Четвертая строфа живописует, как, подобно то ли кудеснице, то ли торговке, она неторопливо выкладывает свои товары: серебро, золото, богатый жемчуг, драгоценные камни – и собравшиеся не могут отвести взгляд и жаждут, как голодные псы жаждут кости, изобилия роскошной госпожи, а она смеется над ними, гордо восседая на троне среди сокровищ и богатств:

*Then as a bayte she bryngeth forth her ware,
Silver, gold, riche perle, and precious stone:
In whiche the mased people gase and stare,
And gape therefore, as dogges doe for the bone.
Fortune at them laugheth, and in her trone
Amyd her treasure and waueryng rychesse,
Prowdly she houeth as lady and empressse.*

Мор акцентирует животную стадность и аппетит («mased», «gase and stare», «gape», сравнение с псами), готовность клонуть на наживку («a bayte»).

Колоритно описание окружения леди Фортуны в пятой строфе:

*Fast by her syde doth wery Labour stand,
Pale Fere also, and Sorow all bewept,
Disdayn and Hatred on that other hand,
Eke restless watche fro slepe with trauayle kept,*

*His eyes drowsy and loking as he slept,
Before her standeth Daunger and Envy,
Flattery, Dysceyt, Mischiefe and Tiranny.*

Нет, в отличие от солнца или росы Фортуна не проливается на все и вся, ее дары достаются немногим:

*Catch who so may she throweth great and small
Not to all men, as commeth sonne or dewe,
But for the most part, all among a fewe.*

Ее забавляет, как суетятся подданные, отталкивая друг друга в борьбе за дары (*brotell – brittle gift* – дар ненадолго, неустойчивый, непродолжительный). В восьмой строфе Мор показывает, что менее всего ее интересуют их чувства. Нисколько не заботясь, она забирает свой дар у одного, чтобы передать его другому:

*And yet her brotell giftes long may not last,
He that she gaued them, loketh prowde and hye.
She whirleth about and pluckth away as fast,
And geueth them to an other by and by.
And thus from man to man continually,
She useth to geue and take, and sliely tosse,
One man to wynnyng of an others losse.*

Девятая строфа демонстрирует, что ей нет дела до поруганной гордости лишенного, его слез, стонов, отчаянных проклятий:

*And when she robbeth one, down goth his pryde
He wepeth and wayleth and curseth her full sore.*

Разлюбив, она ускользает, и человек пополняет ряды проклиняющих ее глупцов:

*But in a whyle when she loueth hym no more,
She glideth from hym, and her giftes to.
And he her curseth as other fooles do.*

Увы, глупцы никак не могут прекратить прислуживать ей, не испытав зла в полной мере. В десятой строфе Мор откровенно недоумевает, как можно, хоть раз взявшись за ее колесо, ощущать себя в безопасности; очевидно, что вознесение сменится падением:

*Alas the folysh people can not cease,
Ne voyd her trayne, tyll they the harme do fele.
About her alway, besely they preace.
But lord how he doth thynk hym self full wele.
That may set once his hande uppon her whele.
He holdeth fast: but upward as he flieth,
She whipeth her whele about, and there he lyeth.*

Одиннадцатая строфа свидетельствует, что ее даров искали и в конечном итоге были безжалостно сброшены с колеса очень и очень многие, начиная с Юлия Цезаря, Дария Великого, Александра Македонского. Примеры, подкрепленные пятикратной анафорой, – красноречивое свидетельство бесконечности ее жертв:

*Thus fell Julius from his mighty power.
Thus fell Darius, the worthy kyng of Perse.
Thus fell Alexander the great conqueror.
Thus many mo then I may well rehearse.
Thus double fortune, when she lyst reuerse
Her slipper fauour fro them that in her trust,
She fleeth her wey and leyeth them in the dust.*

Повтором слова «внезапно» («suddenly») в характерных для Мора ритмичных и афористичных строках словно описывается круг колеса (толчок вверх – ниспадение):

*She sodeinly enhaunceth them a loft.
And sodeynly mischeueth all the flocke.*

Интересна интерпретация Mary Edith Willow, уподобляющей глагол «mischeueth» серпу, одним взмахом пожинаящему немало произрастающего [Sister Mary Edith Willow. 1974, p. 199].

Лиричны и драматичны следующие строки, увы, пророческие для самого Мора – 6 июля 1535 года и он сложит голову на плахе:

*The head that late lay easily and full soft,
In stede of pylows lyeth after on the blocke.*

Ритм привносит ощущение присутствия орудия казни: точка в предложении – удар нанесен.

Следующие строки сложны для истолкования; если иметь в виду обычай целования палачом отрубленной головы, последний поцелуй жертвы уготован жестокой насмешницей палачу (*a knave*):

*And yet alas the most cruell proude mocke:
The daynty mowth that ladyes kissed haue,
She bryngeth in the case to kysse a knaue.*

В тринадцатой строфе мы видим блистательное использование антитезы и эпиграмматической антиметаболы или *commutatio*:

*In chaungyng of her course, the chaunge shewth this,
Up starth a knaue, and downe there falth a knyght,
The beggar ryche, and the ryche man pore is.
Hatred is turned to loue, loue to despyght.*

Искусен аллитерационный стих звучащей веско и убедительно последней строки:

*This is her sport, thus proueth she her might.
Great boste she maketh yf one be by her power,
Welthy and wretched both within an howre.*

Четырнадцатая строфа посвящена похвале Бедности, с веселой усмешкой («wyth mery chere») отвергающей дары леди Фортуны. В числе ее сторонников – мудрый Сократ и его ученик Аристип, Пифагор и Диоген, Гераклит и Демокрит. Для Мора глубина их размышлений превосходит все соблазны богатства, престижа, власти; удовлетворение и радость этих людей закономерны:

*They be content, and of nothyng complainye.
No nygarde eke is of his good so fayne,
But they more pleasure haue a thousande folde,
The secrete draughtes of nature to beholde.*

В восемнадцатой строфе Мор словно взвешивает качества сторонников Фортуны и не относящихся к их числу (для Мора здесь это не боящиеся бедности). Вторые – свободны, уверены в себе. Слуги Фортуны – в вечном рабстве, неудовлетворении, на грани падения. Шесть строк, украшенных анафорой и ассонансом, уверенно ведут к кульминационной седьмой, где несчастье называется атрибутом Фортуны, блаженство – бедности:

*Set fortunes seruautes by them and ye wull,
That one is free, that other euer thrall,
That one content, that other neuer full,
That one is suretye, that other lyke to fall.
Who lyst to aduise them bothe, parceyue he shall,
As great difference betwene them as we see,
Betwixte wretchedness and felicite.*

«Wretched», «wretchedness» – определенно-окрашенные для Мора слова. Именно их он использует, говоря об ангелах и предоставленной им изначально возможности быть с Богом или пасть в это самое несчастье («into wretchedness»), о падении человека – из рая на землю («the wretched earth»).

Отличие от головокружительной и сногшибательной повествовательницы первой части, Мор предоставляет каждому возможность взвесить, оценить и – решить для себя:

*Nowe haue I shewed you bothe: chese whiche ye lyst,
Stately fortune, or humble pouertee.*

В конечном итоге для Мора важен выбор свободной воли:

*That is to say, nowe lyeth it in your fyst,
To take here bondage, or free libertee.*

Замечательна его ирония в адрес тех, кому кажется, что живется слишком легко; вряд ли найдется лучшая возможность утратить спокойствие, нежели устремиться к Фортуне, стараться угодить ей:

*Draw you to fortune, and labour her to please,
If that ye thynke your selfe to well at ease.*

Фортуна начнет, подтверждает он в двадцатой строфе, с одаривания очаровательными улыбками, дружелюбными взглядами, объятиями, и какое-то время человек будет пребывать в счастливом блаженстве:

*And fyrst, upon the louely shall she smile,
And friendly on the cast her wandering eyes,
Embrace the in her armes, and for a whyle,
Put the and kepe the in a fooles paradise.*

Из уважения к свободной воле человека Мор не возбраняет присоединиться к толпе ее прислужников, но при этом нужно остерегаться последующих ударов («But for all that beware of after clappes»). Быть уверенным в ее расположении равносильно выслеживанию зайца в облаках, сохранению жизни рыбам на суше, лишению горящего огня жара. Скорее от обмана погибнет весь мир, чем она – сама изменчивость по природе своей – обретет стабильность:

*Recken you neuer of her fauoure sure:
Ye may in clowds as easily trace an hare,
Or in drye lande cause fishes to endure,
And make the burnyng fyre his heate to spare,
And all thys worlde in compace to forfare,
As her to make by craft or engine stable,
That of her nature is euer variable.*

Показательно привлечение стихий воздуха, земли, огня в доказательство своей мысли. Калейдоскоп сменяющихся образов в двадцать первой строфе (заяц в облаках, рыбы на суше, охладевший огонь и опустевший мир), кажется, задействован для убеждения всех мыслящих иррационально, если рациональность не срабатывает. Для Мора, как и для его современников, «риторика – дополнение поэзии» («Rhetoric [was] an adjunct of the poet»), и он прибегает ко всем доступным ей средствам, дабы наставлять, доставлять удовольствие, трогать сердца.

Мор «смеет» сказать, что даже если коленопреклоненно от почтения служить Фортуне день и ночь, в конце концов окажется, что обретенное не стоит затраченных трудов:

*Serue her day and nyght as reuerently,
Uppon thy knees as any seruaunt may,
And in conclusion, that thou shalt winne thereby
Shall not be worth thy seruyce I dare say.*

Желающему оставить ее службу и определенно выстоять против нее («Wherefore yf thou in suretye lyst to stande») Мор рекомендует выбрать сторону бедности («Take pouertes parte»), отречься от гордычки Фортуны («let prowde fortune go»), смириться – не получать ничего из ее рук («Receuye nothyng that commeth from her hande»), любить мораль и добродетель, ибо только их не может лишить человека двойственная Фортуна («Love maner and vertue: they be onely tho. / Whiche double fortune may not take the fro»).

Своего рода вызов Фортуне отнюдь не кажется излишним Мору. Типично ренессансное понятие «virtú» предполагало определенную наступательность: Фортуна сдается скорее силе, нежели добродетели или мудрости; в связи с чем Макиавелли считал, что богиню, как женщину, следует «брать штурмом» [Rollin Patch Howard 1927, p. 5]. По Мору, при откровенном вызове Фортуна лишается возможности как воспрепятствовать, так и способствовать тому, кто игнорирует ее изменчивый шанс:

*Then mayst thou boldly defye her turnyng chaunce:
She can the neyther hynder nor auauunce.*

Если все же приходится иметь дело с леди Фортуной, совет Мора – разумно относиться к ее сокровищам:

*But and thou wylt nedes medle with her treasure,
Trust not therein, and spende it liberally.
Beare the not proude, nor take not out of measure.*

Мор дидактичен. С присущей ему афористичностью и метафоричностью он советует не возноситься слишком высоко («Bylde not thyne house on heyth up in the skye») по вполне очевидной причине: слишком серьезно будет падение («None falleth farre, but he that climbeth hye»). Он просит помнить о том, что природа посылает нас сюда нагими («Remember nature sent the hyther bare») и рекомендует считать дары Фортуны полученными лишь на время («The gyftes of fortune count them borrowed ware»).

Возвращаясь к ощущению потерянности Мора-«Эвридики», его желанию получить хоть немного внимания со стороны Колета-«Орфея», обратимся к наблюдению Алистера Фокса над памфлетом Джона Колета «A Ryght Fruitfull Monicion Concernynge the Order of a Good Christen Mannes Lyfe», напечатанным в марте 1534 года. Созвучность проблематике Мора и в то же время кардинальная разность решения проблем заставляют А. Фокса предположить, что если трактат Колета и не был написан собственно для Мора, то в значительной степени обусловлен мыслями о нем. Мор просил о взгляде «Орфея» и получил необходимую помощь? Вполне возможно.

Колет размышляет о том, что высшая мудрость и величайшее совершенство – познать себя, очиститься от гордыни и признать, что все твои дары – от Бога. Для Колета очевидно, что все преходящие блага – дар по бесконечной милости Бога, дар во благо, дар до тех пор, пока человек не вознесется в гордыне и не возомнит, что владеет чем-то сам – по какому-то праву: «Remember fyrst of all, vertuous reader, that it is hygh wysedome and great perfection to knowe thy selfe, and than to dispise thyselfe; as, to know thou haste nothing that is good of thy selfe, but all together of God. For the gyftes of nature, and all other temporal gyftes of this worlde, which ben lauffully and truely opteyned, well consydered, ben comen to the by the infinite goodness and grace of God» [Lupton 1909, p. 305].

Судя по вступлению к «Книге Фортуны», где в отказе от преходящих даров обнаруживается средство противостояния превратностям Фортуны, Мор действительно нуждался именно в этом уроке мудрого наставника.

(5) «Thomas More to them that seke fortune»

В первой строфе третьей части Мор обращается к желающим испытать Фортуну, ее изменчивый жребий и не обижаться на него, если кто-то не получит ожидаемого:

*Whoso delyteth to proven and assay,
Of waveryng fortune the uncertayne lot,
If that the answeare please you not alway,
Blame ye not me: for I commaunde you not,
Fortune to trust...*

Любопытно сравнение гордой леди с неподвластной ему своевольной лошадкой:

*I haue of her no brydle in my fist,
She renneth loose, and turneth where she lyst.*

Игра в кости на тот момент – заманчивое и запрещенное занятие. При Генрихе VII виновные наказывались приговором к колодкам на день, при Генрихе VIII человек, в доме которого происходило это незаконное действие, обязывался к уплате сорока шиллингов штрафа [Northbrooke John 1843, p. 132]. Мор откровенно насмешлив по отношению и к самому занятию, и к практикующим его:

*The rolling dyse in whome your lucke doth stande,
With whose unhappy chaunce ye be so wroth,
Ye knowe your selfe came never to myne hande.
Lo in this ponde be fyshe and frogges both.
Cast in your nette: but be you liefte or lothe,
Holde you content as fortune lyst assyne:
For it is your own fishyng and not myne.*

А вот в отношении леди Фортуны, на наш взгляд, за насмешкой всегда различима глубинная настроенность, и четвертая строфа – не исключение:

*Fortune is stately, solemne, prowde, and hye:
And rychesse geueth, to haue seruyce therefore.
The nedy begger catcheth an halfpenny:
Some manne a thousande pounde, some lesse some more
But for all that she kepeth euer in store
From euery manne some parcell of his wyll,
That he may pray therefore and serue her styl.*

Любопытно это видение Мора леди Фортуны своего рода храни-
тельницай частиц воли каждого человека (чтобы он нуждался в них, мо-
лил о них и продолжал служить ей). Еще более любопытно, дарование
каких именно ценностей Мор оставляет за Фортуной:

*Some manne hath good, but chyldren hath he none,
Some man hath both, but he can get none health.
Some hath al thre, but vp to honours trone,
Can he not crepe, by no maner of stelth,
To some she sendeth children, ryches, welthe,
Honour, woorshyp, and reuerence all hys lyfe.
But yet she pyncheth hym with a shrewde wyfe.*

Не покидает ощущение, что воле или произволу Фортуны Мор при-
писывает все – практически все в жизни: блага, спутника жизни, детей, здо-
ровье, богатство, честь; причем одаряет она совершенно произвольно –
вне зависимости от желаний самого человека. Прощальный совет Мора –
не брать от нее ничего или быть довольным дарованным ею:

*Then for asmuch as it is fortunes guyse,
To graunt no manne all thyng that he wyll axe,
But as her selfe lyst order and deuysel,
Dothe euery manne his parte diuide and tax,
I counsayle you eche one trusse up your packes,
And take no thyng at all, or be content,
With such rewarde as fortune hath you sent.*

В последней, седьмой строфе Мор еще раз обратится к читателю
с присущими ему уважением к свободе выбора каждого и – ироничной
уклончивостью (ложны или истинны для Мора суждения Астрономии?):

*All thynges in this boke that ye shall rede,
Doe as ye lyst, there shall no manne you bynde,
Them to beleve, as surely as your crede.
But nothwithstanding certes in my mynde,*

*I durst well swere, as true ye shall them fynde,
In euery poynt eche answere by and by,
As are the judgements of Astronome.*

Contemptus mundi, по всей видимости, – наиболее уязвимое место Мора на данный момент. Для Колета очевидно, что блага – во благо. Для Колета безусловно, что Господь по великой милости сотворил человека по образу и подобию Своему, и прежде всего это относится к памяти, разуму, свободе воли: «And most in especiall it is necessarye for the to knowe howe that God of his greatte grace hath made the lyke to his owne similitude or ymage, hauynge regarde to thy memory, vnderstandyng, and fre wyll» [Lupton 1909, p. 305]. Человеческий опыт для Колета включает прохождение через испытания, необходимость делать выбор и прилагать самые энергичные усилия для устройства собственной жизни на всех уровнях, причем в определенной иерархии: используя преходящие блага для потребностей тела; властвуя душой над телесным и чувственным; разумом и благодатью – над душевным; и наконец осозная разумом и благодатью свой долг по отношению к Господу и ближнему своему: «[it is necessary] to consyder and to knowe the goodly order which God of his infynyte wysdome hath ordeyned the to be ordred by, – as, to haue these temporall goodes for the necessitye of the bodye, the body and sensuall appetytes to be ordred by thy soule, thy soule to be ordred by reason and grace, by reason and grace to know thy duetie to God and to thy neighbour» [Lupton 1909, p. 306].

Примерно через тридцать лет после написания стихов к «Книге Фортуны» 57-летний сэра Томас Мор заключен в Тауэре. Обратимся к балладе о Фортуне, написанной им в тюремной камере углем, ибо пишущих принадлежностей Мор лишен. Поводом, по-видимому, послужил визит Томаса Кромвеля, посланного королем с целью поколебать решимость Мора. Мор прозрел лицемерность замысла, и, как результат, появилось обращение к Фортуне.

Баллада обычно публикуется без заголовка и с многочисленными разночтениями. Воспроизведем сначала вариант У. Растелла, затем весьма интересный в расхождении вариант из книги под редакцией Мориса Адамса.

*Lewys the lost louer
Ey flatering fortune, loke thou neuer so fayre,
Or neuer so plesantly begin to smile,
As though thou wouldst my ruine all repayre,*

*During my life thou shalt me not begile.
Trust shall I God, to entre in a while,
Hys haven heaven sure and uniforme.
Euer after thy calme, loke I for a storme.*

Итак, в соответствии с Растеллом, Льюис для фортуны (с маленькой буквы) потерян: «the lost lover». Он бросает откровенный вызов обману и свидетельствует, что доверять может только Богу. (Эй, лстящая фортуна, не кажись столь прекрасной и не улыбайся так сладко, словно хочешь восстановить меня из краха. Пока жив, я не поддамся твоему обману. Мое доверие – Богу, через некоторое время я уверенно войду в Его гавань – небо. После твоего затишья я всегда ожидаю бури). Это может быть обращением и к Фортуне, и к королю: оба равно обманчивы, изменчивы, обоим нельзя доверять, ибо нет конца череде сменяющихся друг друга затиший и бурь...

В соответствии со вторым вариантом снисходительное, отмечающее все ее приманки и уловки обращение к фортуне – только в первом четверостишии:

*Ay flattering fortune look you never so fair,
Nor never so pleasantly begin to smile,
As though thou wouldst my ruines all repair,
During my life thou shalt not me beguile.*

Более взгляд здесь не задерживается. Будучи уверенным в бесконечной милости Господней, Льюис обращается прямо к Нему:

*Trust I shall, God, to enter in a while,
Thy haven heauen sure and uniforme,
Ever after thy calm look I for no storm.*

Изменение последней строки все преобразует. Гавань-небо уже вбирает устремленного. После отдохновения в Нем имеют ли смысл какие-то бури?.. Написав одну версию, пережил Мор, по-видимому, обе.

Гавань-небо («haven heaven») зазвучит у Дж.М. Хопкинса, «штиль» и «шторм» («calm», «storm») – у Джона Донна.

Там же, в Тауэре, написана и вторая баллада. Дейви-игрок обращается к леди Удаче («Фортуна», да и «фортуна» здесь были бы неуместны):

*Dauy the dicer
Long was I lady Lucke your seruing man,
and now haue lost agayne all that I gat,
wherfore whan I thinke on you nowe and than,
and in my mynde remember this and that,
ye may not blame me though I beshrew your cat,
but in fayth I blesse you agayne a thousand times,
for lending me now some laysure to make rymes.*

Давно прислуживавший Удаче Дейви в конце концов потерял все, что имел. Моментами вспоминая о былом, он отнюдь не проклинает ту, которой служил (хотя и поминает недобрым словом ее кота), но шлет щедрые благословения за дарование досуга для написания стихов. Очевидно, что благодарность эта не может не уязвить гордости благодетельствовавшей его особы: внутренняя свобода и снисходительная ироничность Дейви очевидны.

Не это ли – схема идеальных отношений с госпожой? Сэр Томас Мор сознательно выступит из временного потока событий, где при желании легко увидеть круги Фортуны, и имя его будет святиться в вечности, недостижимой для госпожи Удачи.

Литература

- Fox Alistair. Thomas More: History and Providence. – Basil Blackwell, Oxford, 1982.
- Herbrüggen Hubertus Schulte. 'Sir Thomas Mores Fortuna-Verse: Ein Beitrag zur Lösung einiger Probleme' // Lebende Antike: Symposium für Rudolf Sühnel / Ed. Horst Meller and Hans-Joachim Zimmermann. 1967.
- Lupton J. H. A Life of John Colet. – London, 1909.
- More's Utopia, with Roper's Life / Ed. Maurice Adams. – London, 1890.
- Northbrooke John. A Treatise Against Dicing, Dancing, Plays and Interludes. – London, 1843.
- Rollin Patch Howard. The Goddess Fortuna in Medieval Literature. – Cambridge, Mass., 1927.
- Sister Mary Edith Willow. An Analysis of the English Poems of St Thomas More. – Nieuwkoop: B. De Graaf, 1974.
- St Thomas More: Selected Letters / Ed. Elizabeth Frances Rogers. – New Haven and London, 1961.
- The English Works of Sir Thomas More, Reproduced in Facsimile from William Rastell's Edition of 1557 and Edited with a Modern Version of the Same by W. E. Campbell. 2 vols. – London, 1931.

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ Т. ХАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»

Е.В. Шимина

Ключевые слова: библейские аллюзии, образ лжепророка.

Keywords: Biblical symbolism, idea of a false prophet.

На протяжении многих столетий Библия остается «книгой книг» для европейской культуры. Множество художественных произведений связано с текстами Священного Писания, питается их смыслами, ис-

пользует библейскую символику. Символы в Библии «выступают в роли связующих элементов между двумя мирами противоположного плана – материального (зримого) и идеального (незримого)» [Зубкова 1998, с. 24]. Обращение к библейской символике позволяет писателям вскрыть невидимую связь происходящего в земной жизни с внутренним планом бытия. Исследование библейских символов, аллюзий позволяет раскрыть глубинный смысл произведения. Подтверждением тому может быть роман Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» («Tess of the d'Urbervilles», 1891). Анализ библейских аллюзий произведения может высветить не изученные пока аспекты творчества английского писателя.

Библейский план романа представлен многочисленными аллюзиями и образами из Ветхого завета. Наиболее значимым из них является сад. Упоминания этого пространства неоднократно встречаются в Библии: в книге Иова (VIII, 16), в III книге Царств (XXI, 2), в книге Песнь Песней (IV, 4–12) и в книге Екклесиаста (II, 5). В христианском искусстве сад, «изобилующий фруктами и цветами, символизировал рай» [Словарь христианского искусства 2000, с. 196], где каждое дерево порождает плоды, пригодные для человека, включая древо жизни, дарующее бессмертие, и древо познания, в роли которого традиционно выступает яблоня. Образ идеального локуса вечного блаженства ассоциируется с Эдемом. Аллюзии райского сада в романе многолики. Это родина главной героини. Блекмурская долина, где Тэсс беззаботно провела детство и юность, – «this fertile and sheltered tract of country, in which fields are never brown and the springs never dry», «daisies in the evening sun», «the faint notes of the band were the only human sounds audible within the rim of the blue hills»¹ [Hardy, 1994, p. 862]. Как известно, неизменные атрибуты рая – плодовые деревья, цветы, колодцы или ручьи, протекающие через сад. Все это характерно для Блекмурской долины, однако Харди разрушает устойчивый образ. Направляясь на ярмарку, Тэсс и Абрэхэм беседуют о будущем удачном замужестве сестры: «*Did you say the stars were worlds, Tess?*».

«Yes».

«All like ours?»

«I don't know; but I think so. They sometimes seem to be like the apples on our stubborn-tree. Most of them splendid and sound – a few blighted».

«Which do we live on – a splendid one or a blighted one?»

¹ «Плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают», где росли «маргаритки, золотившиеся в лучах заходящего солнца», где «звуки оркестра возвещают о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами» [Харди 2007, с. 12–13].

«A blighted one».

«Tis very unlucky that we didn't pitch on a sound one, when there were so many more of 'em!»

«Yes».

«Is it like that really, Tess?.. How would it have been if we had pitched on a sound one?»

«Well, father wouldn't have coughed and creeped ... and mother wouldn't have been always washing, and never getting finished».

«And you would have been a rich lady ready-made, and not have had to be made rich by marrying a gentleman?»² [Hardy 1994, p. 875–876].

Так в романе появляется образ яблока. В христианском искусстве этот плод был одновременно «символом греха и символом спасения» [Словарь христианского искусства 2000, с. 247]. «Подгнившее яблоко», о котором рассуждает Тэсс, актуализирует представление о рае ненастоящем, несостоявшемся, испорченном, «подгнившем».

Образ яблока в романе может иметь ритуальную трактовку – как символ, посвященный Церере, римской богине, насылающей на людей безумие и влечение к противоположному полу, которое зачастую оборачивается трагедией. Первая встреча Тэсс и ее будущего мужа Энджела произошла именно во время праздника в честь этой богини, когда девушка беззаботно танцевала, не подозревая о будущей драме. Вынужденная отправиться в поместье к богатым родственникам, Тэсс первым делом оказывается в саду усадьбы д'Эрбервиллей. Фруктовый сад, куда Алек направляется с молодой кузиной, ассоциируется с раем. Предварительно осведомившись о пристрастиях юной особы, молодой человек угощает Тэсс клубникой. *«Selecting a specially fine product of the "British Queen" variety, he stood up and held it by the stem to her mouth...In a slight*

² «– Ты говорила, что звезды – это миры, Тэсс.

– Да.

– И все такие же, как наши?

– Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они похожи на яблоки с нашей яблони.

Почти все красивые, крепкие, но есть и подгнившие.

– А мы на каком живем – на красивом или подгнившем?

– На подгнившем.

– Вот уж не повезло, что мы не попали на хороший, раз их больше, чем плохих!

– Да.

– А это и в самом деле так, Тэсс?.. Как бы оно было, если бы мы очутились на хорошей звезде?

– Ну, отец не кашлял бы и не волочил ноги, ...матери не приходилось бы стирать и стирать на людей без конца.

– А ты бы уже так родилась богатой и не нужно было бы тебе выходить за джентльмена, чтобы разбогатеть?» [Харди 2007, с. 33–34].

distress she parted her lips and took it in»³ [Hardy 1994, p. 882–883]. Именно этой ягоде суждено было сыграть роковую роль в судьбе юной девушки. Источником этой сцены мог послужить эпизод из «Потерянного рая» Дж. Мильтона: Алек похож на Сатану, который впервые в поэме явился Еве во сне и поднес к ее губам запретный плод. Падение Тэсс было предопределено. Как и первые люди, она видела мир прекрасным и «*for since her eyes had fell upon it she had learnt that the serpent hisses where the sweet birds sing*»⁴ [Hardy 1994, p. 911].

Образ змеи в романе встречается неоднократно, но писатель сознательно использует различные слова для его обозначения (*serpent* в библейском смысле, а также слово *snake* при описании героини: «*she had not heard him enter, and hardly realized his presence there. She was yawning, and he saw the red interior of her mouth as if it had been snake's*»⁵ [Hardy 1994, p. 980]). Как известно, змея – многогранный мифологический символ, в библейской традиции он имеет смысл искушения. Алек, приехав в гости к новым родственникам, постоянно подкручивает тоненькие черные усы, демонстрируя при этом перстень с огромным бриллиантом. Черный цвет и смуглая кожа героя ассоциируются со змеей (змеи традиционно изображают черными). Наблюдая за первыми неудачными шагами девушки при обучении пению снегирей, Алек прячется в плюще, затянувшем ограду. Плющ обвивает изгородь, с которой герой спрыгивает, чтобы поговорить с девушкой. Курятник его матери, состоящий из кур редких пород, находился в старом, покрытом соломой, домике, также заросшем плющом. Труба на здании «*being enlarged by the boughts of the parasite to the aspect of a ruined tower*»⁶ [Hardy 1994, p. 894]. Называя плющ растением-паразитом, Харди «предполагает, что изъяны дарвинистской природы отражаются в пороках человека и его примитивных инстинктах» [Pinion 1990, p. 238]. Алек словно обвивает своими коварными сетями Тэсс и ее семью. Змий (змеи) – пресмыкающееся, отличающееся хитростью и наводящее панический страх на человека и животных. В ветхозаветной истории грехопадения Адама и Евы Дьявол называется «змием». Прельщая Еву вкусить запретный плод, он при-

³ «Выбрав крупную ягоду сорта “британская королева”, он выпрямился и, держа ее за стебелек, поднес к губам девушки... С легким смущением она приоткрыла рот и взяла ягоду губами» [Харди 2007, с. 44–45].

⁴ «...познала с тех пор, как видела его в последний раз, что змея шипит там, где нежно поют птицы» [Харди 2007, с. 84].

⁵ «Она не слышала, как Клэр вошел, и не сразу его заметила. Она зевала, и он видел ее открытый рот, красный как у змеи» [Харди 2007, с. 184].

⁶ «...увитая густыми плетями плюща, казалась разрушенной башней» [Харди 2007, с. 62].

нимает вид змеи. В христианском искусстве змей «символизировал злого искусителя в Эдеме» [Словарь христианского искусства 2000, с. 84]. Вражда человека и змея стала одной из наиболее распространенных мифологем у христианских народов. На протяжении всего романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» именно эта вражда разворачивается между Тэсс и Алеком.

Сад на мызе, сохраняя связь с Эдемом, ассоциативно соотнесен с Раем до грехопадения. Тэсс часто находилась в дальнем конце сада, где «*with tall blooming weeds emitting offensive smells – weeds whose red and yellow and purple hues formed a polychrome as dazzling as that of cultivated flowers*»⁷ [Hardy 1994, p. 945]. Главной задачей писателя становится «не передача топографических подробностей, не ландшафт, а впечатление от него» [Абилова 2006, с. 308]. Состояние блаженства, которое испытывала там девушка, подчеркивается тем, что «*Tess was conscious of neither time nor space*»⁸ [Hardy 1994, p. 945]. Луг, который был частью мызы Тэлботейс, сильно воздействовал на героиню и ее возлюбленного: «*impressed them with a feeling of isolation, as if they were Adam and Eve*»⁹ [Hardy 1994, p. 950]. Сад становится символом чувств героев, визуализацией их внутреннего мира. Вспоминая о своем прошлом, после одной из встреч с Энджелом, Тэсс «*At first she would not look straight up at him, but her eyes soon lifted, and his plumbed the deepness of the ever-varying pupils, with their radiating fibrils of blue, and black, and gray, and violet, while she regarded him as Eve at her second walking might have regarded Adam*»¹⁰ [Hardy 1994, p. 980]. Как известно, первые люди «блаженствовали, пребывая в любви и общении с Богом» [Библейская энциклопедия 2005, с. 10]. Энджел и Тэсс встречались ежедневно, наслаждаясь каждой минутой совместного пребывания на ферме. Казалось, ничто не может разрушить их идиллии.

Мыза совсем не похожа на Блэкмурскую долину, даже реки здесь другие: «*the Froom waters were clear as the pure River of Life shown to the Evangelist, rapid as the shadow of a cloud, with pebbly shallows that prattled*

⁷ «...цвели высокие сорняки, распространяя резкий аромат, и эти красные, желтые и пурпурные цветы являли такую же яркую красочную гамму, как цветы садовые» [Харди 2007, с. 135].

⁸ «Тэсс потеряла представление о времени и пространстве» [Харди 2007, с. 136].

⁹ «...он внушал им чувство оторванности ото всех, словно они были Адамом и Евой» [Харди 2007, с. 143].

¹⁰ «...сначала не смотрела ему в лицо, но вскоре подняла глаза, и он заглянул в глубь вечно меняющихся зрачков, окруженных радужной оболочкой с голубыми, черными, серыми и фиолетовыми волокнами, а она смотрела на него так, как могла смотреть Ева на Адама после грехопадения» [Харди 2007, с. 185].

to the sky all day long»¹¹ [Hardy 1994, p. 932]. Это слова из книги Откровения Иоанна Богослова: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» [Откр. 22: 1]. В Евангелии река воды жизни означает дары престола Духа Святого, а также неисчерпаемый источник благодатных даров Духа Святого. Река – символ амбивалентный. Автор подчеркивает духовную чистоту героев, ведь река традиционно несет очищающую функцию, в водах рек смываются грехи. Энджел не раз будет вспоминать реку Вар, думая о Тэсс. Река символизирует и «необратимое течение времени, и, как следствие, потерю или забвение» [Кэрлот 1994, с. 437].

Ферма Флинтком-Эш, куда попадает девушка после разрыва с мужем, становится в романе олицетворением падения, утраты и смерти. В душе героини уже нет гармонии и счастья, поэтому и деревня выглядит по-иному: «*Every leaf of the vegetable having already been consumed, the whole field was in colour a desolater drab; it was a complexion without features, as if a face, from chin to brow, should be only an expanse of skin. The sky wore, in another colour; same likeness; a white vacuity of countenance with the lineaments gone. So these two upper and nether visages confronted each other all day long, the white face looking down on the brown face, and the brown face looking up at the white face, without anything standing between them but the two girls crawling over the surface of the former like flies*»¹² [Hardy 1994, p. 1065]. Самым страшным для Тэсс становится не необычайно тяжелая работа, а потеря Энджела. Лишенная главной ценности в жизни, она становится вершителем приговорившего себя к смерти мира.

Харди неоднократно прибегает к прямому цитированию Библии. Надписи библейского характера делает религиозный фанатик, встречи которого с Тэсс, а затем и Алеком являются важными составляющими сюжета. Они приводят к печальному завершению романа, усиливая трагизм ситуации.

После ночи, проведенной с Алеком, Тэсс направляется в Марлотт с тяжелой корзиной и узелком. Харди при этом подчеркивает: «*lugged*

¹¹ «Воды Вара, прозрачные, как Река Жизни, увиденная евангелистом, были стремительны, словно облака, и что-то лепетали небесам с утра до ночи на усыпанных галькой отмелях» [Харди 2007, с. 114].

¹² «Так как от зеленых листьев не осталось и следа, то ровное коричневое поле имело вид унылый и отталкивающий – словно лицо, плоское от подбородка до лба. И небо напоминало поле, только было другого цвета – белое плоское лицо со стертыми чертами. Эти два лица, наверху и внизу, целый день взирали друг на друга; белое смотрело вниз на коричневое, и не было между ними ничего, кроме двух девушек, ползавших, словно мухи, по темному лицу» [Харди 2007, с. 334].

*them along like a person who did not find her especial burden in material things. Occasionally she stopped to rest in a mechanical way by some gate or post; and then, giving the baggage another hitch upon her full round arm, went steadily on again»*¹³ [Hardy 1994, p. 911]. Использование наречия «машинально» («*in a mechanical way*») в данном контексте указывает на отсутствие у героини эмоций, ее бесчувственность, хотя сочетание «снова (шла) вперед» («*went steadily on again*») характеризует юную Тэсс как сильную личность, способную противостоять враждебным силам. Корзина и узелок становятся для героини легкими, не доставляющими неудобства. Гораздо больше ее тяготит ноша духовная, тем более что девушка уже не та, что прежде «*the simple one she was at home*»¹⁴ [Hardy 1994, p. 911], теперь она «*she was bowed by thought*»¹⁵ [Hardy 1994, p. 911] об уроке, который получила от жизни.

После того как Алек уезжает, оставив Тэсс, к ней снова приближается мужчина: «*some footsteps approached behind her, the footsteps of a man; and owing to the briskness of his advance he was close at her heels and had said "Good morning" before she had been long aware of his propinquity*»¹⁶ [Hardy 1994, p. 913–914]. Этому приятному внешне мужчине суждено было глубоко ранить героиню, затронуть ее самые сокровенные чувства.

Он был похож на ремесленника, «*carried a tin pot of red paint in his hand*»¹⁷ [Hardy 1994, p. 914], который спросил девушку: «*in a business-like manner if he should take her basket, which she permitted him to do*»¹⁸ [Hardy 1994, p. 914], якобы понимая, что вещи слишком тяжелы для юной крестьянки. Желая облегчить материальную ношу героини, он утяжеляет ее душевное состояние. С холодностью наемного убийцы, заказчик которого – его собственная вера, он пытается ранить девушку в сердце своими острыми словами. По-деловому, не испытывая ни малейшей жалости, он прокладывает людям путь к своей религии. Заносчиво, самодовольно он хвалится тем, что работает в воскресенье в то время, когда другие отдыхают: «*When most people are at rest from their*

¹³ «...она тащила их, как человек, который не обращает особого внимания на материальную ношу. Иногда, чтобы отдохнуть, она машинально останавливалась у какой-нибудь калитки или столба, потом, подхватив вещи полной, круглой рукой, снова шла вперед» [Харди 2007, с. 83].

¹⁴ «...не та, что жила в родном доме» [Харди 2007, с. 84].

¹⁵ «...склонилась под бременем мыслей» [Харди 2007, с. 84].

¹⁶ «Но вот чьи-то шаги послышались за ее спиной – шаги мужчины; а так как шел он быстро, то догнал ее и сказал "доброе утро", едва она успела заметить, что за ней идут» [Харди 2007, с. 88].

¹⁷ «...нес жестянку с красной краской» [Харди 2007, с. 88].

¹⁸ «...деловым тоном, не помочь ли ей нести корзину» [Харди 2007, с. 88].

*week's work... I do more real work to-day than all the week besides»*¹⁹ [Hardy 1994, p. 914]. Религиозный фанатик уже определил место духовных и материальных ценностей в жизни: «*All the week I work for the glory of man, and on Sunday for the glory of God. That's more real than the other – hey?»*²⁰ [Hardy 1994, p. 914].

Этот «художник от Бога», по сути, является средоточием враждебных по отношению к Тэсс сил, старается сделать и без того несчастную девушку еще несчастнее. Характер надписей, которые он наносит на стены, ворота и перелазы, где часто бывают люди, не оставляет сомнений, что ремесленник – человек религиозный, но роль его в развивающихся событиях отнюдь не положительная. Персонаж этот обретае зловещий облик, когда выводит «*large square letters on the middle board of the three composing the stile, placing a comma after each word, as if to give pause while that word was driven well home to the reader's heart – THY, DAMNATION, SLUMBERETH, NOT. 2 PET.ii.3»*²¹ [Hardy 1994, p. 914]. Заглавными буквами, красной краской фанатик хочет привлечь внимание местных жителей. При этом он намеренно искажает содержание библейского послания, заменяя местоимение «их» словом «твоя».

Литературовед Ж. Лесеркль считает, что «самое необычное в предложении “ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ” – это запятые, отделяющие слова, которые превращают цитату в слоган» [Lecerclle 1993, с. 149]. Исследователь Дж. Харви отмечает необычную расстановку пауз, констатируя, что «запятая является знаком препинания, который регулирует ритм прочтения текста, что позволяет лучше донести его идею до читателя. Каждый эпизод в романе, как слова в надписи, отделен от другого, но когда они вместе, в них можно усмотреть четкий смысл, заложенный внутри слов. Такая сила установленной заранее синтаксической последовательности дает возможность самостоятельно закончить незавершенную фразу» [Harvey 2003, с. 95]. В ужасе Тэсс вспоминает продолжение второй надписи: «*THOU, SHALT, NOT, COMMIT»*²² [Hardy 1994, p. 195].

Находясь в поместье родственников, девушка постоянно окружена «вьющимися» предметами (плющ на ограде, плющ на курятнике). Известный критик Хиллис Дж. Миллер отмечает, что «запятые по форме

¹⁹ «Народ еще спит после трудовой недели... Я делаю настоящее дело сегодня, а не в будни» [Харди 2007, с. 88].

²⁰ «Целую неделю я работаю во славу людей, а по воскресениям – во славу божью. Это стоит большего, а?» [Харди 2007, с. 88].

²¹ «...большие квадратные буквы на средней из трех досок перелаза, ставя после каждого слова запятую, словно желая дать передышку, чтобы слово проникло в сердце читающего: ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ. 2-е Посл. ап. Петра, II, 3» [Харди 2007, с. 88].

²² «ТЫ, НЕ, СОТВОРИШЬ» [Харди 2007, с. 89].

чем-то походят на усы Алека и шипы роз, которые случайно укололи подбородок героине» [Miller 2001, p. 27]. Таким образом, все острые предметы напрямую или образно пронзают Тэсс, впиваются в нее, причиняя нестерпимую боль. Тэсс говорит художнику, что слова его «crushing! Killing!»²³ [Hardy 1994, p. 914]. «*That's what they are meant to be!*» he replied in a trade voice. *But you should read my hottest ones – them I kips for slums and seaports. They's make ye wriggle!*» [Hardy 1994, p. 914]. Множество восклицательных знаков, употребление глагола *to wiggle* (изгибаться, извиваться) указывает на извращенность удовольствия, которое получает автор надписей. Действия ремесленника обусловлены отнюдь не желанием помочь людям, не добротой или милосердием, а стремлением показать значимость своей личности, жадной насытиться человеческими страданиями.

Художник продолжает атаковать: «*the old gray wall began to advertise a similar fiery lettering to the first, with a strange and unwonted mien, as if distressed at duties it had never before been called upon to perform*»²⁴ [Hardy 1994, p. 914]. Вторую надпись, как говорит он Тэсс, «*it will be good for dangerous young females like yerself to heed*»²⁵ [Hardy 1994, p. 914]. Даже стена, будто наделенная чувством ответственности, противится бесстыдной надписи, которая делала героиню коварной соблазнительницей. Писатель с сарказмом именует художника «веселым другом» героини («her cheerful friend»), хотя боль и страдания, которые он причиняет Тэсс, не имеют ничего общего с весельем и радостью.

Подобный художественный прием Ж. Лесеркль называет «жестокостью языка» («the violence of language») [Lecerclle 1993, p. 12]. Исследователь Дж.Т. Лэрд считает, что «негативное отношение писателя к лицемерному, машинальному подходу к религиозным обязанностям некоторых героев встречалось в романе и ранее: в диалоге Тэсс и священника о возможности окрестить Горе» [Laird 1975, p. 168]. Писатель в данном случае отступает от обычного для себя положительного описания деревенских жителей. Художник, возомнивший себя религиозным учителем, предстает здесь жестоким и невежественным, заставляющим страдать юную крестьянку.

По сути дела, Харди создает в романе образ лжепророка. Ни собственные слова художника, ни слова Господа, написанные этим человеком, не заслуживают доверия, не могут считаться истиной. Вместо того

²³ «...жестоки! Убийственны!» [Харди 2007, с. 89].

²⁴ «...старая серая стена начала покрываться огненными письменами, и вид у нее был странный, непривычный, словно ее угнетала эта новая обязанность, которая возлагалась на нее впервые» [Харди 2007, с. 89].

²⁵ «...полезно помнить опасным красоткам вроде вас» [Харди 2007, с. 89].

чтобы цитировать слова Священного Писания, фанатик позволяет себе вольности с ними. Он не только вносит лишние знаки препинания, но и искажает смысл высказывания, заменяя слова. В Библии слова апостола Петра иные: «*And through covetousness shall they with feigned words make merchandise of you: whose judgement now of a long time lingereth not, and their damnation slumbereth not*»²⁶ [The Holy Bible 2002, p. 1350], Художник считает себя вправе интерпретировать отрывок по-своему, не обращая внимания на запрет Апостола: «*Knowing this first, that no prophecy of the scripture is of any private interpretation*»²⁷ [The Holy Bible 2002, p. 1348].

Персонаж вовсе не стремится помочь людям, дать им возможность осознать ошибки. Его волнует не столько истинный смысл слов, сколько возможность их броского преподнесения. Герой словно торговец, который пытается продать испорченный товар, поместив его в красивую упаковку. Ему не важны последствия подобных сделок, поэтому и не случаен его тон в разговорах с Тэсс. В словосочетании «make merchandise of you» («сделать из вас товар») можно увидеть начало особой «деловитости» художника, его «тона профессионала». Таким образом, герой становится лжеучителем, а которым предостерегал апостол.

Второе Послание апостола Петра, по-видимому, вдохновило на создание образа лжепророка, ведь он сознательно указывает в тексте источник цитаты. Согласно библейскому словарю, «Петр является свидетелем деяний Иисуса, тем, кто может исправить ошибки в толковании слов Иисуса Павлом. Главная опасность, как говорится в данном послании, исходит от лжеучителей и разночтений. Петр же представлен как страж христианской веры и борец против лжепророков» [The Anchor Bible Dictionary 1992, p. 262].

Героиня не может принять слов художника: «*Pooh – I don't believe God said such things!*»²⁸ [Hardy 1994, p. 915]. Убежденность в том, что Бог не может быть жестоким, не позволяет девушке принять эти слова на свой счет. Тэсс олицетворяет светлое, чистое начало в романе, в то время как художник являет собой полную противоположность девушке. Харди сожалеет о том, что «отвратительное искажение» («*hideous defacement*»), которое несут в себе его надписи, уродует «мирный пейзаж» («*peaceful landscape*»). Автор стремится показать образ «*the last grotesque phase of a creed which had served mankind well in its time*»²⁹

²⁶ «...и из любостыжания будут уловлять вас лстивыми словами; суд им давно готов, и погбель их не дремлет» [2-е Петра 2: 2].

²⁷ «...зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» [1-е Петра 1: 20].

²⁸ «Вздор! Не верю я, чтобы бог говорил такие вещи!» [Харди 2007, с. 90].

²⁹ «Последней нелепой фазы религии, которая в свое время хорошо послужила человечеству» [Харди 2007, с. 88].

[Hardy 1994, p. 914]. Он допускает, что в его время религия могла оказывать пагубное, разрушительное влияние.

Образы ремесленника и д'Эрбервилля, несомненно, объединены влиянием благочестивого мистера Клэра. Однако оба они разорвали отношения с духовником. Ремесленник расходится с ним в некоторых вопросах веры, Алек же возвращается к прежней жизни, вновь встретив Тэсс. Преподобный отец утратил влияние на своих духовных чад. Священник с супругой – люди добрые, сострадательные, милосердные (достаточно вспомнить эпизод с отданной беднякам кровяной колбасой), но они неспособны передать свои качества детям. Феликс и Катберт, старшие братья героя, представлены в романе как ревностные верующие, но люди они бесчувственные. Ставя себя выше других, они отказываются танцевать на празднестве, мотивируя это необходимостью прочитать главу из книги «Отпор агностицизму»; при этом они осуждают младшего Клэра за женитьбу на простолюдинке. Феликс и Катберт не способны сочувствовать. Да и Энджел, возлюбленный Тэсс, не находит в себе сил простить молодую супругу. Отправляясь в Бразилию он, по сути, бросает жену, оставляя ее на произвол судьбы. А вернувшись, доводит девушку до такого отчаяния, что она убивает Алека.

Итак, герои романа, ступившие на путь религиозного служения, преступают слова Второго послания апостола Петра, где говорится: «Которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью, – То вы, прилагая к сему все страдание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность. В рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие. В благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» [2-е Петра 1: 4].

Таким образом, писатель лишает своих героев качеств, которые присущи подлинно верующему человеку: смирения, милосердия, чистоты. Он наделяет ими Тэсс, дитя природы, которой удастся сохранить милосердие (сцена с ранеными фазанами) и чистоту (подзаголовок романа). Проблема истинной и ложной веры в романе незримо связана с отношением самого писателя к вере. Он посещал мессы, но «перестал верить в церковные догматы» [Jones 1994, p. 49]. Для обозначения своей позиции Харди использует уклончивое определение «церковный» («churchy»), и кавычки, в которые он ставит это слово, не проясняют отношения писателя к церкви и религии. В дневниковой записи, датированной 29 января 1890 года, Томас Харди признается в тщетных поисках Бога: «Пятьдесят лет посвятил я поискам Бога, и, думаю, что, если бы он существовал, я давно бы обнаружил его как существующую поми-

мо нас личность, Бога, в единственно возможном значении этого слова» [Hardy 1962, p. 224]. Однако во многих романах писателя прослеживается и внешняя, и глубинная связь с текстами Священного Писания. Художественное мышление Харди проникнуто библейскими аллюзиями. Их преломление в произведениях писателя, как можно убедиться по роману «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», – неотъемлемая часть осмысления морально-эстетической, экзистенциальной проблематики.

Литература

- Абилова Ф. Мифологема сада в Уэссекском цикле романов Т. Гарди // Стиль. Жанр. Поэтика. – Махачкала, 2006.
- Библейская энциклопедия. – М., 2005.
- Зубкова Е.А. Библейская символика Дилана Томаса в контексте английской метафизической поэзии: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
- Кэрлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994.
- Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – Л., 1991.
- Словарь христианского искусства. – Челябинск, 2000.
- Харди Т. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7: Тэсс из рода д'Эрбервиллей. – М., 2007.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.; СПб., 2006.
- The Anchor Bible Dictionary. 6 vols. Vol.5. – New York, 1992.
- Hardy F.E. The life of Thomas Hardy. – London, 1962.
- Hardy Thomas. Selected novels. – Glasgow, 1994.
- Holy Bible. The James King Version. – London, 2002.
- Jones D. The One Believed-in Thing // The Thomas Hardy Journal. – 10.3. – 1994.
- Lecercler J.J. The violence of Style in «Tess of the d'Urbervilles». – Houndmills, 1993.
- Laird J.T. The Shaping of «Tess of the d'Urbervilles». – London, 1975.
- Miller J.Hillis. Fiction and repetition. – Cambridge, 1982.
- Pinion F.B. Symbolism // Hardy the writer. – Houndmills, Basingstone, Hampshire, London, 1990.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ Г. ЗУДЕРМАНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЭПОХИ

Г.И. Родина

Ключевые слова: Герман Зудерман, поэтика, повествование, «новая драма».

Keywords: G. Zuderman, poetics, narration, «new drama».

Немецкий писатель, драматург, публицист, общественный деятель Герман Зудерман (1857–1928) является ярким представителем немецкой литературы рубежа XIX–XX веков. На протяжении более сорока лет он активно участвовал в литературно-театральной и общественно-политической жизни Германии, оставив обширное творческое наследие,

значимое для истории немецкой культуры. Реалии переходной эпохи, ее художественные поиски запечатлены в написанных им 44 повествовательных и 35 драматических произведениях разных жанров, в 95 стихотворениях, в 10 томах дневников, в публицистических статьях, в двух с половиной тысячах писем [Schiller 1969, s.57].

Творческая деятельность Зудермана являлась важной составляющей литературного процесса указанного периода. Зудерман и его современники и соотечественники Х. Берч, К. Блейбтрей, О. Блюменталь, Ф. Ведекинд, М. Кретцер, В. Поленц, Г. Товоте и др. подготавливали почву для появления шедевров Г. Манна, Т. Манна, Г. Гессе, А. Зегерс и др. Творчество Зудермана неразрывно связано с традициями его старших современников (Т. Шторм, П. Гейзе, Т. Фонтане, Л. Фулда, В. Раабе, Ф. Шпильгаген и др.), а также предшественников (Г.Э. Лессинг, И.В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне, Ф. Геббель, Э.Т.А. Гофман, Р. Вагнер и др.). О Зудермане высказываются его младшие современники – Т. Манн, Р.М. Рильке, Э.М. Ремарк, Б. Брехт.

Полное представление об особенностях поэтики повествовательных и драматических произведений Зудермана дает анализ написанного им с 1886 по 1894 годы, что хронологически совпадает с периодом становления и расцвета в немецком искусстве натурализма, оказавшего влияние на писателя.

Тематика и проблематика произведений Зудермана определялась эпохой переживаемого Германией кризиса патриархальной культуры, а также хорошо известным писателю-драматургу современным материалом городской жизни (столичной и провинциальной) и сельской (восточнопрусской). Эпоха рубежа веков была насыщена дискуссиями по вопросам веры и религии, что находило отражение в его произведениях. Его привлекает тема искусства, история молодого человека, который завоевывает мир. Тема семьи, супружества – одна из самых актуальных в его творчестве, так как через семью он раскрывает не только смысл общественных перемен, но и судьбу немецкой женщины, эмансипацию которой он страстно отстаивал. Он исследует женские типы, представляющие мораль новую и патриархальную. Феномену брака посвящены почти все произведения Зудермана, утверждавшего, что счастье человека заключается в его личной жизни. По мнению Зудермана, «центр всякого поэтического творчества – сфера отношений между полами». Поэтому одна из сквозных его тем – человек и его любовная страсть, «дикое желание» («wilder Wunsch»), по выражению Зудермана

[Sudermann 1899, s.105]¹. В раскрытии темы любви в его произведениях присутствует характерный для времени эротический компонент как аспект эмоционально-чувственной жизни человека, всегда привлекавший писателя. Он исследует эту проблематику с опорой на общечеловеческие ценности.

В Германии 80–90-х годов общество было охвачено стремлением разрушить патриархальные устои, которые мешали в период «быстрой концентрации капитала» [Panzer 1980, s. 90]. Эти процессы художественно осваивались в произведениях Зудермана, Гауптмана, Ведекинда, Фабера, Фулды и др. Столкновение новой и патриархальной морали дало основание исследователю К. Франке назвать Германию рубежа веков «классической страной моральных противоречий» [Франке 1904, с. 569], которые отражены в судьбах сотен персонажей, населяющих художественный мир Зудермана.

В столкновении старой и новой морали Зудерман усматривал двойственный характер. Одна сторона этого процесса привлекала его как конструктивная: человек освобождался от пут патриархально-семейных, мещанских и общественных условностей, которые мешали формированию таких качеств личности, важных с точки зрения Зудермана, как активность и оптимизм. Другая же сторона данного процесса отталкивала Зудермана как «лично безупречного» [Хессен 1911, с. 28] и «благородного человека» [Kappstein 1918, s. 4], ибо формировала общественную привлекательность таких этически отрицательных качеств, как эгоизм, меркантильность, аморализм, свободная любовь и т.д. Поэтому Зудерман отстаивал идею соединения целесообразных для жизни нравственных качеств, характерных и для патриархальной морали, и привнесенных новым временем. Тем не менее в течение всей жизни его преследовало недопонимание: складывался миф о том, что он пропагандирует эотику, свободную любовь, индивидуализм, неуважение к близким, хотя все его произведения свидетельствуют о противоположном. Зудерман не уставал повторять: пороки мира таятся в самой природе человека. Поэтому если человек будет самосовершенствоваться, то мир изменится в лучшую сторону.

На фоне выраженного столкновения патриархального и нового сформировалась такая особенность мировосприятия Зудермана, как

¹ Отметим, что словосочетание «дикое желание» впервые встречается в новелле «Исповедь домашнего друга под Новый год» (из сборника «В сумерки»). Однако такое словосочетание присутствует и в лирике Зудермана этих лет, например, в стихотворении «Ты предполагаешь, что я кроткий...», которое было опубликовано в 1890 году. См.: Landsberg H. Hermann Sudermann. – Berlin: Tetzlaff., 1901. – s. 57. Ландсберг переложил стихотворение из: *Magazin für Literatur*. – 1890. – № 40.

полярность. В ее становлении он опирался на идеи Гартмана, Ницше, на творчество Шпильгагенга. Полярность обусловила использование контраста как принципа организации системы образов. Уже в сборнике новелл «В сумерки» (1886) персонажи располагаются по принципу контрастного параллелизма, образуя ряды типов, противоположных нравственно, психологически и по темпераменту. Через все творчество Зудермана проходят противоположные женские типы: женщины «новой школы» (эмансипированные) и «старой школы» (патриархальные).

Зудерман неизменно утверждал одну и ту же мысль: поведение человека зависит лишь от его личностных качеств. Поэтому лежащие в основе произведений конфликты имеют нравственно-психологический характер. Собственно социальное не было основной его проблемой, оно всегда проецируется в нравственно-психологическую сферу. Основу конфликта в повествовательных и драматических произведениях составляет столкновение героя и среды, и в этом Зудерман следует литературной традиции. Как правило, он конструирует благополучное разрешение конфликта. В отличие от писателей-натуралистов он оставляет персонажам шанс на позитивную перспективу и эстетически гармонизирует социальные и межличностные отношения. Эта гармонизация принципиальна для него. Режиссерская сделанность благополучной концовки в романе «Забота» (1887), в пьесе «Честь» (1889) и в других произведениях вытекает из поставленной автором задачи. Он утверждает, что в жизни человека счастье возможно, оно во взаимной любви, основанной на родстве душ, и в создании семьи. Данная идея, реализованная в романе эстетически, останется одной из ведущих в творчестве писателя, воплощаясь в разных по жанру произведениях и создавая нравственный ориентир, столь необходимый человеку в эпоху «моральных противоречий». В этом смысле творчество Зудермана обладает морализирующим пафосом.

В произведениях Зудермана старая традиция завершения сюжета, закрытого финала соседствует с новой тенденцией давать открытый финал, тем самым намечая перспективу позитивного развития, нового этапа в жизни героя.

Сюжетность – важный признак поэтики Зудермана. Сюжет в его произведениях всегда динамичен, его перипетии строятся на контрастности характеров. События воссоздают значительные, узловые моменты в судьбе персонажей. Все элементы сюжета присутствуют и в новеллах, а пространственные экспозиции характерны и для драм. Такие экспозиции необходимы для освещения среды, в которую погружен герой. Развитие

действия стремительное и динамичное. Для произведений разных жанров характерно максимальное смещение кульминации к развязке, как правило, неожиданной, что способствует усилению драматизма.

Зудерман использовал и такой прием организации повествования, как энергичное начало, сразу же вводящее в действие, что было редким явлением в поэтике немецкой реалистической прозы этого периода. Предыстории персонажей даны в ретроспекции, постепенно восстанавливаясь в ходе повествования или в процессе развития драматического действия.

Одной из особенностей творческой манеры Зудермана является существование разных стилей, среди которых весьма ощутим романтический. В поэтике его произведений прослеживается генетическая связь с натурализмом – в обращении к современной, социальной, бытовой тематике; во внимании к психологическому анализу и к физиологии как основе психического; натурализм привел к детальным художественным описаниям, к изменениям на уровне языка.

С точки зрения Зудермана, натурализм как художественный метод (с его стремлением к фактографии, копированию реального мира, отказом от обобщения) не сможет дать истинно художественного произведения, которое не должно быть «буквальным воспроизведением природы» [Меринг 1934, с. 307]. Поэтому писатель предпочитает формулировку «так называемый натурализм» [А.К. 1895, с. 181–182]. Он убежден, что не в банальном копировании жизни заключается искусство, что важное место должно быть отведено «поэтической фантазии», «поэтическому воображению», каковое высоко ценит (например, в творчестве Флобера, в частности, в романе «Саламбо» [Brieffe 1932, S. 215]).

Литература немецкого натурализма (Хольц, Шлаф, Гауптман и др.) заимствовала из французской тему влияния наследственности. Зудерман исследует эту тему в рассказе «История тихой мельницы» (1888). Однако натуралистическая идея наследственности и психической патологии прошла лишь по касательной к его творчеству, так как он был ориентирован на активную, здоровую, жизнерадостную личность.

Плодотворным оказался для Зудермана другой аспект биологизированного пласта в человеке – «дикое желание». Объясняя предпочтение, отдаваемое автором этой физиологической теме, следует сказать, что изображение в художественном произведении влияния среды и законов биологической наследственности изгнало из искусства понятие человеческой свободы [Браудо 1922, с. 21], которую Зудерман всегда не только декларировал, но и защищал своим творчеством и публицисти-

кой. Что касается наследственности и патологии, человек, по Зудерману, подчиняется ей как некоей органической фатальности и тем самым утверждает несвобода личности. Подобно наследственности человеку соприродна и его чувственная основа, «дикое желание», которому, однако, он *способен (!)* противостоять с помощью силы воли, внутренних запретов, выработанных нравственной культурой, то есть человек *свободен* в выборе поведения. Поэтому характеры, обусловленные или следованием «дикому желанию», или сопротивлением ему, воплощали собою многообразие психологических типов и тем самым представляли интерес для Зудермана как художника и психолога. Наблюдая в обществе аморализм, он стремится противодействовать ему средствами искусства.

Зудерман не разделял мнения Золя о фатальном воздействии среды на человека, так как был уверен в том, что, независимо от среды, от социального происхождения и статуса, человек может быть нравственным, добрым, милосердным или же аморальным, жестоким, злым. В эстетике Зудермана в качестве идеала предстает личность с внутренним миром, который определяется не средой, а преодолением ее и себя. Как своего рода эстетическая полемика писателя с влиянием на человека среды может рассматриваться образ Павла из первого романа Зудермана «Забота».

Писатель продолжает (и завершает) традиции «поэтического реализма», теория которого была изложена в работах О. Людвиг (1813–1865). Зудерман художественно воплощает те принципы, что близки ему: обостренное внимание к «вещам»; точное воспроизведение мельчайших деталей; негативное отношение к революционному радикализму; игнорирование социального конфликта и противопоставление ему противоборства характеров, которые раскрывались не в сфере общественно-политической, а в области частной жизни, где и реализовывали программу собственного морального самосовершенствования.

Творчество Зудермана остается в границах реалистического метода постижения мира и человека. Наряду с этим писатель не только осмысливает себя в традициях предшествующих культурных эпох, из которых ему ближе всего романтизм, «поэтический реализм» и отчасти классицизм, но и чутко улавливает веяния современных ему исканий литературы натурализма. Ему чужды декаденты рубежа веков, акцентировавшие иррациональное, мистическое. Подобное отношение к миру неприемлемо для писателя с материалистическим мировосприятием, сложившимся не без влияния Геккеля и Гете.

С 1891 года начинается период активного вхождения Зудермана в культурную жизнь России. Первым журналом, опубликовавшим его

рассказ «Желание» (1888), было петербургское «Живописное обозрение». 4 октября того же года в Москве в театре Корша состоялась премьера по пьесе «Честь». На русской сцене это был самый первый спектакль на русском языке. Спектакли по пьесам Зудермана шли в частных театрах, среди них пальма первенства принадлежит театру Корша; а также в Императорских театрах (Александринский, московский Малый театр), в провинциальных театрах.

Отечественная драматургия в период вхождения Зудермана в русский театр была представлена не только такими авторами, как Гоголь, Островский, Тургенев, Л. Толстой, Чехов, Горький, но и создателями так называемой «массовой драматургии» (И.Н. Ладыженский, А.А. Потехин, И.Н. Потапенко, В. Крылов с их развлекательными пьесами). Писали для театра и другие драматурги – В.И. Немирович-Данченко, И.В. Шпажинский, Е.П. Карпов, А.И. Сумбатов-Южин. В контекст сочинений названных авторов произведения Зудермана включаются с 1891 года и идут с разной степенью интенсивности по 1928 год Ставятся 15 его пьес, написанных до первой мировой войны. Привлекала их сценичность, поэтому в русском (как и в европейском) театре, который продолжал оставаться преимущественно театром актерским, у немецкого драматурга сложилась прочная репутация «автора для актеров» [Юргис 1927, с. 37]. А.В. Амфитеатров, например, утверждал, что образ Магды из «Родины» стал «экзаменом на первоклассную артистку» [Амфитеатров 1911, с. 230] и, добавим, европейски признанным «экзаменом», так как в этой роли выступали С. Бернар, Э. Дузе, С.П. Кэмпбелл, М.Г. Савина, М.Н. Ермолова, В.Ф. Комиссаржевская.

«Психологический динамизм и богатство нюансов» [Шах-Азизова 1982, с. 147], свойственные персонажам Зудермана, оказались созвучны тенденциям, присущим русскому актерскому искусству 90-х годов, которое также «характеризовалось особенным вниманием к типам психологическим, а не социальным» [Тиме 1991, с. 58], и пьесы Зудермана с их нравственно-психологической проблематикой предоставляли актерам благодатный материал.

В литературную и театральную жизнь России Зудерман легко вошел еще и потому, что здесь формировалась поэтика «новой драмы» – и в творчестве крупных авторов, и в творчестве представителей «массовой драматургии». Процесс этот, как показывает исследование его Г.А. Тиме, шел в России медленно: «Если на Западе новая драматургическая система оказалась довольно резко противопоставлена старой, то в русской драматургии 1880–1890-х годов наблюдалось *постепенное* движение идейно-художественной структуры драматического произ-

ведения по направлению к новой драме» (курсив мой. – Г.Р.). На наш взгляд, в этом заключается одна из главных причин жесткой критики в Германии Зудермана, ни одна пьеса которого не демонстрировала «резкого» перехода от старой поэтики к новой и не принадлежала или только старой, или только новой драматургической системе, но содержала в себе одновременно и то и другое, хотя, согласно сложившимся к этому времени в Германии эстетическим взглядам, новая и старая поэтики драмы должны быть разведены. Поэтому в немецкой критике Зудерман одинаково подвергался нападкам с обеих сторон: консервативная пресса, радикальные сторонники традиции в искусстве осуждали его за отход от традиций, а новаторы и их апологеты критиковали в свою очередь за недостаточную последовательность в обращении к новому и чрезмерную привязанность к традиции.

В русской критике не было столь огульного осуждения поэтики пьес Зудермана, более того, подчас здесь понимали его лучше и глубже, о чем свидетельствуют статьи А. Рейнгольдта², З.А. Венгеровой [З.В. 1897, с. 438–441], К.Ф. Головина [Головин 1910, с. 62–68]. В русской литературе переход к «новой драме» осуществлялся плавно, постепенно; было много драматургов, в произведениях которых подготавливалось ее возникновение (А.Н. Островский, Л. Толстой, И.В. Шпагинский, В.И. Немирович-Данченко и др.). Поэтому синтез традиционной, старой и формирующейся новой поэтики воспринимался здесь как естественное явление, вследствие чего была принята и аналогичная особенность поэтики драм Зудермана. Тем самым пьесы Зудермана активно помогали в 90–900-е годов русскому театру в восприятии и освоении «новой драмы». Свидетельством такой помощи является тот факт, что в процессе становления «новой драмы» и формирования режиссерского театра режиссерами-практиками «чаще всего Гауптману и Толстому предпочитается Зудерман», «он более доступен, а проблемы, им поднимаемые, примерно те же» [Табатчикова 1974, с. 93]. Исторически сложилось так, что содержание и форму пьес Зудермана раскрыл именно актерский театр, а не режиссерский, который сформировался в России лишь в начале XX века, к моменту снижения активности театральной рецепции Зудермана. Восхождению Зудермана в русскую культуру способствовало и то, что пафосом своего творчества он был близок духовно-нравственному направлению русской литературы.

² А. Р-дгь. Макс Кретцер и Герман Зудерман // Живописное обозрение. – СПб., 1891. – № 45. – С. 310–311; Рейнгольдт А. Вольный театр в Европе // Книжки Недели. – СПб., 1892. – № 2. – С. 7–20; Рейнгольдт А. Герман Зудерман // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Эфрон. – СПб., 1894. – Т. 24. – С. 715; Рейнгольдт А. Герман Зудерман // Северный вестник. – СПб., 1897. – № 4. Апрель. – С. 37–51.

Литература

- А.К. Из Германии // Русское богатство. – СПб., 1895. – № 10. – Октябрь.
Амфитеатров А.В. Маски Мельпомены. – М., 1911.
Браудо Е.М. Новые течения немецкой мысли (1918–1922). – Пг., 1922.
Головин К.Ф. Зудерман как драматург // Ежегодник Императорских театров. – СПб., 1910.
З.В. [Венгерова З.А.]. Хроника. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. – СПб., 1897. – Ноябрь.
Меринг Ф. Герман Зудерман // Меринг Ф. Литературно-критические статьи. – М.; Л., 1934.
Табатчинова Е.А. Н.Н. Соловцов и становление режиссуры в русском провинциальном театре // Записки о театре. – Л., 1974.
Тиме Г.А. У истоков новой драматургии в России (1880–1890-е годы). – Л., 1991.
Франке К. История немецкой литературы в связи с развитием общественных сил (с V века до настоящего времени). – СПб., 1904.
Хессен Р. Технические приемы драмы. / Пер. В.В. Сладкопеева. (Гл. V. Четыре приемы. «Честь») // Библиотека Театра и искусства. – СПб., 1911. – № 3. – Март.
Шах-Азизова Т.К. Репертуар // История русского драматического театра. В 7 т. Т. 6. – М.: Искусство, 1982.
Юргис. Драматургия Зудермана // Современный театр. – М., 1927. – № 3. – 19 сентября.
Briefe H. Sudermanns an seine Frau (1891–1924). Hrsg. von Dr. I. Leux. – Stuttgart und Berlin, 1932. Письмо из Киссингена от 26 августа 1905 г.
Kappstein Th. Hermann Sudermann als Erzähler // Sudermann H. «Der verwandelte Facher» und zwei andere Novellen. – Leipzig: Philipp Reclam, 1918.
Panzer A. Hermann Sudermann – eine politische Biographie // Hermann Suderman: Werk und Wirkung. – Würzburg, 1980.
Schiller Nationalmuseum. Deutsches Literaturarchiv. – Marbach am Neckar, 1969.
Sudermann H. Im Zwielicht. Zwanglose Geschichten. 24 Aufl. – Stuttgart, 1899.

ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛЯ АРГУМЕНТАЦИИ

И.Ю. Качесова

Ключевые слова: аргументативный текст, поле аргументации, конгруэнтность, сингулярность, динамизм, текстовые реализации поля аргументации.

Keywords: argumentative text, argumentative field, singularity, synergy, dynamics, text realization of argumentative field.

В последнее десятилетие в рассмотрении феномена аргументации намечилось изменение ракурса изучения. Аргументация из набора абсолютно логических операций (см. работы А.А. Ивина [1997], В.В. Курбатова [1996] и др.) постепенно превращается в осмысленное целенаправ-

ленное производство успешных коммуникаций. Принцип убеждающей аргументации, заявленный Х. Перельманом, становится доминирующим при анализе аргументативного акта, что встраивает теорию аргументации в риторический контекст (о необходимости изменения модуса исследования аргументативной парадигмы также говорит Л.Г. Васильев, анализируя современное состояние зарубежной аргументологии [Васильев 2007]). Базовой единицей анализа выдвигается аргументативный текст, который, в свою очередь, является отражением аргументативной ситуации.

Аргументативные характеристики текста являются малоизученными в силу своей уникальности. Как отмечают исследователи, до сих пор в современной литературе открытыми остаются следующие вопросы: любой ли текст можно считать аргументативным текстом, как определить сущностные характеристики текста в аспекте аргументации, можно ли считать текст компонентом аргументативного процесса и каковы его функции? (См.: [Перельман 1987, с. 54; Хазагеров 1999, с. 29]).

В теории аргументации позицию текста можно оценивать по-разному: с одной стороны, текст можно рассмотреть как результат реализации когнитивной модели аргументативной деятельности (сущностью данного подхода является риторическое изобретение), с другой стороны, возможно описание текста как одного из компонентов структуры аргументативного процесса (наряду с такими компонентами, как субъекты аргументации, спорное положение, тезисы, аргументы, поле аргументации).

Каждое из этих направлений представляет разные функциональные характеристики текста. Однако особенности жизнедеятельности текста в аргументации требуют сопряжения различных подходов (логических, психологических, стратегических и т.д.). Данное сопряжение мотивировано еще и коммуникативной практикой (особенно в сферах рекламы, PR-коммуникаций и т.д.). Но более продуктивным, на наш взгляд, является описание аргументативного текста как отраженного воспроизведения процесса аргументации.

Такого рода подход признает наличие некоторого затекстового образования, влияющего на формирование аргументативных характеристик текста. В качестве такого образования может быть выделено поле аргументации. Данная статья посвящена описанию текстовых реализаций характеристик поля аргументации.

Традиционно поле аргументации определяется как совокупность «спорного положения, множества аргументов с вытекающими из них

тезисами, правилами приемлемости доводов» [Курбатов 1996, с. 194]. Данное определение описывает поле аргументации как один из структурных компонентов аргументативного процесса и не учитывает коммуникативной обусловленности аргументирования. Более продуктивным является, на наш взгляд, представление поля аргументации в качестве коммуникативно-предметного пространства, имеющего следующие свойства: сингулярность, синергетизм, конгруэнтность и динамизм. Выбор данных свойств обусловлен внутренними онтологическими характеристиками поля аргументации, так как формальные характеристики поля, такие как мера формы поля аргументации, находятся в прямой зависимости от содержательных – меры содержания поля аргументации. Данная зависимость, в свою очередь, корректируется информационными блоками, входящими в структуру поля аргументации (например, блок культурологической информации, блок исторической информации, блок национально-специфической информации и т.д. обязательно влияющих на выбор формы и содержания компонентов поля аргументации), которые включаются в коммуникативный акт. Свойства сингулярности, синергетизма, конгруэнтности и динамизма отражают как информационный потенциал любого явления, так и формальный потенциал (формальность в каждом свойстве отражает онтологию характеризуемого объекта). Сочетание двух потенциалов – формального и информационного и обусловило выбор данных свойств для описания сущности поля аргументации (что объясняет использование указанных понятий и в коммуникативных и в некоммуникативных дисциплинах). Так, понятие конгруэнтности в геометрии описывает отношение эквивалентности на множестве геометрических фигур (отрезков, углов и т.д.) на основе какой-либо группы преобразований, чаще всего движений. Например, в евклидовой геометрии две фигуры называются конгруэнтными, или равными, если одна из них может быть переведена в другую движением. В психологии конгруэнтность – это название состояния, при котором все внутри субъекта находится в согласии между собой. Конгруэнтность характеризуется отсутствием «модальных операторов» (например, «должен», «необходимо», «хочу», «могу»). Модальные операторы «сливаются» вместе, сосредоточившись в настоящем моменте только на ощущениях субъекта внутри коммуникативного акта и исключив все, что к нему не относится. Конгруэнтность в психологии – состояние целостности и растворимости в коммуникативной ситуации, когда все части личности «растворены» в ситуации, работают вместе, преследуя единую цель. Например, если личность чувствует, думает, говорит и делает одно и то

же, в этот момент времени такую личность можно назвать аутентичной, а ситуацию – конгруэнтной. Состояние конгруэнтности характеризуется отсутствием коммуникативных альтернатив. Выбор альтернативы как среди внутренних желаний, так и среди внешних возможностей всегда включает в себя сравнение двух представлений, чтобы определить то, которое подойдет больше в данной ситуации, что требует неконгруэнтности ситуации и человека в ней хотя бы на некоторое время.

Термин «сингулярность» заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических чёрных дыр и в некоторых теориях начала вселенной как точку с бесконечно большой массой и температурой и нулевым объемом. Особенность или сингулярность в математике – это точка, в которой математический объект не определен или имеет нерегулярное поведение (например, точка, в которой функция недифференцируема). Технологическая сингулярность – это гипотетический момент в будущем, когда технологическое развитие станет настолько стремительным, что график технического прогресса станет практически вертикальным. В обобщенном виде с понятием сингулярности часто связывают идею о невозможности предсказать, что будет после нее.

Закон синергетизма в психологии связан с формированием работы в группах, где обеспечивается не просто сложение, а умножение сил участников группы (как пример можно привести соционическую группу, в которой доминантные функции участников группы при сложении обеспечивают прорыв в осуществлении какого-либо коммуникативного действия). Свойство синергетизма в лингвистических работах описывается как усиление определенного значения языковых единиц (см., например, работу Н.В. Дрожжих [2006] и др.).

Как видно из приведенных выше примеров, свойства конгруэнтности, сингулярности и синергетизма успешно применяются при описании сложных явлений (коммуникативной или иной природы) в тех случаях, когда нужно в одном анализе свести вместе формальные и информационные характеристики какого-либо явления. В контексте нашей работы под этими понятиями понимается следующее.

Конгруэнтность – это состояние структурной и содержательной целостности, при которой все компоненты целого работают вместе, преследуя единую цель. В данном контексте понятие конгруэнтности сопоставимо с понятием «аутентичности», но под конгруэнтными характеристиками понимается прежде всего целостность коммуникативно-информационного образования, а аутентичность предполагает целостность проявления личностных, субъектных характеристик.

Сингулярность нами понимается как непредсказуемость выбора вектора развития поля аргументации при переходе через некоторые коммуникативные пороги, особенно в ситуации коммуникативного кризиса. Сингулярная характеристика поля аргументации позволяет при помощи сигналов сингулярности (слов, жестов и т.д.) прогнозировать появление коммуникативного кризиса и, возможно, предотвращать его.

Синергетическая характеристика поля аргументации предполагает не просто сложение, а умножение всех (структурных, семантических, функциональных) свойств компонентов поля аргументации в ходе развёртывания убеждающей коммуникации.

Динамизм поля аргументации напрямую связан с динамической природой аргументации. Это процесс, коммуникативное действие, развёрнутое во времени.

Данные свойства поля аргументации, по нашему мнению, находят свою реализацию, с одной стороны, в его структурно-содержательной организации и, с другой стороны, в особенностях реализации способов функционирования поля аргументации применительно к конкретному акту аргументирования.

Рассмотрим влияние свойств поля аргументации на текстовую организацию аргументативного акта.

Реализацию свойства **конгруэнтности** опишем через структурную организацию поля аргументации. Структура поля аргументации нами определяется в виде трехмерного пространства, которое характеризуется мерой формы, мерой содержания и мерой сопряженного функционирования.

Мерой формы поля аргументации является его структура. Поле аргументации включает в себя как минимум двух субъектов аргументирования (S1 и S2), спорное положение как предмет аргументирования (СП), тезисы (Т), многоаспектно раскрывающие спорное положение, систему аргументов (al...an), ситуативный компонент (sit) (см. рисунок 1).

Мера содержания поля аргументации определяется взаимодействием субъекта аргументирования с его коммуникативным и предметным окружением. Коммуникативное взаимодействие определяют информационные потоки, которыми оперируют субъекты аргументирования, способы моделирования и структурирования информационного пространства, степень креативности каждого из субъектов. Предметное взаимодействие определяет материальное окружение субъектов аргументирования. Схематично меру содержания можно представить следующим образом: 1) предметное взаимодействие (материальное окру-

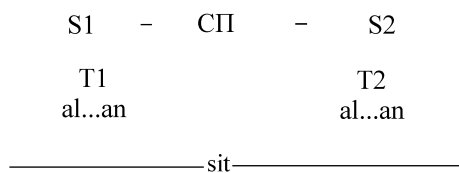

Рис. 1. Мера формы поля аргументации.

жение); 2) коммуникативное взаимодействие (информационные потоки, способы моделирования и структурирования в аргументативной ситуации, степень креативности субъектов поля аргументации).

При сопряжении компонентов формы и содержания поле аргументации начинает функционировать как феномен времени и пространства, которые приобретают аргументативные характеристики. Время существования поля аргументации является временем универсальным, соединяющим прошлое, настоящее и будущее. Компонент настоящего обусловлен тем, что аргументация происходит сейчас (*now*). Компонент прошлого обусловлен наличием определенного опыта и объема информации у субъектов аргументирования до начала аргументации. Компонент будущего представляет собой возможность моделирования аргументативного процесса субъектами аргументации и прогнозирования результата. Аргументативное пространство включает в себя, кроме собственно физического пространства, еще и информационное, интеллектуальное, культурологическое и другие виды пространства. Таким образом, поле аргументации характеризуется сложным составом. Поле включает субъектов, информацию, коммуникацию, материальные объекты, процессы, когнитивные модели и т.д. Наличие внешних и внутренних характеристик, динамическое развертывание пространственного и временного компонентов определяют поле аргументации в качестве сложного объемного образования и делают возможным представление поля как основу репрезентации когнитивной модели аргументации. Поле аргументации не только является базой проявления когнитивной модели, но и само, в свою очередь, диктует образу текста аргументативные характеристики.

Реализацию свойства **сингулярности** поля аргументации опишем как осознанный выбор вектора развития аргументативной ситуации при общей непредсказуемости направления развития процесса аргументирования. Данный осознанный выбор возможен при наличии

коммуникативных сигналов, позволяющих выбрать либо позитивную, либо негативную модель развития аргументативной ситуации и связан с функционированием когнитивного механизма преобразования аргументативного намерения (А-намерение) в аргументативную уверенность (А-уверенность).

В процессе порождения аргументативного текста информация проходит несколько этапов трансформации. На первом этапе аргументатор (первый субъект аргументации S1) создает образ текста. Это этап появления аргументативного намерения, которое формируется посредством модальностей «я хочу, мне необходимо, я должен говорить то-то». На втором этапе А-намерение корректируется: образ текста трансформируется в когнитивную модель, сущностью которой является приобретение образом текста аргументативных характеристик (аргументативные характеристики диктуются полем аргументации). Данный этап определяется как межтекст, так как его онтологическим свойством является принципиальная возможность качественного преобразования информации. В результате преобразований появляется квазитекст (третий этап трансформаций), его содержание определяется модальностью «я должен это сказать». А-намерение преобразуется в аргументативную уверенность. На четвертом этапе после отбора языковых средств появляется собственно текст, который передается аргументируемому (второй субъект аргументации S2).

Этапы преобразований *образ текста – межтекст – квазитекст – текст* описывают формальную модель порождения аргументативного текста (подробнее о категории межтекста см: [Качесова 1998, с. 12]). Содержание модели определяется трансформацией А-намерения в А-уверенность посредством диктата полем аргументации аргументативных характеристик (см. рисунок 2).

Модель преобразований *образ текста – межтекст – квазитекст – текст* нами рассматривается в качестве внешнего когнитивно-деятельностного механизма порождения аргументативного текста. Внутренний механизм связан с многоаспектностью явления аргументация и представляет собой сложно организованную полевую структуру. Каждый из аспектов

S1 –	Образ текста	Межтекст	Квазитекст	Текст – S2
	А-намерение	Диктат А-характеристик	А-уверенность	

Рис. 2. Когнитивная модель аргументативной деятельности.

аргументации (логический, психоинтеллектуальный, композиционно-структурный, тактико-стратегический) формирует особое поле по характеру выполняемой им функции. Поля функций, сформировавшись автономно, образуют динамическую структуру гиперполя аргументативной функции. Ядерным компонентом гиперполя выступает доминирующая функция. Периферийные компоненты – условия и способы реализации доминирующей функции. Основными характеристиками гиперполя аргументативной функции являются множественность полей функций, динамичность структуры, пересечение периферийных компонентов (подробнее о структуре гиперполя аргументативной функции см: [Качесова 1999, с. 80]). Таким образом, механизм порождения аргументативного текста имеет два уровня: внешний когнитивно-деятельностный механизм преобразования намерения в аргументативную уверенность и внутренний, реализующийся на этапе межтекста и связанный с динамичностью гиперполя аргументативной функции.

Свойства конгруэнтности, сингулярности, синэргетизма и динамизма содержательных и структурных компонентов полей аргументации проявляются именно в их текстовой реализации, так как данные свойства напрямую проявляют себя в тех случаях, когда всем компонентам нужно объединиться для достижения аргументативной цели. Конгруэнтность в данной ситуации реализуется через способность объединения всех характеристик какого-либо компонента поля аргументации (в нашем случае: объединение меры формы и меры содержания) для достижения цели; сингулярность предполагает выбор строго определенного, заданного субъектом аргументирования вектора развития поля аргументации (в нашем случае – отбор компонентов, содержащих сигналы либо позитивного, либо негативного способа развития аргументативной ситуации); свойство **синэргетизма** в контексте нашей работы связано с прагматическим усилением и умножением всех характеристик компонентов поля аргументации при сингулярном развертывании поля аргументации; **динамизм** является базой, на которой осуществляются все эти преобразования.

В качестве иллюстрации приведем текст листовки одного из кандидатов в депутаты Государственной Думы по Барнаульскому избирательному округу «Барнаулу – природный газ!» (сохранены авторские композиция и шрифтовые выделения). Данный пример демонстрирует текстовые реализации характеристик поля аргументации как базы построения аргументативной ситуации.

*БАРНАУЛУ – Голосуйте ЗА!
ПРИРОДНЫЙ ГАЗ!*

Дорогие Барнаульцы!

Я знаю, что сегодня миллионы семей по всей стране страдают от перебоев со сжиженным газом. Для Барнаула выход из сложной ситуации ЕСТЬ. Он – в газификации краевого центра природным газом.

На сегодняшний день сжиженный газ из газгольдерных установок поступает в 48 тысяч квартир, еще в 34 тысячах квартир и домов пользуются газовыми баллонами.

ПЕРЕХОД НА ПРИРОДНЫЙ ГАЗ УЖЕ НАЧАЛСЯ.

Благодаря усилиям краевой и городской администрации в квартиры 8984 барнаульцев уже поступает это экологически чистое и недорогое топливо.

Природный газ начал использоваться в пиковой котельной, ТЭЦ-1, ТЭЦ-3, в котельных заводов «Трансмаш», «Техугле-род», пивзавода, муниципальной котельной поселка Южный.

До конца 1999 года на природный газ будет переведено еще несколько десятков тысяч квартир на Южном, Новосиликатном, Черемушках.

Природный газ гораздо дешевле сжиженного. Каждый пользователь должен платить за него всего 2 руб. 80 коп. в месяц.

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

Мне нужна ваша поддержка, чтобы в Государственной Думе нового созыва вместе с краевой и городской администрациями добиваться скорейшей и полной газификации Барнаула природным газом. Он экономит ваши деньги, позволит избежать перебоев, даст возможность решить проблемы теплоснабжения. Полная газификация Барнаула природным газом возможна за два года.

Кандидат в депутаты Государственной Думы по Барнаульскому избирательному округу

NN

Охарактеризуем поле аргументации данного текста и рассмотрим этапы его порождения.

1. Определим видовые и жанровые особенности аргументирования.

Данная листовка принадлежит к жанру политической рекламы, что диктует особую структуру аргументативного процесса (в рекламе аргументация строится, как правило, с использованием имплицитного второго тезиса). Приводится тезис «за» и система аргументов, раскрывающая данный тезис, так как необходимо показать положительные качества рекламируемого товара. Тезис «против» имплицитен: либо не рассматривается (используется одготезисная реализация структуры аргументативного процесса), либо отсутствует – намеренная фигура умолчания.

2. Опишем меру формы поля аргументации.

Спорное положение: Нужен ли Барнаулу природный газ?

Тезис 1 – «Да, нужен». Тезис 2 – отсутствует. Приводится система аргументов к первому тезису:

T1 «да, нужен», так как:

аргумент 1 – «экономит деньги»;

аргумент 2 – «решает проблемы газоснабжения»;

аргумент 3 – «позволяет избежать перебоев».

Спорное положение формируется в заглавии текста, и его формулировка совпадает с тезисом: «*Барнаулу – природный газ!*», означая «*Барнаул должен быть с природным газом*». Композиционное размещение логотипа кандидата «*Голосуйте ЗА!*» в одной строке со спорным положением предполагает наличие одного тезиса в аргументации. Семантически компоненты первой строки образуют одну синтагму: сопряжение значений отдельных компонентов «*Барнаул должен иметь природный газ*» и «*Вы должны голосовать за этого кандидата*» формируют общую семантику «*Проголосуйте за кандидата, и Барнаул будет с природным газом*».

Тезис «*Да, Барнаулу нужен природный газ!*» в данной аргументации единственен. Использование противоположного тезиса избыточно, так как в системе аргументации данного текста компонент «*Газ не нужен*» противоречит семантике спорного положения.

Субъектов аргументации в тексте два: кандидат в депутаты и аудитория, воспринимающая текст. Кандидат в депутаты в данном тексте представлен как личность, принадлежащая одной из ветвей власти. Фраза «*совместно с городской и краевой администрацией*» показывает включенность кандидата во властные структуры (я вместе с ними), а фраза «*благодаря усилиям краевой и городской администрации*» опре-

деляет положительную оценку кандидатом деятельности администрации (формируется значение *«усилия были и они были во благо»*). Текст рассчитан на широкую аудиторию (горожан), с доминированием среднего класса. Маркерами являются *«миллионы семей», «тысячи квартир»*, указание конкретных районов и предприятий города. Доминирование среднего класса определяется по компоненту семантики *«экономия»*: *«Каждый пользователь должен платить за него всего 2 руб. 80 коп. в месяц», «Он сэкономит ваши деньги»*.

Маркерами ситуации аргументации выступают *«город», «горожане»* с включенностью в ситуацию универсальную, большого масштаба (*«по всей стране»*).

3. Опишем меру содержания поля аргументации.

В качестве предметного взаимодействия выступает сложная ситуация с обеспечением города газом, причем логика расположения заголовка и подзаголовков формирует позитивное отношение к ситуации:

Барнаулу – природный газ!

Выход из ситуации есть. Переход на природный газ уже начался.

Коммуникативное взаимодействие определяют, во-первых, использование шаблонов бытового мышления (термин А. Ульяновского): *«большинство людей в исходной ситуации будут поступать так же» (миллионы семей по всей стране страдают от перебоев с газом), «давление авторитета» (неоднократное упоминание городской и краевой администраций), «обаяние сложных формул и цифр» (48 и 34 тысячи квартир, 8984 квартиры, несколько десятков тысяч квартир), «возможности производства» (переход уже начался) и т.д.*

Данная статья использует такой способ переструктурирования пространства, как замещение полей аргументации: в результате использования шаблонов бытового мышления поле аргументации аудитории замещается полем аргументации кандидата, что, в свою очередь, приводит аудиторию к эффекту включенности в аргументативную парадигму кандидата (*Дорогие земляки! Мне нужна ваша поддержка*). Хотя нужно отметить неудачный пример включенности: использование в качестве авторитета городской и краевой администрации (не для любого горожанина это является авторитетом).

4. Опишем меру сопряженного функционирования поля аргументации.

Время аргументации в тексте заявлено как настоящее (выделение жирным шрифтом ЕСТЬ, использование глаголов настоящего времени

(*страдают, поступает*) с включение компонента будущего времени («будет переведено, должен платить»). Информационную основу текста составляют компоненты с семантикой, принадлежащей к техническому, бытовому и административно-управленческому пространству текста (*газификация, газгольдерные установки, экологически чистое и недорогое топливо; гораздо дешевле, страдают от перебоев; усилия администрации, совместно с администрацией, даст возможность решить проблемы и др.*).

5. Опишем этапы порождения аргументативного текста.

На первом этапе сформировался образ текста в качестве идеи «я буду / хочу говорить о проблеме газификации». Второй этап (межтекст) включил А-намерение в поле аргументации. Субъект 1 (кандидат) произвел анализ аудитории, определил способы моделирования информации и способность аудитории к структурированию пространства, выбрал адекватные шаблоны бытового мышления. Второй этап преобразовал модальность «я буду» в аргументативную модальность: образ текста приобрел аргументативные характеристики. Третий этап (квазитекст) трансформировал А-намерение в А-уверенность (в тексте это нашло отражение в использовании конструкции (*Я знаю, что сегодня миллионы семей по всей стране страдают от перебоев со сжиженным газом*)). В результате всех преобразований после выбора адекватных языковых средств (в данном тексте совмещение семантики технического, бытового и административно-управленческого пространств) появился собственно текст листовки.

Итак, в результате анализа было показано, что свойства поля аргументации в текстовом пространстве реализуются следующим образом: сингулярность проявляет себя в формировании когнитивного механизма преобразования аргументативной интенции в аргументативную уверенность, конечным этапом работы данного механизма преобразования является аргументативный текст. Его появление осуществляется на базе реализации конгруэнтного свойства поля аргументации в виде структурной организации, сопрягающей меру формы, меру содержания и меру функционирования. Свойство синергетизма позволяет прагматически усиливать значение всех компонентов поля аргументации для достижения аргументативной цели. Динамизм отражает деятельностную природу всех аргументативных преобразований.

Литература

Васильев Л.Г. Аргументирующий дискурс: условия удачи (по материалам зарубежной аргументологии) // Филология и человек – 2007. – № 1.

Дрожачих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. – Тюмень, 2006.

Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.

Качесова И.Ю. Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 1999. – Вып. 3.

Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В.М. Шукшина: трансформационный аспект: автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.

Курбатов В.В. Логика. – Ростов-на-Дону, 1996.

Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика»: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. – Ростов-на-Дону, 1999.

АВТОР – ТЕКСТ – РЕЦИПИЕНТ: ТЕКСТЫ СМИ В АСПЕКТЕ РЕЦЕПЦИИ АВТОРАМИ

Л.О. Бутакова, Н.Ю. Миронова

Часть II

Ключевые слова: тексты СМИ, рецепция текста, языковое сознание автора, психолингвистический ассоциативный эксперимент, эмотивно-смысловый потенциал текста.

Keywords: Media-Text, text perception, author's conscious linguistic model, psycholinguistic associative experiment, emotive text potential.

Анализ восприятия текстов Р1 на основе результатов эксперимента¹

В ходе данного эксперимента гипотеза о вариативности восприятия одного текста разными реципиентами и несовпадении интенции автора с последующей рецепцией была подтверждена.

Экспериментальному заданию 1 и 2 подверглись тексты Р1 № 3, 4, 5, 6, 8.

Семантический эксперимент, направленный на определение содержания текстов, показал, что, с одной стороны, авторы текстов, выполняя задания эксперимента, не только актуализируют восприятие

¹ Размеры статьи не позволяют описать результаты исследования реакций всех реципиентов.

и понимание содержания речевого произведения, но и пытаются эксплицировать интенцию, формулируя тему, идею, создавая аннотацию к статье. Так, P1 свой собственный текст (5) охарактеризовал следующим образом: тема – «В омском ресторане три месяца будет работать итальянский шеф-повар»; идея – «Омску повезло, потому что итальянский гость – настоящий профессионал в своем деле, способный удивить даже самого привередливого гурмана». С другой стороны, реципиенты, подходя к анализу текстов, не стремятся выявить имманентные характеристики, а ограничивают осмысление информации внешними факторами. Сравним тот же самый текст в восприятии P4: объединив тему и идею, P4 сформулировал основное содержание текста так: «Итальянский повар в омском ресторане». Понимание этого текста P2 заключается в следующих формулировках: тема – «знаменитый шеф-повар из Италии теперь в Омске»; идея – «теперь омичи смогут попробовать блюда настоящей итальянской кухни, не выезжая из родного города». То же самое экспериментальное задание следующим образом выполнил P3: тема – «итальянский кулинар стал шеф-поваром в ресторане “Сенкевич”»; идея – «европейские кулинарные традиции, привезенные в Омск, поднимут уровень рестораторов и будут служить началом новых ресторанных традиций». Очевидно, что для реципиентов 2, 3, 4 доминантный смысл текста выражен в концепте «итальянский, европейский», в то время как для автора текста (P1) наиболее актуальным является смысл, образованный в поле концепта «вкус». Это подтверждает выявленную ранее интенцию автора материализовать с помощью слова модальности восприятия и сильные эмоции (вкус, запах, удовольствие), заставить читателя ощутить наслаждение блюдами итальянца.

Поскольку данные свойства текста могут быть проявлены в большей степени на эмотивном уровне восприятия, перейдем к следующему этапу – **анализу результатов ассоциативного эксперимента**. Первое задание ассоциативного эксперимента было связано с выбором цвета, который испытуемый квалифицировал в качестве ассоциирующегося с данным текстом. При анализе результатов учитывалось несколько моментов:

- Мужчины реже, чем женщины ассоциируют предмет (а тем более текст) с цветом;
- P1 в качестве любимых цветов назвал коричневый и красный, уточнив, что приятные эмоции вызывают только теплые оттенки этих цветов; в качестве нелюбимых были названы ядовито-зеленый и желтый;

- Р2 в выборе цветов предпочитает синий, а избегает желтого цвета;
- Р3 положительно относится к красному, зеленому цветам, отрицательно – к синему.

- Р4 затруднился распределить цвета на «любимые» и «нелюбимые», что можно считать проявлением гендерной специфики реципиента;

- Согласно результатам экспериментального исследования Е.И. Горошко [2000, с. 291–313], пол респондентов влияет на их цветопредпочтение: женщины предпочитают более светлые, а мужчины более темные тона.

- Самые нелюбимые «мужские» цвета – *желтый и салатный*, женские – *белый и коричневый*.

- Чем выше образовательный уровень, тем богаче цветовая гамма, причем у мужчин это проявляется ярче, чем у женщин.

- Поскольку в данном исследовании мы не ставили задачу фиксировать состояние реципиента в момент проведения эксперимента, то в анализе результатов не намерены использовать теорию декодирования цветов в состоянии тревожности / спокойствия. Итак, данный текст ассоциируется:

- со всеми цветами радуги у Р1 (автора текста);
- с голубым у Р2;
- с оранжевым у Р3;
- с зеленым цветом у Р4.

Используя содержание анкет всех реципиентов и психолингвистическую теорию о восприятии явлений и предметов через цвет, можно сделать следующие выводы.

1. Автор текста, выступая реципиентом, скорее всего переносит оценку речевого произведения на положительную оценку событий, произошедших в процессе сбора материала и написания текста. Вероятно, данное событие существует в сознании Р1 в виде цветной «картинки», плохо разлагаемой на компоненты.

2. Р2 ассоциирует данный текст с цветом, близким его «любимому» оттенку. Принимая во внимание то, что Р2 указал более светлый оттенок, мы полагаем, что текст вызывает у реципиента только положительные эмоции.

3. Анализ ассоциаций, возникающих у Р3 при чтении текста, сравним с анализом Р2, поэтому думаем, что текст вызывает у Р3 положительные эмоции.

4. Р4 не проявляет негативного отношения к тексту, но однозначно определить на основе цветового ассоциативного эксперимента характер

его восприятия мы не можем, особенно если учесть содержание его личной анкеты.

Наиболее точную информацию о восприятии данного текста демонстрирует ассоциативный эксперимент на выявление ключевых слов. В результате его проведения были выявлены ключевые слова, составившие семантическое поле текста (см. таблицу 1).

Таблица 1
Результаты эксперимента на определение ключевых слов

Ключевое слово	Реципиент	Ключевое слово	Реципиент
повар	P4, P2	гурман	P1, P2
итальянец	P4, P2, P3	знаменитость	P1, P2, P3
Сенкевич	P4, P3	коренной	P1
мадонна	P4	римлянин	P1
маэстро	P4, P2, P3	секрет	P1
паста	P4	традиции	P1, P2
Омск	P4, P2, P3	философия	P1
невеста	P4, P2, P3	мудрость	P1
per un momento	P4	сказочная	P1
покорить	P1	звезды	P2
вкус	P1, P2, P3	мужчина	P3
блюдо	P2, P3		

Из 23 ключевых слов только 5 слов, названных реципиентами, совпадает с ключевыми словами, определенными P1 (автором), и только 2 совпали с выявленными нами ключевыми словами, выражающими доминантный смысл. Следует заметить, что слова, выделенные P4, относятся в большей степени к внешним условиям и обстоятельствам (за исключением лексемы «паста»). Это позволяет предположить, что в процессе интерпретации текста P4 пытался определить для себя, в чем состоит актуальность данной статьи и чем она может быть интересна читателю. При этом важно, что из всех реципиентов только P4 не имеет ни одного общего слова с автором текста. Это можно объяснить различием в языковой картине мира: ключевые слова, с помощью которых автор попытался передать доминантный смысл, не существуют в языковой картине мира P4, и поэтому в данном случае протекает процесс «неосознаваемого редукционизма» [Залевская 2005], когда указанные ключевые слова не только не вызывают эмоции у P4, но и не являются информативными. Однако частичное пересечение в выражении ассо-

циаций через ключевые слова произошло у P1 с P2 и P3, что говорит о достижении цели статьи и о том, что итоговое восприятие P2 и P3 текста №5 порождает понимание, близкое к пониманию автора. Тот же самый результат получен в результате эксперимента над текстами №4 и 6: ассоциативный цветовой эксперимент выявил некоторые эмоции, возникающие у реципиентов в процессе чтения текстов. Текст №4 ассоциируется:

- у автора текста (P1) с зеленым цветом, входящим в группу любимых цветов данного реципиента;
- у P2 с желтым цветом, что также подразумевает наличие негативных эмоций по отношению к тексту;
- у P3 с белым цветом, что, скорее всего, означает нейтральное (или как вариант – негативное) отношение реципиента к тексту;
- у P4 возникли затруднения при определении цветовой гаммы ассоциирования.

Семантическая часть задания показала характер восприятия смыслового уровня текстов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Результаты смыслового восприятия текстов

ключевое слово к тексту № 4	реципиент	ключевое слово к тексту № 6	реципиент
душа	P1	ученик	P1, P2, P3
театр	P1, P2, P3, P4	ТЮЗ	P2, P3, P4
актер	P2, P3, P4	Петров	P1
Драма	P2, P3	ОмГУ	P3, P4
роль	P2, P3, P4	певец	P4
кино	P1, P3	Илья Лагутенко	P4
красиво	P1	учиться	P2, P3
нравится	P1	атмосфера	P1
комедия	P4	молодой	P1, P2, P3
критика	P1	группа	P4
команда	P1	покорить	P1
грубость	P2, P3, P4	тщеславие	P1
вчерашний день	P4	любовь	P1, P3
хулиганистый	P4	детство	P2, P4
волк-одиночка	P4	скромный	P2, P3, P4
работаю	P2, P3, P4	несерьезный	P1, P2
скучает	P4	пародист	P1, P2, P3, P4

«Пересечения» в очерчивании семантического поля текста, как и в случае с текстом № 5, наблюдаются у Р1, Р2 и Р3. Места соприкосновения Р1 и Р4 могут быть обнаружены только в актуализации компонентов концептов, соотносимых с доминантами текста. Например, если тема статьи – «судьба театрального актера», то закономерно, что слово «театр» все реципиенты выделили как ключевое. Это не означает, что Р4 воспринимает предложенный ему текст так же, как и Р1. С другой стороны, Р1 явно включил в ряд ключевых слов те, которые участвовали в формулировке интенции. Частичное пересечение этих слов говорит о том, что автор добился своей цели, актуализируя именно этими средствами доминантный смысл текста (во всяком случае, Р2 и Р3 однозначно его уловили).

Два текста (3 и 8), участвующие в экспериментальных заданиях 1 и 2, являются, в отличие от текста № 5, чисто рекламными (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сопоставительный анализ цветового восприятия рекламных текстов

Реципиент	Цветовые ассоциации к тексту 3	Оценка	Цветовые ассоциации к тексту 8	Оценка
Р1	серый	нейтр.	голубой	нейтр. либо +
Р2	бежевый	нейтр.	желтый	–
Р3	желтый	+ или нейтр.	серый	нейтр.
Р4	зеленый	+	красный	как +, так и –

Доминирующее количество нейтральных оценок при восприятии подтверждает отсутствие у рекламного текста свойств, необходимых для поддержания интереса и формирования эмоций. Это можно объяснить также тем, что у автора сформировано нейтральное отношение к собственным текстам. При этом выявленные негативные эмоции Р2 по отношению к тексту № 8 тем не менее иллюстрируют достижение целей рекламы, так как основная цель рекламы – вызвать эмоции для формирования узнаваемости рекламируемого объекта. В данном случае интересно рассмотреть результат ассоциативного эксперимента Р4, поскольку оба текста вызвали у него определенные эмоции. В эксперименте над текстом № 3 Р4 демонстрирует с большой вероятностью положительное восприятие, несмотря на явную неприязнь к текстам рекламного характера. Вероятно, это связано в большей степени с объек-

том рекламы – университетом, который субъективно вызывает позитивные эмоции у Р4. Возможно, что Р4 ассоциирует рекламируемый объект с собой, что обуславливает его позитивное отношение к тексту.

Текст № 8, предназначенный для мужской целевой аудитории, также вызвал эмоции, но определить их качество достаточно сложно, так как, согласно результатам многочисленных исследований психологов, красный цвет предпочитают в основном женщины, мужчины же относятся к нему сдержанно. Однако ассоциирование Р4 данного текста с красным цветом не означает его нейтрального отношения, в противном случае можно было бы ожидать стереотипную реакцию (белый / черный цвет) или реципиент отказался бы обозначить определенную цветовую ассоциацию.

Переходим к семантическому аспекту восприятия данных текстов.

Таблица 4

Сопоставительный анализ восприятия семантики рекламных текстов

Ключевое слово к тексту №3	Реципиент	Ключевое слово к тексту №8	Реципиент
аргумент	Р1, Р2, Р4	элегантный	Р1, Р2, Р3
образование	Р1, Р2, Р3, Р4	одежда	Р1, Р2, Р3, Р4
отношение	Р1	деловой	Р1, Р4
успешный	Р1, Р3, Р4	комфорт	Р1, Р4
главный	Р1	мужчина, мужской	Р1, Р2, Р3, Р4
предлагать	Р3, Р4	вкус	Р2, Р3
возможность	Р4	стильный	Р1, Р2, Р3
абитуриент	Р1, Р2, Р4	мода	Р2, Р3
студент	Р3, Р4	император	Р1, Р2, Р3, Р4

Содержание таблицы 4 демонстрирует наличие большого числа совпадающих ключевых слов в данных текстах, чем в редакционных и «полуредакционных» (№ 5). Эту особенность можно связать с опорой автора при порождении на типовые рекламные стратегии: введение стереотипных именных предикатов («элегантный», «стильный» – текст №8, «успешный» – текст № 3), повторение лексем, обозначающих рекламируемый объект или сферу, к которой он принадлежит («одежда», «император», «мужчина» – текст № 8, «образование», «абитуриент», «студент» – текст № 3). Однако в данном случае (в отличие от оценки восприятия редакционных текстов) реальный характер восприятия про-

являет именно ассоциативный эксперимент, а не семантический. Это обусловлено спецификой рекламы как феномена.

Для экспериментального задания 3 были отобраны тексты № 1, 7. Как показал эксперимент, реципиенты (в том числе автор исходного текста), участвуя в частичном порождении текста, стремятся лишь восполнить недостающую информацию. При этом они не ставят своей целью имитировать стиль автора предлагаемого текста или проявить особенности своего стиля. Как правило, восстановленный текст отличается простотой структуры и лексики и напоминает аннотацию к «пропущенной» части (см. таблицу 5).

Таблица 5

Результаты эксперимента на восстановление текста 1

Исходный текст №1	вариант P1	вариант P2	вариант P3	вариант P4
Но лишних 67 тысяч рублей у муниципального учреждения, каким является перинатальный центр <...>, естественно, нет.	Но у муниципального учреждения денег на такую покупку нет.	Встал острый вопрос о том, где взять необходимые для этих нужд средства.	Бюджет Центра не позволяет решить эту проблему самостоятельно.	Где же взять денег на столь необходимые средства комфорта?
...стало решение об организации акции «Они ждут твоей помощи», в которой мог принять участие любой желающий, оказав посильную материальную помощь.	...стало проведение акции, в которой могли принять участие все желающие.	...стало решение об обращении за помощью к омичам.	...явилась специальная благотворительная программа, направленная на сбор финансовых средств в пользу перинатального центра.	...стал сбор денежных средств с населения с разным уровнем доходов.

Из содержания таблицы видно, что исходный текст отличается более деликатной формулировкой, в которой суть акции перефразирована с целью формирования позитивного отношения к героям текста: вместо словоформы «сбор», употребленной P3 и P4, используется выражение «посильная материальная помощь». P1 и P2 при этом корректно избегают «денежного» вопроса. P1 практически полностью повторяет исходную формулировку, но при этом заметно упрощает структуру высказывания.

ваний. Восстановление всеми реципиентами пропущенных фрагментов без ущерба для содержания текста может свидетельствовать о характере самого текста (четкой организации на разных уровнях, что позволило не только воспринять текст в соответствии с интенцией автора, но и понять его смысл); об уровне развития речевой компетенции реципиентов (способности легко вычленять основную информацию и восстанавливать недостающие компоненты содержания).

Восстановление текста № 7 отличается сложностью процесса порождения, так как он насыщен событиями, которые невозможно воссоздать без владения информацией. Поэтому для восстановления мы выбрали те фрагменты, которые, с одной стороны, восстановить было бы несложно, а с другой – с помощью которых возможно выявить одновременно процессы порождения, восприятия и понимания текста (см. таблицу 6).

Таблица 6

Результаты эксперимента на восстановление текста 7

Исходный текст № 7	вариант P1	вариант P2	вариант P3	вариант P4
Всего лишь месяц назад никто не мог предсказать, способна ли прижиться в Омске еще одна музыкальная традиция – джазовые вечера	Еще совсем недавно никто не мог ответить на вопрос: «А будет ли популярен джаз в нашем городе?»	Недавно в нашем городе появилось новое для омичей музыкальное направление – джаз.	Любите ли вы джаз так, как любят его гости нашего города, которые привезли в Омск незабываемые ощущения праздника?	Джазовые вечера в ресторане «Гранд-Летур» могут стать новым увлечением зажиточных омичей.
Они постарались сделать все возможное для того, чтобы превратить джазовые вечера в настоящее культурное событие.	Они сделали все для того, чтобы подарить омичам настоящий праздник души.	Благодаря им, мы получили потрясающую возможность познакомиться с модным западным музыкальным направлением.	Благодаря этим компаниям стало возможным то, о чем многие из нас раньше только мечтали – джазовый коктейль эмоций.	Именно эти компании помогли осуществить грандиозный проект под названием «джаз».

Поскольку первый фрагмент содержит начальное изложение смысловой доминанты статьи (у журналистов это называется «врезкой»), то значительные расхождения в восстановлении данного отрезка были неминуемы. Можно отметить, что текст P2 является краткой фиксацией

события, P3 создал подобие рекламного текста, а P4 попытался дистанцироваться от физического и эмоционального участия в событии, описываемом в тексте, создав лаконичный, пронизанный иронией его вариант («Гранд-Летур» как синоним «места для богатых»). Второй фрагмент посвящен информации рекламного характера, что было очевидно из контекста. Поэтому здесь восстановленные фрагменты обладают определенным сходством. Специфика заметна в текстах P1 и P3, где обычное сообщение о спонсорах передано с помощью метафор («праздник души», «джазовый коктейль эмоций»).

Таким образом, по экспериментальным данным текст № 7 можно квалифицировать как специфический для процессов восприятия и понимания. Это его свойство оказалось неактуальным для P4 и не в полной мере актуальным для P2, поскольку реципиенты ограничились в своих высказываниях констатацией факта и не пытались передать атмосферу описываемого явления. Тогда как интенция автора была сосредоточена в сфере эмоций.

Экспериментальному заданию 4 подверглись тексты № 2 и 9, один из которых по своей установке является редакционным, а второй – рекламным. Эксперимент показал следующее: 1. P1 восстановил абсолютно точный порядок частей обоих текстов, что свидетельствует о вероятном существовании данных текстов в информационном поле их автора; 2. P2 в тексте № 9 поставил на место второго отрывка последний, а место последнего отвел комментариям героя текста. Это связано со спецификой текста. Действительно, если поменять указанные фрагменты местами, не нарушается логика повествования и не меняется общий смысл. В тексте № 2 все части были выстроены в исходном порядке, что обусловлено его синтаксическими особенностями, тема-рематическим устройством: каждое высказывание связано с предыдущим и последующим, так что вероятность ошибки оказалась крайне мала; 3. P3 в тексте № 9 поменял местами первый и второй отрывки, однако в восстановлении порядка частей текста № 2 ошибки не были допущены; 4. P4 не допустил ошибок в восстановлении данных текстов.

Напрашиваются следующие выводы:

1. Текст № 2 обладает такими качествами, как цельность, связность, логичность. Эти черты не обеспечивают его эффективность как рекламного объекта, однако способствуют позитивному восприятию режиссерского произведения, облегчают понимание.

2. Текст № 9 в меньшей степени обладает цельностью и связностью, однако каждый фрагмент текста информативен настолько, что мо-

жет стать независимым текстом. Это не усложняет, на наш взгляд, процессы восприятия и понимания текста, хотя и допускает неоднозначные трактовки фактов, нарушение причинно-следственной связи.

Отвечая на поставленные в начале эксперимента вопросы, можно обобщить наблюдения следующим образом:

1) В индивидуальном сознании пишущего (журналиста) за словом стоят смысловые пространства, границы которых сформированы как результат типовых стратегий текстопорождения и индивидуальных стратегий концептуализации опыта.

2) В журналистских текстах, направляя процесс успешного понимания, в качестве «ключевых» могут выступать те языковые средства, которые связаны с явно осознаваемой интенцией и которые формируют концептуальное поле смысловой доминанты. Если у у реципиента есть выраженная перцептивная доминанта (преобладающая модальность восприятия), ключевые слова репрезентируют образованные на ее основе эмоции.

3) Специфические особенности единиц индивидуального лексикона журналиста связаны с опорой при восприятии текста на положительную / отрицательную оценку событий, сформированную на этапе подготовки текста, а также с набором индивидуальных когнитивных схем, упорядочивающих знания о мире. В состав опор и схем, актуальных в процессе концептуализации фрагментов действительности и его репрезентации в первичном / вторичном речевом произведении, входит в том числе цветное «решение». У одних индивидов оно оформляет «цветовую доминанту», у других – набор «цветовых картинок».

4) При восстановлении журналистами, как своего, так и чужого текста, информационный уровень является преобладающим (независимо от типа текста). Его структуры обуславливают в выведении на активное «табло сознания» в большей степени прототипических фрагментов, связанных с базисными уровнями обобщения.

5) Постоянно осуществляемая деятельность по порождению текста вырабатывает у журналистов стереотипную стратегию «сжатия» речевого произведения, что выражается в структурной и семантической простоте вторичного текста.

Литература

Бутакова Л.О. Автор в системе и структуре медиа-текста // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. — Барнаул, 2005.

Бутакова Л.О., Дорофеева М.Ю. Способы когнитивной реконструкции медиа-сознания: медиа-текст и его автор // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М., 2005. – Вып. 9.

Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные работы. Ч. 2. Проблемы понимания текста. – М., 2005.

Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976.

Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб., 2001.

Кормильцына М.А. Наблюдения над разнообразием средств выражения личностного начала и идиостилем авторов в дискуссии «Десять лет, которые потрясли...» на страницах «Литературной газеты» (2001) // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., СПб., 2003.

Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону, 1998.

Ножкина Э.М. Языковая личность в структуре интервью // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – СПб., 2005.

Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дисс. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2004.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб., 2002.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. – Барнаул, 2005.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИХ ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В.М. Егодурова

Ключевые слова: говоры старообрядцев Забайкалья, заимствования из бурятского языка, лингвокультурное пространство, трансформация лексики.

Keywords: old rite people dialects in Zabaikaliye, the Buryat loan-words, linguocultural space, lexical transformation.

В Байкальском регионе более трехсот лет дружно проживают русские, буряты, эвенки и другие народы. Условия проживания на одной территории в Бурятии людей в едином социальном устройстве, но говорящих на разных языках, по большей части на русском и бурятском, не могли не сказаться на образовании особой лингвокультурной общности.

Исследование истории формирования такой общности представляет интерес, особенно в свете обостренного внимания к межнациональным отношениям в настоящее время.

Материалом для нашей работы послужил «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», который представляет богатый «источник для проведения дальнейших историко-культурных, этнографических, сравнительно-исторических лингвистических исследований» [Словарь... 1999, с. 8].

Известно, что в результате раскола православной церкви в годы правления царя Алексея Михайловича ревнители старой веры, старообрядцы, были сосланы в отдаленные места страны. Часть из них переселилась в Забайкалье. Поселившись на новом месте, семейские старались жить в соответствии с жесткими религиозными заповедями, изолированно, не смешиваясь с другим населением – русскими старожилами и бурятами. Однако проживание их в течение трех сотен лет по соседству на одной земле не могло не привести к контактам, что отразилось во взаимозаимствовании, взаимовлиянии языков и культур.

В работах Т.Б. Юмсуновой [1992], Е.И. Тынтуевой [1974], Э.Д. Эрдынеевой [1985], К.М. Матвеевой [1985] исследованы особенности говоров русских старожилов и старообрядцев, связанные с их взаимодействием с бурятским языком. Имеются также статьи Д.Д. Санжиной и Э.Д. Эрдынеевой [Санжина, Эрдышева 1991], О.Д. Бухаевой [1995] о взаимодействии русского и бурятского языков. Исследователями отмечается, что русскими говорами заимствована довольно большая группа слов – названий животных. Наиболее полно изучение одного из уникальных русских говоров Сибири – семейских Забайкалья, потомков старообрядцев, нашло отражение в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь ... 1999].

Наша задача – дать лингвокультурное описание заимствованных из бурятского языка слов при функционировании их в непосредственной речевой деятельности семейских. В живой речи старообрядцев, бережно собранной в замечательном памятнике – «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», отражается отношение старообрядцев к коренным жителям Забайкалья при обживании новых для них мест. Словарь зафиксировал в составе говоров семейских слова, заимствованные из бурятского языка, а также слова для именованья бурят и русских старожилов. Иллюстрации содержат трактовку значений заимствованных слов самими носителями диалекта. Во многих приведенных примерах зафиксировано, как, употребляя заимствованные сло-

ва в речи, семейские поясняют их происхождение из бурятского языка. Некоторые заимствованные бурятские слова настолько прочно вошли в состав говоров семейских, что многими семейскими не осознаются как заимствованные.

Произведем выборку заимствованных слов из «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» по теме исследования, проанализируем их на примерах употребления в речи. Трактовка значений слов и иллюстративные примеры к ним взяты нами из словаря без изменений, опущены только грамматические пометы. Каждое слово мы проверили по словарям Л.Е. Элиасова [1980] и К.М. Черемисова [1973], отметили их наличие в них. Для сравнения представляем бурятское слово и даем толкование только такого его значения по словарю К.М. Черемисова [1973] (если в словаре имеется это слово), которое тождественно заимствованному в русском говоре значению. Читателям предоставляется возможность наглядно увидеть трансформацию бурятского слова в заимствующем русском говоре.

Особенный интерес вызывает лексика, отражающая отношение старообрядцев, отделившихся по религиозным убеждениям, не смирившихся с новой трактовкой православной веры, отношение к иной вере и иноверцам, проживавшим на новой территории их расселения. Так, в словаре дается следующее толкование слова **оббн**. *Обряд*. Место на вершинах гор, на перевалах, у рек, отмеченное грудой камней или срубленными деревьями и используемое бурятами для культовых жертвоприношений. То же, что и **омбон**. – *Абон – места такó, агдэ на́да Бóуу памали́цца. Там камне́й ку́чка, бяре́сти усé у лёндачках стая́ть. Настаяишы́я абóны у гара́х, туды́ то́ка на пра́зникам е́здиють, а э́ти нябальшы́, но то́жа “абóны” заву́ть* (Шиб., Бич.). – *На абóни мы машы́ну аста́навливаим, выхо́дим и бры́згаим [водкой]. Э́та ад бу́рят научи́лись. Хош у их свой Бох, а у нас свой, мы пачита́им э́ти мяста́* (О.-К., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 310]; см. также: [Элиасов 1980, с. 405]. Ср. бур. **обоо** 2) *уст.* сопка, где совершался религиозный обряд [Черемисов 1973, с. 348].

В таком же значении употребляется слово **омбон** [амбон]. – *У бу́рят амбóны есь. Па пра́зникам а́не туды́ е́дут, ба́ран коло́ть вяза́ть, во́тку с сабо́й бяру́ть, Бóуу сваёму мо́ляцца. На бяре́сти привя́зывают бе́лы тря́пачти, хо́дють кру́х их* (Бич., Бич.). – *Вот на э́там амбóни мы уся́гда ма́нэtti бра́сам, а мо́жна да́же канфе́тачти, спи́чти. Э́та чтóп да го́раду да́ехать ха́рашо́, што́п у даро́уи нячо́ ня стря́слось* (Нов., Бич.). – *Амбон – на гара́ где-нибу́ть. Бу́ряты хо́дють туда́, мо́люцца. В до́ми не́ту, у нас не́ту* (Калин., Мухор.) [Словарь ... 1999, с. 318].

Приведенные примеры показывают уважительное отношение семейских к чужой вере. Им хорошо знакома семантика рассматриваемого бурятского слова, и они употребляют его в своей речи. Примечательно то, что старообрядцы не только знают о расположении культовых мест, о том, как следует проводить религиозный обряд в этих местах, но и сами почитают их. Они не пассивно наблюдают, а активно усваивают способ общения бурят с природой, с окружающим миром. Поскольку отношение к вере для старообрядцев, наверное, является главным, руководящим принципом их жизни, то такое поведение определяет все другие связи и отношения семейских с бурятами.

О тесных контактах и взаимопонимании людей разной веры свидетельствует прежде всего тот факт, что вступление старообрядцев в брак с бурятами не является чем-то необычным, воспринимается ими как обыденное, привычное явление. Например: *Мужы́к-та у ей чирня́вый како́й-та, брацкава́тый вроди, бу́тта на буря́та пахо́и, што́ ли* (Дес., Тарб.). – *Пе́рва жана́ у иво́ была́, дак он развёлся с ей, на брачо́хи патом жани́лси* (Дес., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 53]. **Братскова́тый** [брацкава́тый]. Внешне похожий на бурята. [Словарь ... 1999, с. 53]. **Братчо́ха** [брачо́ха]. Бурятка [Словарь ... 1999, с. 53].

Постепенно семейские смешиваются и с русскими старожилами, создавая семьи. При этом они продолжают сохранять в своем сознании принадлежность к другой вере. Некоторые семейские даже отдают предпочтение при создании семьи смешению с бурятами, так как их можно обратить в свою веру. Например: *Эта́ дом стро́ил ишо́ мой дет. Агрóмный был, силы́ца – во! Он на сиби́рки жыни́лся. Иво́ бить за э́та хате́ли, да спуга́лись* (В. Жир., Тарб.). – *Буря́ты луччи, чем сиби́рики. Их [бурят] акристítть на-на́шыму хоть мо́жна. Луччи буря́тку, чем сиби́рку [взять замуж]* (Б. Кун., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 427]. **Сибиря́чка** [сибиря́чка]. *Женск. К сиби́ряк*. То же, что и **сиби́рка**. – *А каг жа, симе́йский жани́лся на сиби́рячке, а де́ти ни к той, ни к э́тай ве́ре* (Куйт., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 427].

Для называния детей от смешанных браков семейские употребляют следующие слова: братчо́шка, карым, харанут. **Братчо́шка** [брачо́шка]. *Уменьш.-ласк.* Девочка-бурятка. *Люба́нька у нас симисю́шка, а То́ма – брачо́шка* (Шиб., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 53].

Кары́м [кары́м]. 1. Потомок от смешанного брака русских и бурят. – *Кары́м он. Ну как тибé сказа́ть? Ма́тка у иво́ буря́тка, а ба́тька-та наш, ру́стий* (Хас., Хор.). 2. Тот, кто исповедует иное религиозное направление по сравнению со старообрядческим. – *Кары́м – ни то́лька*

буряты, православный тóжсы карым, усé, у кавó véра другáя (Хас., Хор.) [Словарь ..., 1999, с. 195]; см. также: [Элиасов, 1980, с. 152].

Харанут [харанут]. Потомок от смешанного брака русских и бурят. См. **карым** (в 1-м знач.). – *Данустим, мáтка сибирячка, руская жэ, а бáтька – бурят, вот сын-та и есь харанут* [Словарь ... 1999, с. 497].

Интересно то, что, имея в русском говоре слово **поскрёбыш**, в одном из значений обозначающее младшего ребенка в семье, семейские заимствовали из бурятского языка слово **отхон**, употребляемое в бурятском в таком же значении. – *Братán-та мой Ивáн был атхóнам – млáтшыым сáмым* (Шиб., Бич.). **Отхон** [атхон]. Младший ребенок в семье. То же, что и **отхончик**... [Словарь ... 1999, с. 329]; см. также: [Элиасов 1980, с. 278].

В говоре семейских слово используется также с русским словообразовательным суффиксом –чик: **отхончик** [атхончик]. То же, что и **отхон**. – *А сáвава паслédнива рибéнка назывáли «атхончик»* (Н. Брянь, Заигр.). – *Радитили знáли, што с атхончикам им стáразь дажывáть. И дом радитильский, надéлак – усé яму́ и атхадíла* (Н. Брянь, Заигр.). – *Нас три сы́на у мáтки бýла, а я-та сáмый млáтшыый, атхончик* (Над., Тарб.) [Словарь ..., 1999, с. 329].

Семейские поддерживают дружеские отношения с бурятами, и для именованя друга, товарища из среды бурят они употребляют, как и русские старожилы, заимствованное из бурятского языка слово «тала». **Талá** [талá]. 1. Друг, товарищ (обычно о бурятах). – *Мы з буря́тами дру́жна жы́ли; у на́шыва бáтьки талá был, Бай́рка. Каг жы́ бис талы́-та* (Хас., Хор.). – *Друзéи сваих заву́ «талá»* (Мих., Киж.). 2. Бурят. См. **братский**. – *Ты ни абижáйся, мы рáньшы буря́т звáли «талá». Вот чо́ к чаму?!* (Б. Кун., Тарб.). 3. *Перен. Презр.* О недалеком, глупом, бестолковом человеке. См. **тымен**. – *Он у миня́ талá ничаво́ ни панимáит* (Н. Заг., Мухор.). – *Талá – этá кто ничо́ ни панимáит, галавá у нивó бисталкóвая* (Шарал., Мухор.) [Словарь ... 1999, с. 466]; см. также: [Элиасов 1980, с. 405]. Ср. бур. **тала** П. Друг, приятель [Черемисов, 1973, с. 411].

О тесных контактах семейских с бурятами свидетельствует и тот факт, что некоторые семейские умели говорить по-бурятски, и этому дается положительная оценка самими семейскими. Например: *Ана́ [соседка] каг брачо́ха гавари́ла, ни кáжный этá мóжыт* (У.-Удэ) [Словарь ... 1999, с. 53].

Некоторые блюда из бурятской национальной кухни стали привычной любимой пищей как семейских, так и русских старожил.

Через пищу человек получает значительный объем информации, пища является важной составной частью для ощущения человеком полноты жизни, радости, счастья. Для проживания в холодных климатических условиях Сибири необходимо сытное, калорийное питание. В традиционной бурятской кухне есть блюда, его обеспечивающие. Эти блюда просты в приготовлении. Семейскими и русскими старожилами были освоены способы приготовления традиционных бурятских блюд. Чтобы освоить блюдо и перенести его в свою кухню, необходимо его попробовать и оценить. Значит, как русские, так и буряты угощали друг друга и угощались друг у друга. Следующие блюда стали обычной для семейских пищей, а их названия вошли как заимствования в словарный состав говоров семейских Забайкалья.

Бухулёр [бухлёр/ бухулёр]. Бульон с мясом, сваренным большими кусками. – *Такова бухлёра, как у нас, да Мунгóлиши нягдэ ня свáришиь – у наж жа пáзбища асóбби, падбóр траў рёткасный* (Нов., Бич.). – *Нéкада менé с сунам вазíцца, бухлёр еште* (Шиб., Бич.). – *Мяса-от мы сэдни варíли па-буряцки – бухулёр* (Шон., Красночик.). – *Зако́лим буруна́, бухулёр ва́рим* (Тох., Селенг.).

// Мясной бульон. См. **шуля́**. – *Мóжна бяс карто́штити, прóста мя́са атварíть любóй. Мя́са так идя́ть, а бухлёр да́жы кады́ и кру́шками пью́ть* (Бич., Бич.). – *Сы́нка мой мóжыт да́жы мя́са и карто́шку ня ись, яму́ то́ка бухлёр пыдава́й. Он явó тарéлти две вы́дуити и сы́тый ста́нити* (О.-К., Бич.). – *От кады́ суп свáрица, то ут э́та сама́ вадíчка у супу́ бухулёрым и завéцца* (Бич., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 65].

Шуля́ [шуля́]. Мясной бульон. См. **бухулёр**. – *Шулю́ щас бульёнам назывáют. Там нет ничó, никакóй запра́ути* (Бил., Бич.). – *Шуля́ асóбина фкúсна палучáицца, ёсли сви́жыни́ну ва́риши, да патóм иишó чиримíши кíниши. Навáристый, душы́стый такóй. К сталú можéна шулю́ ф тарéлки или ф стакáнах падава́ть* (Мих., Киж.) [Словарь ... 1999, с. 531]; см. также: [Элиасов 1980, с. 466]. Ср. бур. **шүлэ(н)**. Суп, бульон, мясной отвар [Черемисов 1973, с. 738].

Затура́н [затура́н]. Мука, поджаренная на жире, сале, а также молоко с мукой и маслом, добавляемые иногда в чай. – *Вазьмёш му́чки и жа́риши яё на жыру́. Скúсна палучáицца – затура́н* (О.-К., Бич.). – *Затура́н с му́ки зде́лан. Кто с ча́им пьёт, кто как. Растóпиши жы́ру, му́ки паджа́риши, сы́пиши в жыр – кру́пачки такí дэлаи́цца* (В, Саян., Тарб.). – *Минé насы́п малéнька затура́на ф чай* (Шарал., Мухор.) [Словарь ... 1999, с. 168]; см. также: [Элиасов 1980, с. 131].

Пóзы [пóзы]. Национальное бурятское блюдо: мясной фарш, обернутый особым способом в тонкий слой теста, приготавливается на пару. – *Пóзы мы рáньчи ня дéлали, э́та мы щас тóка научились, няда́уна. Тэ́ста здéлыши, на кружо́чти раздéлиши, ф кáждый кружо́чик мя́са наложы́ши и в вирху́ зашыпнё́ши, а патóм ва́риши их на пару́* (Бич., Бич.). – *Мать ма́я пóзы фку́сна дéлаит, што мо́жна штук дэ́сят зарáс съись* (Шиб., Бич.). – *Из грудíнти пóзы укúсныи, там мя́са ни сухой, ни жы́рный* (Нов., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 359]. Ср. бур. **бууза**. Большие пельмени, сваренные на пару [Черемисов 1973, с. 117].

Салама́т [салама́т]. Кушанье в виде каши из муки на жире. То же, что и салама́тъ; ср. **за́тирка** (во 2-м знач.), **мацекле́йка** (в 1-м знач.), **мучня́нка**. – *Салама́т ис пиани́иный мути́ дэ́лыють. Щáс-ты иво́ ни ва́рють. Муку́ спя́ва зажа́рють у жы́ру, што така́я гу́стая ка́ша па́лүчи́ца. Патóм иё тия́ткóм зава́ривають и ида́ть, ада́ли ка́шу* (Бич., Бич.) [Словарь ..., 1999, с. 413]; см. также: [Элиасов, 1980, с. 365]. *Салама́тъ мы ад бу́рят научились дéлать, тóка дéлаим па-сво́иму. Ани́ у жа́рянную муку́ смята́ну даба́вляють, а мы – вады́, жы́ра, малака́, со́ли, са́хара* (Шиб., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 414].

У́рак [у́рак / у́рык]. Молоко до 12 дней после отела коровы; молозиво. То же, что и **у́рик**; см. **прэ́сное молоко́**, **у́рачное молоко́**; ср. **смола́**. – *Када́ каро́ва тэ́лица, то пэ́рвае-та малако́ посля́ атэ́ла мы называ́им у́ракам* (Куйт., Тарб.). – *Каро́ва тэ́лица, пэ́рвую зодáйку малака́ ска́зывают «у́рак». Он гу́стой, жо́лтый* (О.К., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 487]; см. также: [Элиасов 1980, с. 427]. Ср. бур. **уураг**. 1) Молозиво [Черемисов 1973, с. 481].

Архи́ [архи́]. 1. *Устар.* Молочная водка. – *Па-ра́ниинему архи́ – э́та малóчная во́тка, а счас любя́я во́тка – архи́. Тóка ни вино́, а бéлая во́тка* (Шиб., Бич.). 2. Водка. – *Архи́ нава́лам спил, шибó минé пóччивал* (Дес., Тарб.). – *Он менé талá, друх, знáчить, ско́ка мы с ём архи́ вы́пили. Выруча́им друх дру́шку усягда́* (Шиб., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 26]; см. также: [Элиасов 1980, с. 56]. Ср. бур. **архи**. Арака, молочная водка, тарасун, водка, вино [Черемисов 1973, с. 60].

Семейские стали надевать некоторые виды одежды, которую носили буряты. Названия такой одежды также заимствовались семейскими. Например: **дыгы́л** [дыгы́л]. 1. Длиннополая шуба из овчины, покрытая сукном или какой-нибудь другой тканью. Ср. **башме́т**, **борча́тка**. *Аде́ним дыгы́лы, завирне́мся в их и е́дим в даро́гу на саня́х, или в лес е́хать дыгы́л адшо́т. Варатни́к есь. Мужу́ки з галавы́ да гок адива́ли* (В. Жир., Тарб.). 2. *Перен.* Ирон. Одежда, не подходящая по размеру, бесформенная. – *Дыгы́л-та? Э́та чо́-та дли́нная, далгапо́лае, нипахады́шиэ*

вóпишым. У нас скáжут: «Сыми дьгы́л-та» (В.Жир., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 132]; см. также: [Элиасов 1980, с. 196]. Ср. бур. дэгэл. Шуба, пальто [Черемисов 1973, с. 215].

Семейские не только знают, как встречают буряты наступление Нового года по восточному календарю, но и сами отмечают его как праздник. Для обозначения этого праздника семейские употребляют разные слова: сагалган, сагалы, цагаловка, цагалося. Ср. бур. **сагаалга(н)**, *уст. цагаалган*. Праздник первого весеннего месяца [Черемисов 1973, с. 380].

Сагáлган [сагáлун]. *Обряд*. Бурятский праздник Белого месяца, Новый год по восточному календарю. То же, что и **сагáлы**, **цагáловка**, **цагáлося**. – *На Сагáлган я наряжаюсь, хажу́ ф клупп. Типэрь на рóдину ни съэдиш, далека, нэ за шта éхать* (Уд., Хор.) [Словарь ... 1999, с. 412]. **Сагáлы** [сагáлы / цагáлы]. *Обряд*. То же, что и **сагáлган**. – *Скóра у бурятаф Сагáлы – Нóвый гот. Фсе абязáтильна éздиют з гастинцами к сáмаму стáришаму ф сваёй радавэ. Такóй у их закóн* (Шиб., Бич.). – *Ф Цагáлы буряты мяса кускáми вáрють, малóчными прадóхты на стол стáвюють, вóткай угашишáють* (Дес., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 412]. **Цагáловка** [цагáлафка]. *Обряд*. То же, что и **сагáлган**. – *Буряты на Цагáлафку-та гуляють, ды шио́ нам гаваря́т: «Вы́-та на Мáслинку наидáтитесь, а мы́-та на Цагáлафку»*. *На Цагáлафку абы́чна сильныи марóзы* (В.Жир., Тарб.). – *Фтириди́ шио́ Цагáлафка. Ф Цагáлафку вéтир фсё врэ́мя дóит* (Сиб., Тарб.) [Словарь ... 1999, с. 507]. **Цагáлося** [цагáлася]. *Обряд*. То же, что и **сагáлган**. – *Гуля́ли ва фсе прáзники гуля́ли, и ф Пятрóф день, и на Цагáлася* (Бил., Бич.) [Словарь ... 1999, с. 507].

Наблюдения показывают, что заимствованные бурятские слова в говоре семейских подвергаются различным изменениям: фонетическим, семантическим, грамматическим. Например: бур. **обоо** – рус. **обон**, **омбон**; бур. **шүлэн** – рус. **шуля́**; бур. **бууза** – рус. **пóзы**; бур. **уураг** – рус. **у́рак**; бур. дэгэл – рус. **дыгы́л**. Меняется также акцентная характеристика слова. На месте долгого бурятского гласного в русском языке появляется силовое ударение. Многозначное слово заимствуется в одном из своих значений. Например: **обоо** в бурятском языке имеет значения: 1) куча, груда, насыпь, курган; 2) *уст.* сопка, где совершался религиозный обряд [Черемисов 1973, с. 348]. В русском говоре слово функционирует только во втором значении. Слово **тала** в бурятском языке образует омонимичные отношения **тала I** 1) поле, степь, равнина, открытое пространство; **тала II** друг, приятель [Черемисов 1973, с. 411]. В русском говоре заимствовано только второе слово.

При заимствовании в русском языке существительные приобретают категорию рода, которая отсутствует в бурятском языке; изменя-

ются по падежам по нормам русских существительных. От некоторых слов, освоенных русским говором, образуются новые слова по словообразовательным моделям русского языка. Например: от бур. отхон – отхончик, бур. архи – архидачить. Поскольку многие из заимствованных бурятских слов имеются как в русских старожильческих, так и в старообрядческих говорах, трудно определенно сказать, вошли ли эти слова в говор семейских напрямую из бурятского языка или через посредство русских говоров старожилов.

Лингвокультурное пространство Бурятии образуют носители разных языков. Говор старообрядцев (семейских) входит как составная часть в общую языковую картину мира Байкальского региона. «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» рисует картину мира, существующую в языковом сознании носителей одного из уникальных русских говоров. Словарные статьи представляют перед читателем древнейшие пласты русской лексики, а также результаты ее трансформации в процессе более чем трехсотлетнего междиалектного контактирования старообрядцев как с русскими старожильческими, так и бурятскими говорами на новой территории. Иллюстративный материал отражает быт, занятия семейских, развитие их взаимоотношений с русскими старожилами и коренным населением – бурятами, – проникновение в мир природы. Освоение новых земель потребовало от переселенцев приложить все свои знания и умения для адаптации в новых для них географических, климатических условиях. Обобщая информацию, заключенную в словарных статьях, читатель может представить мироощущение, восприятие окружающей старообрядцев действительности в новых жизненных условиях, отношение к культуре и обычаям коренного населения Забайкалья. Произведенный нами анализ языкового материала, представленного в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», позволяет заключить, что совместное проживание на одной территории людей, принадлежащих к разным этносам, проявляется во взаимовлиянии языков и культур при сохранении ими индивидуальных особенностей и уважительном отношении к иной культуре.

Литература

- Бухаева О.Д. О лексическом взаимодействии русского и бурятского языков (на материале диалектной лексики) // Русские народные говоры Забайкалья. – Улан-Удэ, 1995.
 Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. – Улан-Удэ, 1985.
 Заимствования в лексической системе русских говоров южной части Бурятии // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. – Улан-Удэ, 1985.

Лексические контакты семейских говоров с бурятским языком и старожильческими русскими говорами (на материале названий диких животных) // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988.

Матвеева К.Н. Адаптация заимствованных из бурятского языка слов в русских говорах Западного Забайкалья // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. – Красноярск, 1984.

Санжина Д.Д., Эрдынеева Э.Д. Об изучении взаимовлияния русской и бурятской речи на диалектном уровне // Слово в русской народной речи. – Улан-Удэ, 1991.

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск, 1999.

Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говора «семейских» Забайкалья: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974.

Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. – М., 1973.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. – Новосибирск, 1986.

Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск, 1992.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»

Г.А. Михайличенко

Ключевые слова: Тургенев, «Накануне», мифопоэтика, инициация.
Keywords: Turgenev, «The Day before», mythopoeitics, initiation.

Роман «Накануне» – первый в ряду романов И.С. Тургенева с метафорическим названием – сразу привлек к себе внимание критики как произведение, требующее определенной «расшифровки», как роман-аллегория. Первый критик романа Н.А. Добролюбов увидел в системе персонажей «аллегорический параллель» [Добролюбов 1984, с. 205] с исторической ситуацией, которая сложилась в русском обществе. В статье «Когда же придет настоящий день?» по цензурным соображениям Добролюбов только приоткрывает содержание увиденной им аллегии в характеристике главной героини романа, когда пишет о Елене Стаховой: «В ней сказалась та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватила теперь все русское общество...» [Добролюбов 1984, с. 205]. Современный исследователь, опираясь на «подсказку» критика, развивает эту мысль: «Социально-бытовой сюжет романа осложняет символический подтекст: Елена Стахова олицетворяет молодую Россию накануне предстоящих перемен. Кто нужнее ей сейчас: люди науки или искусства, государственные чиновники или героические натуры, готовые на гражданский подвиг» [Лебедев 1999, с. 391].

Как отмечено в литературоведении, сюжеты произведений Тургенева «разыгрываются в трех планах»: «во-первых, это современно-бытовой, во-вторых, архетипический и, в-третьих, космический» [Лотман 1997, с. 728]. В контексте современных исследований творчества Тургенева [Топоров 1998; Лебедев 1999; Недзвецкий 1999; Лазарева 2005 и др.] есть основание говорить о наличии в произведениях Тургенева не только *символического подтекста*, связанного с их социальной направленностью, но и *мифопоэтического подтекста*, исследование которого вскрывает архетипические основы поэтики Тургенева.

В первую очередь это относится к характеру главной героини романа. Елена Стахова предстает перед читателем как натура незаурядная, необычная, ее самоотречение и желание помочь всему живому вокруг особенно подчеркивается автором: «...она с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала о них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением» [VI: 183]¹. Детская фантазия Елены – уйти странствовать с посохом и сумой в «венке из васильков», виденном ею на голове нищей девочки Каги, которая мечтала убежать от тетки, чтобы странствовать и жить «на всей божьей воле» [VI: 183]. Представляется, что упоминание в связи с характеристикой героини именно этого цветка не случайно². Научное название василька – *Centaurea Cyanus*. В книге Н.Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях» дается следующее объяснение этого названия: «Первая половина его производится от греческого мифологического существа – центавра <...>. Один из этих центавров, по имени Хирон, отличавшийся умением лечить целебными травами, нашел, что сок василька <...> обладает драгоценным свойством заживлять раны...» [Золотницкий 1994, с. 224]. «Венок из васильков», в представлении героини, очевидно, является воплощением своего рода «подвижнического венца», знаком будущего предназначения – служить людям, облегчая их страдания. Этот мотив усиливается в романе символикой еще одного цветка, ассоциативно связанного с образом героини, – резеды, запах которой остается в комнате Дмитрия Инсарова после неожиданного посещения ее Еленой и по которому он узнает о ее приходе во время болезни, прошептав в полубреду: «Резеда» [VI: 261]. Этимология названия цветка *резеда* – «от лат. *Reseda*, которое было осмыслено как связанное с *gesedare* – “исцелять”» [Преображенский 1958, с. 557].

В романе присутствует не прокомментированный в литературоведении мифопоэтический пласт повествования, выводящий к обрядовому архетипу. Сцена в заброшенной часоулке соединяет в себе элементы обрядов инициации и венчания, знаменуя собой вступление героев

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. – М, 1981. В тексте статьи в квадратных скобках римской цифрой обозначается номер тома, арабской после двоеточия – номер страницы.

² Цветочная символика неоднократно используется писателем как элемент мифопоэтического подтекста и в других романах. Например, в «Отцах и детях» роза – атрибут думы Марии – появляется в руках Фенечки, олицетворяющей в романе идею материнства, вводя в роман евангельский подтекст. О мифопоэтическом подтексте, возникающем в романе «Дым» в связи с запахом цветка гелиотропа, см.: [Козубовская, Фадеева 2004, с. 159].

в новую жизнь. «*Ветхая заброшенная часовенка над развалившимся колодецем*» [VI: 233] соединяет в себе приметы по крайней мере двух архетипически значимых локусов: избушка в лесу как пространства инициации³ и храма, в котором происходит обряд венчания, также восходящий к древнейшему обряду инициации.

Часовня над колодецем образует вертикальную ось, соединяющую небо с недрами земли, *верх* и *низ*, что придает ей сакральное значение. В древности «часовни устраивались над входом в подземные кладбища или над подземными церквями...» [VI: 236]. Благодаря тому, что в ритуале возможно одновременное совпадение точек соприкосновения сакрального пространства и времени, он обладает уникальным свойством: «любое освещенное пространство совпадает с центром мира, точно так же, как и время какого бы то ни было ритуала совпадает с мифическим временем Начала. Соответственно, все, что основывается – будь то храм, дом, город, – основывается в сакральном времени, в сакральном пространстве, отображая некую сакральную модель, являясь при этом и воплощением Центра Мира» [Элиаде 1995, с. 111].

Встреченная Еленой в часовенке нищая старушка выполняет часть ритуала преображения, через который проходит героиня; взяв ее платок, старушка «*унесла ее горе*», как бы проведя границу между ее прошлым и будущим.

Процесс инициации проходит и Дмитрий Инсаров, на что указывает описание переживаемого героем «*мгновенного преображения всего человека*» [VI: 236]: «*А он стоял неподвижно, он окружал своими крепкими объятьями эту молодую, отдающую ему жизнь, он ощущал на груди ее новое, бесконечно дорогое бремя; чувство умиления, чувство благодарности неизъяснимой разбило в прах его твердую душу...*» [VI: 236]. Подобно тому, как «мальчик во время обряда инициации умирал и затем вновь воскресал новым человеком» [Пропп 1998, с. 50], Инсаров ощущает в себе силы нести «*новое, бесконечно дорогое бремя*», казавшееся до этого ему непосильным и пугавшее его, – любовь Елены. Следующий затем диалог, состоящий из вопросов Инсарова и ответов Елены, завершает процедуру отречения героини от прошлой жизни; теперь она готова посвятить себя, как и ее возлюбленный, «*делу трудному и неблагоприятному*», «*подвергаться не одним опасностям, но и лишениям, унижению, быть может*», «*отстать*» от прежних привычек, живя «*одна, между чужими*». Завершается сцена как финал ритуала

³ «В волшебной сказке лес, избушка на курьих ножках – пограничные пространства между жизнью и смертью – реликты пространства обряда инициации», – пишет В.П. Руднев [Руднев, 1999, с. 242].

венчания: «Так здравствуй же, – сказал он ей, – моя жена перед людьми и перед богом» [VI: 237].

В следующей за сценой в часовне глава Елена изображается уже как не принадлежащая окружающему ее миру: «...все, что окружало ее, показалось ей как бы сном – все: и самовар на столе, и коротенький жилет Увара Ивановича, и гладкие ногти Зои, и масляный портрет великого князя Константина Павловича на стене: все уходило, все покрывалось дымкой, всё переставало существовать» [VI: 239]. Глубокий смысл содержит замечание автора о том, что Елена «покончила» свой дневник, проведя под последней строкой «большую черту». Эта черта отделила прошлое Елены от ее будущей жизни: «То было прошедшее, а она всеми помыслами своими, всем существом ушла в будущее» [VI: 243]. Елена переступила черту, за которой ее ждала неизвестность и смерть, она чувствовала это с самого начала, когда говорила с Дмитрием о будущем: «...как нам весело будет ехать вдвоем! <...> разве умирать вдвоем тоже не весело?» [VI: 253].

Болезнь Инсарова, длившаяся девять дней⁴, разделяет прошлое и будущее героя. Во время забытья ему чудится дерево: «Инсарову надо лезть по крутым сучьям. Он цепляется, падает грудью на острый камень» [VI: 256]. Сон Инсарова содержит набор архетипических образов, поддающихся толкованию. «Ствол означает идею алкания, стремления, подъема, прорыва» [Андреев 2000, с. 45]. Инсаров забирается во сне по стволу дерева, то есть идет к своей цели, но падает, то есть «сбивается с дороги». Падает он на камень. Камень – «...четвертая карта Таро <...>, означающая дверь, власть, инициацию» [Андреев 2000, с. 145]. Елена сравнивает пережитую Инсаровым болезнь с грозой, сближая два эпизода, ознаменовавшие переход к новой жизни: «Гроза налетела, как в тот день, когда мы встретились в часовне, налетела и прошла. Теперь мы будем живы!» [VI: 265].

Однако переход в новое состояние оборачивается для героев небытием. Мотив смерти, как «темный призрак» [VI: 291], сопровождает все дальнейшее повествование, усиливаясь к финалу. Накануне отъезда Елены в Болгарию «мать причитала над ней, как над мертвою» [VI: 280]. Во время сцены прощания Елены с матерью в тексте появляется мотив «мертвого жениха», введенный посредством внутреннего монолога убитой горем Анны Васильевны: «Боже мой, болгар, умирающий, голос как из бочки, глаза как лукошко, скелет скелетом, сюртук на нем с чужого плеча, желт как пупавка – и она его жена, она его любит...

⁴ Цифра «9» в христианской мифологии имеет особое значение в жизни человека – это число рождения и смерти.

да это сон какой-то...» [VI: 281]. А сам отъезд из Москвы на санях, которые «исчезают», едва выехав из ворот, изображается как нечто фантастическое: «Ямицки взмахнул кнутом, засвистал; повозка заскрипела полозьями, повернула из ворот – и исчезла» [VI: 283]. Кроме того, сани в христианской мифологии имеют в некоторых случаях символический смысл. Перевозка тела умершего к месту захоронения на санях – часть древнерусского погребального ритуала.

Елена постоянно видит приметы будущей беды, среди которых особенно выразительная – привлекающая ее внимание чайка: «В это мгновение она увидела высоко над водой белую чайку... “Вот если она полетит сюда, – подумала Елена, – это будет хороший знак...” Чайка закружилась на месте, сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за темный корабль» [VI: 291]. «Елена вздрогнула», увидев в этом дурное предзнаменование. Символика нарисованной автором картины достаточно прозрачна. Птица в мифологии является символом души. «Падающая птица в алхимии означает процесс кристаллизации, невозможности дальнейших превращений» [Андреев 2000, с. 163]. Таким образом, падающая чайка – это не только «плохой знак», но и символ обреченности, гибели души, невозможности что-либо изменить.

Тургенев неоднократно прибегает в романе к своему излюбленному приему – изображению сновидений героев. В ночь перед смертью Инсарова Елене снится сон: «Ей показалось, что она плывет в лодке по Царицынскому пруду с какими-то незнакомыми людьми <...> Она глядит, а пруд ширится, берега пропадают – уж это не пруд, а беспокойное море <...> что-то гремящее, грозное поднимается со дна <...> какой-то белый вихорь налетает на волны... всё закружилось, смешалось ... Елена осматривается: по-прежнему все бело вокруг, но это снег, снег <...> бесконечный снег. И она уж не в лодке, она едет, как из Москвы, в повозке <...>. Она смотрит вдаль по дороге: город виднеется вдали сквозь снежную пыль <...> Это Соловецкий монастырь; там много, много маленьких тесных келий <...> там Дмитрий заперт <...>. Вдруг седая, зияющая пропасть разверзается перед нею. Повозка падает <...> Елена! Елена! – слышится голос из бездны» [VI: 295]. Все в этом сне символизирует смерть: и «что-то гремящее, грозное», поднимающееся со дна моря, что всегда у Тургенева ассоциируется со смертью; и зима, когда все живое замерзает, засыпает, и поездка в санях, «как из Москвы», и узкие душевные кельи, в одной из которых заперт Дмитрий, и, наконец, *пропасть*, в которую падает повозка.

В работе В.Н. Топорова «Странный Тургенев» отмечено большое значение, которое придавал писатель воде. Вода может опредмечиваться в образах моря, озера, реки и т. д. Особенно большую смысловую нагрузку несет мифологема моря. «Учитывая значимость этого “морского” начала и морской образности в произведениях писателя, то, что тема смерти часто становится у него местом встречи “сознательного” с “подсознательным”, “индивидуально-личного” с “коллективно-типовым”, “объективного” с “субъективным”, наконец, принимая во внимание прагматический же – психотерапевтический аспект этих обращений к теме, образам и самой идее моря и “морского”, – можно с основанием говорить о присутствии в произведениях Тургенева специфического “морского” комплекса, отражающего некоторые особенности психофизиологической структуры самого творца этих произведений», – считает исследователь [Топоров 1998, с. 78].

Во многих произведениях Тургенева водное пространство играет роковую роль в жизни героев или выражает идею бездны, смерти. Большую нагрузку в романе «Накануне» несет изображение Царицынского пруда, о чем свидетельствует удвоение этого образа. Он как бы закольцовывает отношения главных героев. У этого пруда зарождается любовь Инсарова и Елены на фоне величественной картины: *«Казалось, застывшая масса стекла тяжело и светло улеглась в огромной купели, и небо ушло к ней на дно, и кудрявые деревья неподвижно гляделись в ее прозрачное лоно»* [VI: 217]. В начале романа Елены и Инсарова в описании пруда присутствует мотив умиротворения, очевидно, ассоциирующийся с покоем в душе юной девушки, не искушенной любовью. Образы *«огромной купели»* и *«прозрачного лона»* имплицитно связаны с темой рождения (в данном случае – рождения чувства любви). В изображении пруда в последнем сне Елены нагнетается ощущение тревоги, смятения, ужаса (*«уж это не пруд, а беспокойное море»*), предвещающее трагический исход любви.

Ожидание Еленой и Инсаровым в Венеции Рендича, который должен перевести их через море, и появление его в момент смерти Инсарова отсылает к древнегреческому мифу об Аиде и его подземном царстве, где перевозчик Харон переправляет души умерших. Так долго ожидаемый Рендич появляется в момент смерти Инсарова, ни минутой раньше или позже, он перевозит уже мертвого друга и Елену, для которой жизнь уже не имеет значения: *«Я приведена на край бездны и должна упасть»*, – пишет Елена матери [VI: 298].

Таким образом, «выбор» Елены изображается автором как изначально трагический. Представленный анализ мифопоэтического подтекста как важнейшего компонента картины мира в романе вскрывает авторские интенции как в оценке характеров персонажей, так и в общей направленности произведения.

Литература

- Андреев В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2000.
Добролюбов Н.А. Литературная критика: В 2 т. – Л., 1984. – Т. 2.
Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев, 1994.
Козубовская Г.П., Фадеева Е.Н. Мифологема запаха в романе И.С. Тургенева «Дым» // Культура и текст: миф и мифопоэтика. – СПб.; Самара; Барнаул, 2004.
Лазарева К.В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева: дисс. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2005.
Лебедев Ю.В. Тургенев. – М., 1990.
Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского роман XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб., 1997.
Недзвецкий В.А. Любовь – крест – долг (повесть Тургенева «Ася») // Недзвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. – М., 1999.
Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1958.
Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни волшебной сказки – М., 1998.
Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М., 1999.
Топоров В.Н. Странный Тургенев. – М., 1998.
Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 1995.

К ПОЭТИКЕ СЮЖЕТА ИСПЫТАНИЯ: ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ (на материале произведений русских и советских писателей первой половины XX века)

Н.Г. Ипатова

Ключевые слова: враждебные человеку силы, испытание, слепота, глухота, немота.

Keywords: hostile powers, testing, blindness, deafness.

В русской и советской прозе середины 1910-х – начала 40-х годов повторяется один любопытный сюжет. В виде инварианта его можно представить так: «действие враждебных человеку сил» → потеря чувства / симуляция → повторение ситуации → обретение / потеря способности видеть / слышать / говорить. Материалом послужили рассказы

А. Грина «Ужасное зрение» (1915), И. Бабеля «Иваны» (из «Конармии», 1926), М. Зощенко «Медицинский случай» (1928) и А. Платонова «В прекрасном и яростном мире» (1941). Анализ ситуации от довольно простого ее воплощения ко все более сложному в данном случае совпадает с рассмотрением произведений в их хронологической последовательности, что свидетельствует о динамике, развитии темы.

Итак, наиболее «простым» представляется нам вариант, явленный в «Ужасном зрении» А. Грина. Акинф, герой рассказа, страдает нервной слепотой, постигшей его в результате удара молнии. Он *«смертельно тосковал о потерянном зрении»* [Грин 1993, с. 510]. Но вот однажды – действие происходит, очевидно, во время Первой мировой войны – он шагает на воображаемое начало мостика, на самом деле разрушенного снарядом, и падает вниз. Испытав таким образом второе сильное потрясение, Акинф снова обретает зрение (*«таким путем часто проходит нервная слепота»* [Грин 1993, с. 511]). Однако первоначальная радость быстро сменяется разочарованием от вида спаленной дотла родной деревни. Заключительная фраза (*«И тогда Акинф почувствовал, что снова ему застилает зрение, но на этот раз – слезами»* [Грин 1993, с. 511]) – вкупе с самим названием смещает привычную оценку слепоты как недостатка (превращая ее в образ счастливого неведения) и зрения как признака полноценности человека (в неполноценном, разрушенном мире это качество оказывается излишним, приносящим страдание).

Важно отметить, что «враждебные силы» здесь – силы природы (молния, овраг); человеческие поступки проявляются лишь косвенно (разрушенный мост). Вообще, кроме самого Акинфа на протяжении всего повествования нет «ни души человеческой, ни собаки» [Грин 1993, с. 511], и это дает основания утверждать, что дарование человеку различных способностей и отнятие их у него происходит если не по велению небес, то в результате действия стихии.

Напротив, развитие событий в новелле «Иваны» И. Бабеля уже полностью подчиняется логике человеческих отношений. С одной стороны – Иван Акинфиев, все готовый отдать за «власть советскую», с другой – Иван Аггеев, дьячок, симулирующий глухоту, дабы не участвовать в военных действиях, в результате чего попадающий в клейменную роту. Изначальным стимулом, провоцирующим притворство, отказ от слуха, выступает сама война, втягивающая в себя каждого, независимо от его желания. Здесь актуализируется ситуация испытания: Акинфиев все время палит из револьвера над ухом дьякона, якобы проверяя, действительно ли тот глух, но поскольку он уверен в обратном (*«– А ведь*

он слышит, глухарь-то наш» [Бабель 1990, с. 82]), то постепенно и осознанно доводит вверенного ему пассажира до настоящей глухоты («Ну, если мог ты еще прыгать, покале меня не встрянул, так теперь я надругаюсь над тобой, Вань, как пить дам надругаюсь...» [Бабель 1990, с. 86]). Испытание имеет двойственное значение: это, несомненно, и наказание за симуляцию («– Подходяще ли оно нам – законопачивать уши в смертельный этот час?» [Бабель 1990, с. 82]), и своеобразное лечение – недаром рядом даны два действия: «Акинфиев завернул тогда рубаху. Дьякон встал на колени и сделал спринцевание <...> Акинфиев подтянул штаны; улучив минутку, он зашел дьякону за спину и снова выстрелил у него над самым ухом» [Бабель 1990, с. 84]. Происходит это под знаком непонятно к кому в данном случае относящейся фразы: «– Ваня, – сказал он Аггееву, – айда беса выгонять».

Кучер ревтрибунальских телег добивается своей цели:

«– Вы глухи, Аггеев, или нет?

– Так точно, глух, – сказал он поспешно. – Третьего дня я имел слух в совершенстве, но товарищ Акинфиев стрельбою покалечил мой слух» [Бабель 1990, с. 86].

Особое значение в этой связи приобретает фигура исполнителя «эксперимента». Если раньше потеря и обретение одного из чувств, как уже говорилось, были, скорее, во власти верховного Судии или по крайней мере природных сил, то теперь в ответ на реплику дьякона: «– Меня высший суд судить будет... ты надо мною, Иван, не поставлен» – следует бойкое возражение: «Таперя кажный кажного судит» [Бабель 1990, с. 84].

Та же «передача полномочий» налицо и в рассказе М. Зоценко «Медицинский случай», где роль вершителя судеб осуществляют не благородные врачи, утратившие «мессианскую» способность («...все медики отказались лечить эту девочку <...> Дескать, медицина в этом теряется» [Зоценко 1991, с. 113]), а «лекарь-самородок», «простой человек, без среднего образования, может, в душе сукин сын и жулик» [Зоценко 1991, с. 113]. «Сила и учение» знахаря достаточно просты и схожи с жесткой логикой самого времени: «А только, говорит, надо на все находить свою причину и ее выбивать поленом» [Зоценко 1991, с. 114]. Объект его лечения – девочка, потерявшая в результате испуга дар речи. Соответственно, способ лечения – повторный испуг: «...я тихонько выбегу из-за дверей и ахну ее полотенцем <...>. Может, она шибко испугается, и, я так мерекую, может, она снова у вас разговорится» [Зоценко 1991, с. 114]. Способ оказывается столь действенным,

что общество обретает *«заместо тяжелого недомогания здоровую личность»* [Зоценко 1991, с. 113], при этом повреждение рассудка становится второстепенным, малозначащим обстоятельством:

«– Скажите, а она не станет после этого факта дурочкой?»

Лекарь говорит:

– Этого я не могу вам сказать. Мое, говорит, дело сообщить ей дар речи. И это есть налицо <...>

А девчонка действительно заговорила. Действительно, верно, она немного в уме свихнулась, немножко она такая стала придурковатая, но говорит, как пишет» [Зоценко 1991, с. 114].

Пожалуй, смысл эксперимента здесь не столько в так называемом лечении, сколько в самом эксперименте (советскому времени вообще свойственно пристрастие к разного рода опытам – от грандиозных до нелепых; в том числе к опытам над человеческой психикой). Исцелитель сам признает это: *«И говорит, меня не так интересует ваша трешка, а мне, говорит, забавней видеть подобные результаты»* [Зоценко 1991, с. 114].

В целом же такое врачевание оценивается как «святое», за которое рассказчик «горой заступает»; впрочем, особая манера повествования М. Зоценко заставляет с недоверием и подозрением относиться к оптимизму рассказчика.

Рассказ А. Платонова «В прекрасном и яростном мире (Машинист Мальцев)» (1941) выводит исходную ситуацию на уровень некоторых обобщений. Здесь кроме того имеем дело с усложненным вариантом (ослепление → внутреннее видение → прозрение → испытание → ослепление → внутреннее видение → прозрение).

Сама фигура машиниста имеет знаковый характер: устойчивые ассоциации вождей с теми, кто стоит у руля, правит «локомотивом истории», не могут не придавать символического значения и «лучшему паровозному машинисту» Мальцеву, которому доверяют новые машины, тяжелые рейсы и жизни сотен людей: *«Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста»* [Платонов 1987, с. 207]. Ослепление происходит из-за разряда молнии – также, как и в рассказе А. Грина – но здесь уже факт этот осмысливается, возводится помощником машиниста в ранг явлений рокового характера, понимается как враждебно направленное действие стихии: *«...я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил – в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня*

<...> происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей» [Платонов 1987, с. 215]. Едва избежав столкновения пассажирского поезда с товарным, сам Мальцев попадает под машину власти, чьи механизмы действуют «случайно», но с «тайным расчетом» – ситуация плавно перетекает из несчастного случая по «вине» природы в уголовное расследование, доказывающее виновность человека. Одновременная правота и следователя, и машиниста («– Он прав, – сказал я. – Прав, я сам знаю, – согласился машинист. – И я тоже прав, а не виноват» [Платонов 1987, с. 213]) становится возможной при принципиально разном толковании такого конфликтного понятия времени, как «мир в воображении». Достаточно вспомнить программные рассказы Ю. Олеши «Любовь» и «Вишневая косточка», утверждающие «наперекор порядку и обществу» некий третий мир, помимо старого и нового, – страну внимания и воображения; отдельные голоса в защиту внутреннего зрения художника и индивидуального видения мира – наперекор доминировавшей установке на так называемую объективность и верность действительности, чтобы понять, что следователь никогда не примет во внимание разъяснения «вобравшего весь внешний мир в свои внутренние переживания» [Платонов 1987, с. 207] Мальцева о том, что «...после того, как он ослеп, он еще долго видел мир в своем воображении и верил в его действительность» [Платонов 1987, с. 213]. Напротив, последний окажется под подозрением (время «заговоров» и разоблачений): «Был ли он слепым <...> когда на огромной скорости вел курьерский поезд в хвост товарному поезду?» [Платонов 1987, с. 212]. Вполне понятно, что следователя «больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека» [Платонов 1987, с. 212], однако он решается на предложенный помощником машиниста рискованный эксперимент, основанный на повторном воздействии на психику или зрительные органы Мальцева внезапных электрических снарядов (прохождение под установкой Тесла), чтобы иметь возможность пересмотреть дело. Мальцев, действительно, снова перестает видеть свет, и этот результат воспринимается весьма неоднозначно: следователь сожалеет о том, что позволил себе рисковать человеком, а рассказчик, возражая ему, задает ключевой для всего текста вопрос: «Что лучше – свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный?» [Платонов 1987, с. 215].

Вопрос этот – с подстановкой соответствующих переменных – важен для всех четырех текстов: «Что лучше – слепота неведения или

“ужасное зрение”, дающее знание?» («Ужасное зрение»); «Что лучше – слышать и быть за это ответственным (занимать особую позицию, воевать), изображать “глухаря” (держат нейтралитет) или на самом деле потерять слух?» («Иваны»); «Что лучше – все понимать и хранить безмолвие или быть болтливым глупцом?» («Медицинский случай»).

Характеризуя рассказ А. Платонова как своеобразный итог, обобщение, мы вправе попытаться найти там решение обозначенной задачи. Однако действие замыкается в круг, пройденный уже два раза (слепота – внутреннее зрение – прозрение – слепота...), и не выводит, таким образом, к ответу: воображение как внутреннее зрение, которое однажды подводит совершенного мастера, после повторного ослепления ему же и помогает: когда его берут на паровоз, он, стремясь *«превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь»* [Платонов 1987, с. 216], начинает ощущать машину и дорогу и в конце концов видит весь свет (прозревает). Но финальные фразы заставляют насторожиться, не в преддверии ли новой катастрофы находится герой: *«После работы я пошел вместе с Мальцевым к нему на квартиру, и мы вместе с ним просидели весь вечер и всю ночь. Я боялся оставить его одного, как родного сына, без защиты против действия внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира»* [Платонов 1987, с. 217].

Заметим, что ситуация, вокруг которой строится сюжет, изначально воспринимается «со знаком минус» (слепота; слух как недостаток, препятствие; потеря дара речи), но результаты «эксперимента» заставляют оценить то, что было, как лучшее и более приемлемое – для самой «жертвы», а для государства и согласного с ним общества как справедливое и целесообразное (право Ивана Акиньшина, знахаря, следователя). Что же касается авторов, то и Бабель, и Зощенко, и Платонов уступают свое место рассказчику, демонстрируя таким образом неоднозначность и сложность собственной позиции.

Литература

- Бабель И. Конармия. Рассказы, дневники, публицистика. – М., 1990.
Грин А. Вокруг Центральных озер. – Екатеринбург, 1993.
Зощенко М. Собачий нюх. – Рига, 1991.
Платонов А. Повести и рассказы. – Элиста, 1987.

ОБРАЗЫ ДОМА И ГОСТИНИЦЫ В ПОВЕСТИ И. ГРЕКОВОЙ «ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ»

Н.А. Пителина

Ключевые слова: дом, гостиница, пространство, модель сознания, И. Грекова, советская литература.

Keywords: home, hotel, space, model of consciousness, I. Grekova, soviet literature.

Феномен Дома занимает одну из главенствующих позиций в русской литературе. Семантическое поле «дом» формируется не только семейно-родственными отношениями, но и особенностями социального, исторического, духовного пространств жизни. Наиболее полное определение этого феномена дано В.С. Непомнящим: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья <...> постоянство и ритм упорядоченной жизни <...> Дом, “родное пепелище” – основа “самостоянья”, человечности человека <...> осмысленности существования...Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное <...>» [Непомнящий 2001, с. 126]. В 1960–1970–е годы наблюдается всплеск внимания к темам дома, семьи, детства. Писателями осмысляются перипетии жизни обыкновенных людей, их нравственные искания и компромиссы с повседневностью.

Образ дома в повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы» существует в контексте исторической и культурной реальности 1920–70-х годов. Являясь смысловым центром, он объединяет систему персонажей и мотивов, композицию, выразительно-изобразительные средства произведения. По отношению к этому образу выясняются ценностные позиции автора и героев.

В начале повести актуализируется образ дома-жилища. Повествование начинается с описания интерьера хатки, в которой прошло детство героини, Веры Бутовой. Жилище изображено очень подробно, с нежностью и умилением: «<...> В хатке прохладно, ветерок гуляет от окна к окну, колышет тюлевые гардинки <...> В углу икона – Николай Угодник. Святой строг, борода, тонконос, еле виден в коричневом сумраке старой доски; от возраста она изогнулась корытцем. Перед иконой – лампадка рубинового стекла; под ней, на широкой ленте, лиловое бархатное пасхальное яйцо; золотые позументы на нем, если пальцем потрогать, шершавы <...>» Затем границы дома расширяются, и

описание перемещается за пределы непосредственного жилища в их огород и далее в город.

Бытовые детали, такие как «тюлевые гардинки», служат прозрачной границей, отделяющей «внутреннее» пространство от «внешнего», «родное» от «враждебного». В то же время они намекают на иллюзорность и ненадежность такой границы. Наличие религиозных атрибутов указывает на «освященность» и духовность дома. Подробное описание дома фокусирует внимание читателя на относительно устойчивом укладе жизни этой семьи. Местоположение дома у самого моря, на высоком крутом берегу вызывает ассоциацию с библейским Ноевым ковчегом, символом спасения, Божьего покровительства. Но духовная сущность дома находится в опасности, так как он расположен по соседству с оврагом, угрожающим основанию бутовского участка (жители окраины не случайно произносят «овраг» как «враг»). Назначение дома-ковчег – выйти преображенным из какого-то всемирного потопа. Этим «потопом» станет в повести Великая Отечественная война.

В метафору дома «врастает» образ Хозяйки. Эту функцию выполняет мать Верочки Анна Савишна, *«попа Саввы дочь»*. Она – хранительница домашнего очага, патриархальных традиций – созидает и оберегает духовное пространство дома. Наличие семьи у Веры позволяет выявить еще одну грань образа – «дом-гнездо». Мы видим «укорененность» главной героини в семье и доме. Значима даже семейная фамилия – Бутовы, в основе которой лежит «корень *бут*, указывающий на основательность, непоколебимость, не зря же слово *бут* означает часть каменного здания, которая находится под землей» [Грушко, Медведев 2000, с. 79], то есть фундамента. В экспозиции заявлены различные грани образа: дом-жилище, духовный дом, дом-гнездо, дом-ковчег.

Кардинально меняет жизнь героини замужество. Ее жизнь подчиняется логике жизни мужа-военнослужащего. Вера, натура которой тяготеет к оседлости и уюту, оказывается выброшенной судьбой за пределы привычного ей пространства. Жизнь замужем проходит в бараках, чужих хагах, общежитиях. Она становится наглядным примером *«нового жизнеустройства»*, воплощением которого, по мнению Л.Д. Троицкого, должен стать *«...не замок, не особняк, а народный дом, массовая гостиница...»* (разрядка моя. – Н.П.) [Троицкий 1991, с. 109–110].

Гостиница выступает как новая пространственная доминанта, природа которой раскрывает сущность новой действительности. Определение Троицкого подразумевает гостиницу всего лишь как новую грань дома. Но для Веры гостиница становится маркером бездомья. Две мо-

дели сознания, «домашняя» и «гостиничная», формируют разные ценностные позиции героев по отношению к дому.

«Гостиничная» модель сознания присуща мужу Веры Александру Ивановичу Ларичеву. Это человек, который *«жил всегда в разъездах»*, *«мещанских обычаев* (свадьбу не праздновали. – Н.П.) *не признавал, от всего сердца был человек новый»*, то есть идеально соответствовал эпохе 30–х годов. «Человек новый» должен быть безродным, «с нулевой генеалогической информацией», обезличенным и легко управляемым. Именно таким был Ларичев. О его детстве, родителях ничего не говорится. Обезличенность персонажа, по мнению Е. Проскуриной, связана с «онтологической бездомностью» [Проскурина 1996, с. 135]. В то же время мировоззрение Ларичева меняется, и новая действительность образует в его характере «причудливые» комбинации старых и новых взглядов. Герой принял новую действительность безоговорочно, как человек, долг которого – служить: командовать и подчиняться. Вера, оказавшись вовлеченной в орбиту его жизни, обречена на скитальчество и бездомность (впрочем, в широком смысле слова на экзистенциальную бездомность была обречена вся страна).

У Александра Ивановича своеобразное представление о доме и своих правах хозяина: *«Мое право, право мужа, придя домой, сесть за стол и пообедать. Обед в доме должен быть каждый день... Для меня важно, чтобы все было подано с улыбкой, весело... Чтобы у моего прибора лежала салфетка, лучше в кольце... Я хочу, чтобы в моем доме было красиво... Я хочу, чтобы, когда я приведу гостя, моя жена приняла его радушно. Чтобы в доме всегда было чем угостить... Я хочу, чтобы люди говорили: “Как хорошо у Ларичевых!”»* (выделено мною. – Н.П.). Его «идеология», по сути – глубоко мещанская, причудливо сочетается с открытым отрицанием «мещанских обычаев». Соседство «салфетки в кольце», «прибора», подчеркнуто книжного происхождения, и истинного уюта, с улыбкой и радушием, свидетельствует о размытости представлений героя о доме. Его стремление к внешнему лоску, к позе, гипертрофированность «я» приводит не к созданию дома, а к благоустройству «гостиничного номера», где будет хорошо Ларичеву и его гостям – *«подчиненным»* и *«комиссиям из центра»* – как и он, смутно представляющим, что такое настоящий дом, и являющимися, пользуясь гостиничной терминологией, постояльцами. В то же время в герое живет боязнь прошлой семейной жизни – большой жены и сына, находящихся *«где-то в неопределенности»*, и, как следствие, нежелание вновь испытывать негативные эмоции. Поэтому участь Веры – на долгие годы

превратиться в горничную, в личную «обслужу» товарища Ларичева. Хотя ощущение дома ослабевает, оно не покидает Веру в скитаниях, незримо присутствует в ее внутреннем мире. Поэтому она, выполняя свой женский долг, старается облагородить и наполнить хотя бы внешними атрибутами уюта то жилье, которое предоставляет ей кочевая жизнь с военным.

Базовый образ дома обогащается противоположными, но не вступающими в конфликт в контексте повести смыслами: дом – гостиница, хозяйка – горничная, хозяин – постоялец.

Развитие сюжета повести также обусловлено расширением образа. Экспозиция, подробно знакомящая с историей семьи Бутовых, резко обрывается. Неожиданно героиня предстает в образе вдовы у гроба Ларичева. Дальнейшее повествование – это ее реакция на телеграммы с соболезнованиями. Большая часть замужней жизни, связанная со скитальчеством, представлена как цепь отрывочных, непоследовательных воспоминаний в состоянии полусна, полуяви, полубреда. Сюжет характеризуется центростремительным движением к дому.

Цепь воспоминаний начинается с телеграммы Маши Смолиной, самой близкой подруги Веры, мгновенно отреагировавшей на смерть Ларичева (*«Буду завтра самолетом, Маша»*). С Машей Вера познакомилась в первый год замужества в больнице, где по настоянию мужа делала аборт. Появление такого персонажа не случайно. С одной стороны, личностные качества Маши – самостоятельность, независимость, возможность выбирать свою судьбу – резко контрастируют с безволием и подчиненным положением Веры (*«Ты – дикая, а я домашняя»*, – говорит Вера о Маше и о себе). С другой стороны, мироощущение и образ жизни Маши помогают автору объемнее высветить возможную, но несостоявшуюся судьбу Веры. Еще в больнице *«на Машу она смотрела с доброзелательной завистью, вроде как на несбывшуюся себя»*. Таким образом, Маша Смолина оказывается alter ego главной героини, а описание ее жизни как бы предвосхищает вдовью жизнь Веры. Следующий эпизод из прошлого – история Юры, сына Ларичева от первого брака, немного пожившего в их семье и сданного в интернат *«для сирот военнослужащих»* – также мотивируется телеграммой Юры. Приезд Маши в гости к Ларичевым дает возможность взглянуть на жизнь Веры глазами человека со стороны. *«Как в “Гранд-отеле”*, – дает она меткую характеристику Верину уюту и уезжает, как только узнает об интернате, поняв, что образ мыслей Веры стал сродни образу мыслей ее мужа. Голос Маши в данной ситуации отражает точку зрения автора.

Война, как ни парадоксально, делает существование героини насыщенным и счастливым. Она возвращается в родной дом к маме, затем у них поселяются случайно оказавшиеся в том же городе Маша с сыном. Начинается голодная, но духовно богатая жизнь. Образ ребенка, мотивы детства, родственных и духовных уз составляют семантическую доминанту дома в военное время. Тотальному ощущению боли противопоставлено появление новой жизни. Вика, родившаяся в разгар войны у Маши, символизирует победу жизни над смертью, что и подтверждает имя девочки.

Различные грани образа дома изменяются, их семантика углубляется.

Дом-жилище обретает глубинный символический смысл. Он становится местом, куда приходят письма с фронта. Дом как бы оказывается вне времени, и для фронтовика становится одновременно и домом-воспоминанием и домом-надеждой. Поэтому при эвакуации мать Веры отказывается покинуть свою хатку, понимая, что все письма и надежды ее родных будут направлены в этот единственный дом.

Объединенные под одной крышей две семьи – Веры и Маши – чувствуют себя относительно защищенными стенами дома. Бедность и щедрость дома-ковчега Бутовых противопоставлено богатству и холодности ларичевского дома-гостиницы.

В конце войны Ларичев вынужден переквалифицироваться из командиров в начальники хозслужбы. Оказавшись невостребованным и униженным той «новой» действительностью, которой верил слепо и безоговорочно, он из военного превращается в обывателя и уже на склоне лет строит дом в прямом и в переносном смысле. Дом, неизменно существовавший внутри Веры, становится частью ее мужа. Поэтому во время строительства они по-настоящему сближаются и реализуют свои возможности. Ларичеву суждено пройти через унижения и из постояльца превратиться в хозяина, способного «достать» все необходимое для строительства. Хатку Анны Савишны в конце концов смывает в море, мать переезжает к дочери, и в новый дом Ларичевых вселяется, по мнению Веры, духовность.

Дальнейшее развитие образного ряда связано со своеобразным симбиозом: образ дома дополняется и расширяется образом гостиницы.

Гостиница вторгается в дом Ларичевых в лице дачников, квартирующих в летние месяцы. Проживание одних и тех же семей сближает хозяев и гостей вплоть до участия Александра Ивановича в воспитании чужих детей. Возникает островок настоящего уюта, спокойствия, внутренней защищенности. Дом-ковчег вбирает в себя все новых и новых разнополых и разновозрастных жителей.

После смерти мужа Вера реализует административный талант на работе в гостинице «Салют»: сначала дежурной по этажу, затем администратором и, наконец, директором. Она приближает казенный гостиничный быт к домашнему комфорту и теплу. *«Правила для постояльцев»* с ее легкой руки превращаются в *«Советы гостям»*. Улыбка вменяется работницам *«в обязанность, в служебный долг. Гость должен был чувствовать себя в гостинице как дома – нет, лучше, чем дома: ведь дома не всякому улыбаются»*. Гостиница становится для Веры, как когда-то для Ларичева, инвариантом дома, предоставляющего еще большие возможности для творчества и дающего право называться Хозяйкой.

Таким образом проявляется полисемантическая и временная трансформация образа Хозяйки, заданного названием повести. Хозяйкой «гостиничного» дома Ларичева Вера была большую часть замужества, затем она стала хозяйкой «гостиницы» в собственном доме и, наконец, Хозяйкой, то есть директором реально существующей гостиницы. Развитие образа гостиницы проходит путь от метафорического (дома для Ларичева и «антидом» для Веры Платоновны) к буквальному значению.

Дом-ковчег в прямом смысле превращается в дом-коммуна, когда Вере Платоновне приходится продать нижний этаж. Дом-гнездо, с которого началось повествование, умирает. Смерть Анны Савишны ставит крест на этой грани образа. *«...Когда из дому навсегда унесли мать, он стал другим, словно душу из него вынули!»* Героиня оказывается один на один с миром, рвется последняя нить, связывавшая её с прошлым, а с будущим у нее родства нет.

Появившуюся в доме пустоту заполняет Вика Смолина. Вместе с ней в дом опять приходит настроение торжества жизни.

Совместное проживание трех непохожих друг на друга, но одинаково одиноких и потому нуждающихся друг в друге людей (хозяйки Веры Платоновны, стареющей актрисы Куниной и молодой девушки Вики) создает иллюзию восстановления прерванной нити времён и очередности поколений – бабушка (Кунина), мать (Вера), дочь (Вика); живого дома и родства. Теперь персонажи повести в самом деле родственники – по жизненным потерям, по душевной боли...

Многомерное единство представлений о доме рассматривается в повести в контексте всей советской истории. Следствием безытной эйфории 20-х с ее лозунгами «Смерть быту!» и другими было насильственное и массовое лишение людей не только дома, но и ощущения дома. Нарушалась связь времен и поколений. Остро вставала проблема памяти: исторической, национальной, нравственной. Разрушение дома,

этой онтологической категории, было чревато потерей ориентации в мире, утратой чувства осмысленности человеческой жизни. Показанная в повести эволюция смыслов (от дома-гнезда через дом-ковчег к дому-коммуне) в свою очередь создавала ощущение иллюзорности, зыбкости, «опрокинутости» образа дома, размывало его границы, лишало многовекового фундамента. Включение же в состав образа новой грани – гостиницы – расширило его образную структуру и придало ему смысловые оттенки, отражающие ту новую историческую и культурную действительность, в которой функционирует данный образ. Возможно, что именно многослойность и разноосмысленность образа дома явилась одной из важных причин, обусловивших его доминирующую роль в русской литературе 70–х годов XX века.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2003.
 Быков Д. Сны о том, что было: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.kinoart.ru/magazine/02-2004/repertoire/bykov0402/
 Грекова И. Хозяйка гостиницы. – СПб., 2005.
 Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. – М., 2000.
 Наумова Н. Черты современной героини // Нева. – 1978. – №10.
 Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. – М., 2001.
 Проскурина Е.Н. Мотив бездомья в произведениях А. Платонова 20–30-х гг. // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). – Новосибирск, 1996.
 Троцкий Л.Д. Литература и революция. – М., 1991.

БЛИЗНЕЧНЫЙ МИФ В РАССКАЗЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «ВТОРОЕ ЛИЦО»

О.В. Побивайло

Ключевые слова: Близнечный миф, мифопоэтика, трикстер, тень.
Keywords: twins' Myth, mythopoetics, a trickster, a Shadow.

Художественная проза Людмилы Улицкой глубоко мифопоэтична. Тексты произведений густо насыщены мифологическими аллюзиями, литературными реминисценциями, культурными переключками. Одним из структурообразующих мифов творчества писательницы, на наш взгляд, является миф о близнецах. Близнечность реализуется на различных уровнях поэтики. На уровне персонажей это сосущество-

вание / противостояние / оборачивание героев-творцов и героев-трикстеров. На мотивном уровне тексты структурируются антитезами: творчество – подражание, власть – служение, гордость – смирение, тело – душа, верность – измена, многочадность – бесплодие, смех – слезы, природа – культура, быт – бытие, животное – растение, животное – вещь и т.д. На композиционном уровне близнечность реализуется в зеркальном построении произведений благодаря мотиву оборачивания («Искренне ваш Шурик», «Бедные родственники», «Бронька», «Медя и ее дети», «Орловы-Соколовы», «Подкидыш» и т.д.). Автопародию, автореминисценции или «чужое слово» в контексте поэтики Л. Улицкой также можно интерпретировать как обыгрывание близнечного мифа.

В варианте мифа о близнецах-соперниках Улицкую чаще интересует второй близнец, соотносимый с подражателем творцу, трикстером. Рассказ «Второе лицо» посвящен именно такому герою, и удивительным, на первый взгляд, кажется то, что у него нет пары, близнеца. *«Смолоду он был человеком свиты, но мелким, в самом хвосте»* [Улицкая 2003, с. 179]. Затем незначительная должность, писчая, малый чиновник, а потом осознанная роль второго лица: *«Как это мудро! Все первые лица, все до единого, сгорели синем пламенем, кто на чем, по большей части и ни на чем, а он, со своей второй ролью, отсиделся, и пронесло»* [Улицкая 2003, с. 180]. Актуализируется мифологический контекст, в частности египетский миф об Осирисе и Сете, где второй брат получает власть благодаря гибели первого. Кроме того, возникают и литературные аллюзии в связи с писчей должностью Евгения Николаевича. С одной стороны, мелкий чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин, завершивший свой путь в образе безумного призрака, с другой стороны, князь Лев Николаевич Мышкин, Христос от Достоевского. Образ начинает двоиться, что уже не удивительно для поэтики Улицкой. Любопытно, что писательница строит повествование в диалогической / полифонической манере Ф.М. Достоевского: голоса героев переплетаются с авторской речью. Близнечный миф, таким образом, проникает и на автометаописательный уровень.

Для творчества Л. Улицкой подобный диалог с классиком не является исключением. В рассказе «Большая дама с маленькой собачкой» писательница затевает литературную игру с А.П. Чеховым. В тексте рассказа обнаруживаются аллюзии не только на творчество Чехова, но и на биографию писателя: театральная жизнь, жена-актриса, Одесса, Маркс – издатель Чехова. Сам Чехов, скрывающийся за именем мужа Павла Алексеевича. В рассказе – муж в тени, «в закулисье», в общем-то, так

же, как и талантливый, знаменитый писатель в Ялте, запертый там туберкулезом. Людмилу Улицкую наверняка интересует не только чеховская мера во всем, но и его писательский феномен. Чехов в свое время произвел революцию в драматургии, узаконил жанр маленького рассказа в серьезной литературе. Творчество Чехова так же, как и Улицкой, пришлось на рубеж веков. Оба «прописались» в жанре рассказа. Оба в литературу пришли из медицины. Займет ли творчество Людмилы Улицкой такое же знаменательное место в классической литературе, какое занял ее любимый писатель? Смелые предположения на этот вопрос можно обнаружить в этом же рассказе. Судьба самой Улицкой прочитывается в образе Веточки, оставившей медицинское поприще в пользу литературы. Затем работа завлитом в театре. Финал рассказа – это только начало пути писательницы. Л. Улицкая вписывает себя в собственную мифологию, обозначая свой творческий путь от трикстера к демиургу.

Герой «Второго лица», по ошибке принимаемый поклонниками за актера Кадочникова, смело раздает автографы, в точности повторяя мифологического трикстера, который присваивает чужое имя, славу, судьбу. Образ героя рассказа соотносим и с другим мифологическим образом – архетипом Тени. Тень у первобытных народов традиционно считалась вторым «я» человека [Тресиддер 2001, с. 367]. В психоанализе Тень мыслится как часть подсознания, как неизвестные или малоизвестные свойства и признаки эго [Франц 1998, с. 165]. Нежелание увидеть собственную Тень приводит к ее разрастанию (классический пример в этом случае – пьеса Е. Шварца). Однако человек может достаточно гармонично сосуществовать со своей Тенью, если она принята. Комплекс Тени в рассказе «Второе лицо» имеет как негативный, так и позитивный аспекты. Евгений Николаевич крайне негативно настроен по отношению к своим потенциальным наследникам, никто из них недостойн его имущества, даже любимая внучка Машура. Злая критика, пересыпанная бранью и вульгаризмами, неизменно направлена на родственников, даже на блаженного внучатого племянника, Сашу Козлова, по прозвищу Серенький Козлик: *«Но ведь убогий человек, ни в чем понятия не имеет. Ветеринар!»* [Улицкая 2003, с. 181]. Распутство, накопительство, грубость, шантаж, критицизм самого Евгения Николаевича воспринимаются им как гедонизм, профессиональный интерес, справедливость, разумность. Позитивный аспект Тень проявляет в своей проницательности: накануне смерти Евгений Николаевич видит вещий сон; предсказание о том, что Машку бросит муж, сбывается, да и в наследнике он не ошибся. Франц отмечает любопытное влияние, под действием кото-

рого формируется Тень: *«Отдельные качества, присущие Тени, могут также складываться из коллективных влияний, приходящих из источников, лежащих за пределами личной жизни индивидуума»* [Франц 1998, с. 165]. На первый взгляд, ненависть окружающих, Евгений Николаевич не подвержен коллективному влиянию. Однако коллективное проникает в его жизнь через его увлечение, с годами ставшее профессией, коллекционирование (оба слова восходят к латинскому *collectio* – собрание). По-видимому, коллекционирование есть форма проявления Тени.

Деятельность героя Улицкой вполне соответствует принципам «коллекционирования по-советски» [Куляпин, Скубач 2005, с. 61]. Николая Евгеньевича не вдохновляет мысль передать наследие в музей, напротив, уже долгие годы он хранит коллекцию часов, замурованную в стене. Сущность любого коллекционирования – уничтожение времени – выражена Улицкой буквально. Герой пытается остановить время и другими способами, например, употребляя в пищу только младенческую пищу, «бэби», как он ее называет. Изысканное гурманство в этом свете начинает казаться каннибализмом. Коллекционирует Евгений Николаевич многое: посуду, серебро, мебель, картины, любовниц. Его взгляд на близких – это взгляд гурмана и собирателя. Фигура любовницы напоминает ему семиструнную гитару, задница – самовар, спина – клавиатуру. Наследники – это собрание овощей и фруктов. Овеществление близких людей подчеркнуто цифрой двенадцать: двенадцать было коллекционных часов, наследников и чашек. Коллекционирование любовниц, наследников, по-видимому, стало формой замещения бездетности.

Любопытно, что и в этой ситуации действует мифологический принцип обращения, столь характерный для поэтики Л. Улицкой: коллекционер превращается в коллекцию. Евгений Николаевич маниакально увлечен усовершенствованием своего организма-«механизма»: косточка на ноге, металлокерамические зубы и разнообразные «машинки», поддерживающие работу мочеполовой сферы. Мотив собирания человеческого тела имеет богатую литературную и кинематографическую историю в XX веке, начиная с Алексея Мересьева и заканчивая роботами, киборгами, людьми-полицейскими. В этом ключе усовершенствование человеческой природы совпадает с расчеловечиванием. Вновь вспоминается коллекция часов, замурованная в стене, но уже в мифологическом освещении. Хранитель времени Евгений Николаевич и его двенадцать наследников соотносятся с древнегреческим Хроносом и двенадцатью богами-олимпийцами. Миф трансформируется: война за наследство становится битвой не за космос, а скорее за хаос; титан гибнет не от руки молодого поколения, а от собственной. Останавливаются

внутренние часы – сердце. Коллекционер-убийца времени превращается в самоубийцу.

Финал рассказа кажется победой жизни над собирательством, природы над вещью: коллекция чашек роздана, коллекция часов, по-видимому, распродана, все остальное завещано Серенькому Козлику для создания приюта для собак. Возможно, все бы и звучало так жизнеутверждающе, если не посмотреть на маниакальную страсть Саши Козлова к собакам как на вид собирательства. Он собирает кости, объедки, псин, шавок, дворняг, джеков, альм, с гордостью демонстрирует фото своей первой собаки Топы. По закону близичности все в нем противоположно Евгению Николаевичу: смирение, самопожертвование, бедность, близость природе. Но Евгений Николаевич, конечно же, правильно выбрал наследника: вещей нет, но близнец-коллекционер продолжит его дело.

В рассказе Людмила Улицкая исследует, по сути, природу советской мифологемы. В XX веке феномен второго лица во власти стал настолько популярен и естественен, что породил множество микоянов, косыгинных, суловых, переживших первых лиц, должности вторых секретарей, замов, заместителей замов, которые в свою очередь создавали аппарат тоталитарного советского государства.

Литература

Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920–1940-х гг. – Барнаул, 2005.

Тресиддер Д. Словарь символов. – М., 2001.

Улицкая Л. Второе лицо: Повесть. Рассказ. – М., 2003.

Франц М.-Л. Процесс индивидуации / Человек и его символы. – М., 1998.

«ЕЖЕДНЕВНЫЙ “Я”»: КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕДИА НАЧИНАЕТСЯ С «РАЙОНОК»

Е.С. Радионцева

Ключевые слова: СМИ, конвергенция, районная газета.

Keywords: Media Discourse, convergency, local newspaper.

«В своей книге “Цифровое бытие” Николас Негропonte предсказывает грядущее время, в котором у людей появится возможность адресно получать именно те новости, которые наиболее важны лично для них и отфильтровывать все остальные. “Цифровые СМИ” будут предлагать своей аудитории то, что автор называет “Ежедневный Я” –

персональный источник информации для того, кто в ней заинтересован. Эта очищенная форма журналистики будет включать в себя анонсы и новости, взятые из областей, которые читатель выделит для себя как приоритетные», – пишут Стефен Куинн и Винсент Ф. Филак в книге «Введение в конвергентную журналистику» [Куинн, Филак].

Сегодня этот путь как приоритетный в своем развитии выбрали районные газеты. Яркой тенденцией в мире малых газет считается конвергенция – «...единственная жизнеспособная бизнес-модель для компаний, стремящихся выжить в цифровую эпоху», по мнению операционного директора CanWest Global Communications Corp Рика Камилери (Rick Camilleri) [Российский рынок периодической печати 2006, с. 46]. Куда бы мы сегодня ни посмотрели, становится ясно, что мы вступили в эпоху, где каждый процесс и все его содержание стали цифровыми, мобильными и виртуальными.

Конвергенция как процесс не имеет непосредственного отношения к функциональному потенциалу районных газет, однако позволяет говорить о влиянии конвергенции на усиление всех функций. Вопрос о функциональных приоритетах и конвергенции тесно связаны между собой.

Конвергенция предполагает объединение печатных, вещательных, беспроводных и онлайн-медиа. Процесс дорогостоящий, требующий больших временных затрат, переподготовки кадров и освоения новых технологий. Исследователи признают, что маленькие и средние по размеру газеты имеют больше шансов, чем кажется их владельцам, для создания и получения прибыли от партнерств с вещательными каналами и Интернет-сайтами. Об этом заявил Дин Синглтон (William Dean Singleton), исполнительный директор MediaNews Group Inc. на ежегодной конвенции Национальной газетной ассоциации (NAA) [Российский рынок периодической печати 2006, с. 46]. Основной акцент в его выступлении был сделан на конвергенции крупных газет, но он сказал, что думать о конвергенции как о феномене больших городов – ошибка. «Маленькие газеты и газеты на средних рынках обычно добиваются в конвергенции большего, чем крупные» [Российский рынок периодической печати 2006, с. 46]. Он считает, что на маленьком рынке купить телеканал или радиостанцию проще и дешевле. А поскольку у маленьких газет обычно очень тесные отношения с местными рекламодателями, им проще продавать концепцию конвергенции газеты, телевидения, радио и Интернета.

Компании Синглтона принадлежит 153 газеты, большая половина из которых – локальные. Газета его родного города Грэхэма (штат Техас, США), выходящая дважды в неделю тиражом 5000 экземпляров, заклю-

чила партнерство с четырьмя радиостанциями и их Интернет-сайтами. У партнеров общие здание, редакция и отдел рекламы. Совместный проект приносит больше средств, чем партнеры зарабатывали до конвергенции.

Аналогичный проект на территории Сибирского федерального округа – конвергенция районной газеты Алтайского края «Змеиногорский вестник». После объединения с Издательским Домом «Алтапресс» газета изменила свой статус – из районного общественно-политического издания она превратилась в автономную некоммерческую организацию. Это позволило ей расширить ореол своего распространения, завоевать новые сегменты информационного и рекламного рынка. «ИД “Алтапресс”, – пишет сотрудница издательского дома в «Журналисте», – существует с 1990 года. Основные направления деятельности – СМИ и полиграфия. В настоящее время “Алтапресс” выпускает 7 газет и 2 журнала. В структуре компании находится 3 издательских группы и типография, а также службы обеспечения. Флагманом “Алтапресс” является газета общего содержания “Свободный курс”» [Симонова 2004, с. 37].

В Омской области успешен опыт конвергенции районных изданий и филиалов телерадиовещательной компании ГТРК «12 канал», которые открыты и действуют практически во всех районах Омской области.

В Соединенных Штатах многие издания выбрали путь конвергенции для успешной реализации издания в мире цифровых технологий. Как пишет в своем материале в Star Press Гэйл Коч (Gail Koch), исследование в области конвергенции, проведенное университетом Ball State University два года назад, показало, что газеты и вещатели делают лишь первые шаги в определении характера взаимного сотрудничества. В ходе первого этапа трехэтапного исследования, финансируемого Центром медиа-дизайна, был проведен опрос 372 изданий. Он показал, что 30 % из них сотрудничают в сборе новостей с телеканалами. При этом большинство газет уделяет своим телевизионным партнерам мало внимания [Российский рынок периодической печати 2006, с. 47].

Определенными шагами на пути к конвергенции следует считать техническое переоснащение редакций и обучение сотрудников. Техническое переоснащение отрасли наметилось во многих регионах – Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской областях, в Алтайском и Красноярском краях. Здесь в районных газетах вкладываются средства в техническое перевооружение. «Все редакции районных газет в настоящее время, – написала еще в 2002 году Т. Бугаева, председатель комитета по делам печати и полиграфии Омской области, – укомплектованы

настольными издательскими системами. Минимальная конфигурация составляет 2 компьютера, сканер, принтер, модем. Всего в системе редакций эксплуатируется более 90 компьютеров <...> Приобретаются цифровые фотокамеры, создаются локальные сети. Так, в таких редакциях, как “Знамя” Исылкульского района, “Наша газета” Шербакульского района, “Авангард” Марьяновского района, “Сибиряк” Калачинского района и многих других, каждый сотрудник имеет компьютер и издательский процесс осуществляется только в электронном режиме. Сегодня уже осваиваются компьютеры нового поколения, которые ускоряют процесс набора и верстки, передачи информации.

Двадцать четыре районные газеты из 32-х постоянно печатаются офсетным способом, что позволило значительно улучшить качество, поднять газету на более высокий уровень оформления и полиграфического исполнения» [Бугаева 2002, с. 124]. Сегодня все газеты Омской области перешли на офсет. Последней в этом перечне стала газета «Усть-Ишимский вестник» Усть-Ишимского района, которая перешла на офсет только в 2007 году. Публикации председателей и заместителей комитетов по информационной политике вышеназванных регионов, а также иных служб, выполняющих аналогичные функции, в сборнике «Районные и городские газеты Сибири» [2002] содержат информацию о том, что материально-техническое оснащение районных газет проходит активно. Можно констатировать, что в целом уже к 2002 году 95 % районов перешли на офсет и были укомплектованы новым оборудованием, которое позволило им компьютеризировать печатный процесс. Сегодня все редакции районных газет имеют электронную почту, что позволяет любому городскому рекламодателю оперативно разместить коммерческий заказ.

Конкурсы, семинары, конференции, которые проводятся для редакторов и сотрудников районных газет, носят всецело творческий характер. Такой вывод напрашивается после анализа публикаций в уже упомянутом сборнике «Районные и городские газеты Сибири» [Районные и городские газеты Сибири 2002], где, как правило, отдельным блоком рассказывается о мерах, принимаемых краевой или областной администрацией для повышения кадрового потенциала редакции. Межрайонные журналистские летучки, сотрудничество с ведущими вузами региона, участие в выставках – вот далеко не полный перечень тех мероприятий, в которых принимают участие сотрудники районных СМИ. Их цель – повышение профессионального мастерства журналистов. Аналогичные задачи сформулированы учредителями конкурсов, выложенных на сайте <http://www.omskprint.ru> в рубрике под названием «Кон-

курс»: «Власть народная» – конкурс на лучшее освещение проблемы становления местного самоуправления, «Сделано в России», цель акции которой – способствовать развитию гражданского общества и активизации деловой жизни в регионах; «Отцовская доблесть» – на лучшую публикацию о проблемах отцовства и т.д.

Интересно, что конвергенция охватила все тиражные сегменты – независимо от размера газеты, как отмечает Лори Демо (Lori Demo) [Российский рынок периодической печати 2006, с. 51]. Она рассказывает, что одной из целей ее исследования было выяснить, способствует ли конвергенция созданию более богатой и качественной журналистики. Вот некоторые из полученных цифр: газеты готовы делиться бюджетами на подготовку материалов и подборками публикаций с коллегами с телевидения, однако стараются придерживаться эксклюзивных материалов. Около 44 % редакторов заявили, что делятся материалами лишь выборочно, 16 % – что никогда не делятся, и 12,3 % – что придерживаются материалы, которые обеспечивают им конкурентные преимущества перед партнерами. Около 12 % редакторов ответили, что у них с партнерами общий редактор или отдел координации, планирующий подготовку материалов на ежедневной или почти ежедневной основе. Около 70 % газет не обсуждают на редакционных совещаниях способы продвижения содержания их партнеров.

Сегодня многие авторитетные сайты охотно публикуют локальные новости от местных репортеров газеты и материалы информационных агентств с комментариями региональных экспертов. Они концентрируют свое внимание на местном контенте. Это очередной аргумент в пользу силы и влияния конвергентных процессов на развитие журналистики.

Исследователи пишут, что конвергенция наверняка отразится и на уровне письма. Вероятно, он изменится в зависимости от потребностей различных новых аудиторий. Для освещения срочных новостей в он-лайне принцип перевернутой пирамиды останется наиболее эффективной и быстрой формой репортажа. Журналистика продолжит развиваться в двух наиболее вероятных жанрах: очень короткие сообщения типа срочных новостей он-лайн и новостных дайджестов в печатной прессе и обширные тексты – журнальные статьи, развлекательные или исследовательские материалы. Анализ районных газет в разрезе творческой деятельности показывает, что этот путь сегодня выбрали многие районные газеты. С одной стороны, небольшой формат изданий не позволяет им ставить на газетные полосы объемные материалы. С другой, они не пренебрегают возможностью опубликовать объемное захватывающее «чтиво», если появляется такой материал.

Таким образом, конвергенция оказывает непосредственное влияние на функциональный потенциал районных газет. Опыт конвергенции успешно распространяется на разные уровни СМИ – технический, организационный, уровень содержания и стиль письма. Районные газеты успешно развивают опыт конвергенции, обогащаясь и развиваясь в разных аспектах.

Журналисты должны осознавать себя контент-провайдерами в лучшем смысле этого слова. Контент никогда не был главным, поскольку мир вокруг всегда был переполнен содержанием. Это явление известно под названиями «дата-смог», или информационная перегрузка. Качественный контент – это то, что позволит прессе выжить и остаться интеллектуальной; образованные репортеры и редакторы помогут сформировать журналистику будущего. Создавая и распространяя полезный, грамотный и умный контент, журналист может держать аудиторию в курсе и подогревать ее интерес.

Литература

Бугаева Т. Районные газеты Омской области // Районные и городские газеты Сибири. Информационно-методический сборник. – Барнаул, 2002.

Засурский Я.Н. Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества // Средства массовой информации России. – М., 2005.

Куинн С., Филак В.Ф. Введение в конвергентную журналистику : [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.journ.msu.ru.

Районные и городские газеты Сибири: информационно-методический сборник. – Барнаул. – 2002.

Российский рынок периодической печати, 2006 год. Состояние, тенденции, перспективы развития : [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.gipp.ru>

Симонова А. Программа адаптации: пора начинать! // Журналист. – 2004. – №1.

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНДЕРНЫХ КОГНИТИВНЫХ ЭТАЛОНОВ

И.В. Rogozina, М.А. Пицун

Ключевые слова: гендерные когнитивные эталоны, стереотипы, медиа-пространство, гендерные модели.

Keywords: gender cognitive structures, stereotypes, media space, gender models.

Последнее десятилетие отмечено возрастанием интереса к изучению гендерных когнитивных структур, имеющих медийный генезис [Гвоздева 2003; Groshov 2000; Двинянинова 2003; Ермакович 2003; Желтухина 2003;

Кирилина 2000; Томская 2001; Харрис]. Исследование текстов СМИ через призму гендера приобретает особое значение, если учитывать тот факт, что гендерные когнитивные структуры социально детерминированы и присваиваются носителем языка в результате познания социальной реальности, а телевидение, радио, газеты и журналы играют важную роль в передаче этой социально значимой информации.

Общеизвестно, что в современном информационном обществе индивид находится под постоянным воздействием потока информации, транслируемой масс-медиа. Это воздействие во многом определяет тот угол зрения, который позволяет воспринимать и оценивать фрагменты реальности в соответствии с эталонами женственности или мужественности, принятыми в социуме. Н.Г. Малышева причисляет СМИ к «базовым элементам социализации, которые служат для человека источником знаний о мире, позволяют оценить свое положение в социуме» [Малышева 2004, с. 171]. Поскольку СМИ представляют собой социальный инструмент, обеспечивающий взаимодействие в текстовом формате с целью модификации картины мира индивида [Рогозина 2003, с. 155], они во многом определяют направление модификации и гендерных когнитивных структур, способствуют закреплению, ослаблению или замещению уже существующих структур и формированию новых. Иными словами, масс-медиа, чутко реагируя на гендерные перемены, происходящие в определенном лингвокультурном сообществе, фиксируют их в продуцируемом медиа-продукте и тем самым влияют на формирование новых гендерных когнитивных структур представления реальности.

По нашему мнению, гендерные когнитивные структуры характеризуются относительной динамичностью: они не могут не фиксировать изменений в гендерных эталонах мужчины и женщины. Наряду с относительной подвижностью, гендерные эталоны отличает сравнительная статичность. Под гендерными когнитивными эталонами мы понимаем наиболее обобщенные гендерные когнитивные модели, разделяемые большинством представителей определенного лингвокультурного сообщества. Гендерные когнитивные эталоны характеризуются высоким уровнем абстрагированности и фиксируют наивные знания носителей языка.

Мы считаем, что гендерные эталоны, являясь когнитивными структурами, формируют ядро гендерных познавательных гиперструктур, отличающихся более высокой степенью сложности, периферия которых претерпевает определенные изменения на протяжении всей жизни индивида под действием различных факторов, одним из которых, в частности, является его возраст. Так, исследования, направленные

на выявление специфики репрезентации женщины и мужчины в изданиях, ориентированных на аудитории разных возрастов, показали, что в гендерных эталонах, ориентированных на молодежь, мужчина и женщина представлены довольно стереотипизированно [Мальшева 2004; Зверева 2004]. Во «взрослых» журналах, ориентированных на аудиторию 18–35-летних женщин, женственность и мужественность не всегда четко поляризованы, а представленные мужские и женские эталоны гендерной саморепрезентации чаще характеризуются андрогинностью, что подтверждается и данными исследований, проведенных J. Meugowitz и N. Postman [Мальшева 2004]. Исследование Н.Г. Мальшевой в определенном смысле примиряет сторонников различных взглядов [Мальшева 2004]. Она считает, что когнитивные схемы молодых носителей языка характеризуются высокой степенью стереотипности, а у представителей более взрослого поколения когнитивные модели мужественности и женственности не столь противоположны и характеризуются наличием общих черт.

Рассматривая стереотипные гендерные эталоны, представленные СМИ, следует обратить внимание на то, что современная гендерная медиа-картина мира предстает как комплексное явление, включающее множество альтернативных моделей мужественности и женственности. Это подтверждает исследование В. Зверевой, которая отмечает устойчивую тенденцию «движения массовой культуры в сторону диверсификации», при этом «массы» понимаются как состоящие не из единообразных «всех», а из «множества людей в отдельности» [Зверева 2004, с. 11]. Как следствие, и издания СМИ отличаются диверсифицированностью. Они ориентированы на «своего» читателя, зрителя, слушателя, являющегося представителем определенной социальной и гендерной группы. Только близкие и понятные реципиенту гендерные модели способны успешно апеллировать к нему как члену целевой аудитории. Мы считаем, что масс-медийные гендерные предпочтения реципиентов (выбор гендерно-ориентированного журнала, телепередачи и т.п.) детерминированы тем, что *гендерно-типизированная личность обладает гендерно-специфичными особенностями интериоризации информации*. Вследствие этого различные типы гендерно-ориентированных медиатекстов направлены на определенную целевую аудиторию, предлагая востребованные ее участниками медиа-модели гендерной реальности.

Анализ гендерно-ориентированных медиа-изданий позволяет выделить два основных гендерных эталона, фиксируемых и определяемых обществом: *традиционный и андрогинный*.

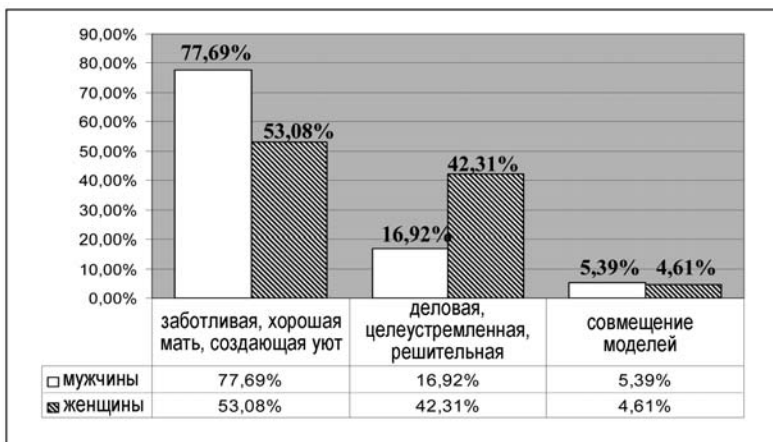
При проведении анализа значительного числа гендерно-ориентированных изданий может возникнуть впечатление, что освоение женщинами новых социальных позиций не оказывает существенного влияния на эталоны мужчины и женщины, тиражируемые в журналах и на телевидении. СМИ как эффективный источник воздействия на сознание индивида и средство передачи коллективно разделяемой информации продолжают воссоздавать гендерную поляризованность полов, репродуцируя когнитивные гендерные эталоны, закрепляющие традиционные модели маскулинности и фемининности. Так, в современном медиапространстве продолжает воспроизводиться традиционный эталон женщины как домохозяйки, заботящейся о быте, доме, детях, и эталон мужчины как добытчика и кормильца [Ермакович 2003; Желтухина 2003; Корочкова 2004; Томская 2001]. Г.С. Двинянинова, проведя исследование одного из наиболее популярных британских изданий «The Daily Telegraph», делает вывод о том, что даже в этом гендерно-нейтральном издании тематика мужских статей охватывает такие сферы социальной активности, как политика, бизнес, спорт и т.д., в то время как тематика женских статей преимущественно связана с домом и внешностью [Двинянинова 2001, с. 171–179]. К подобным выводам приходит и Р. Харрис, анализируя гендерную специфику американских масс-медиа [Харрис].

Однако, несмотря на то, что традиционный гендерный когнитивный эталон продолжает активно воссоздаваться в гендерно-ориентированном медиа-пространстве, масс-медиа фиксируют и андрогинный эталон, который, как нам представляется, более адекватно отражает современный этап развития гендерных отношений. Этот гендерный эталон назван нами андрогинным, так как он фиксирует освоение женщиной традиционно мужских ролей, стремление реализовать себя не только в бытовой и семейной сферах, но и в социальной. Многие авторы признают, что наряду с сохранением традиционного гендерного когнитивного эталона, в языковом сознании современного человека имеется и гендерный эталон женщины, ассоциируемый с деловой активностью, стремлением к успеху, лидерству и самостоятельности [Харрис; Грошев 2000; Двинянинова 2003].

Не вызывает сомнения, что со сменой общественно-политического строя в России в конце XX века произошло переосмысление ценностей и, как следствие, изменился взгляд на мир, повлекший за собой и некоторую трансформацию гендерных когнитивных структур. Многочисленные исследования, проводимые на материале российской прессы, показали, что как мужская, так и женская гендерные модели претерпевают изменения. Вместе с тем исследование моделей «женственности» и «мужественности» на основе только гендерно ориентированных из-

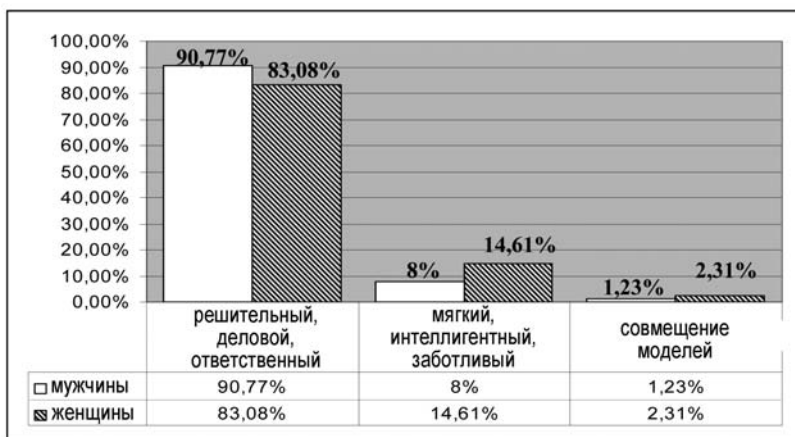
даний представляется несколько односторонним, поскольку исключает из рассмотрения реальные когнитивные процессы, протекающие у реципиента – наивного носителя языка, в результате чего исследуются единицы языкового сознания продуцента, а сам реципиент и происходящие в его мышлении изменения остаются без внимания. Для восполнения этого пробела нами было проведено исследование, целью которого стало определение доминантных гендерно-специфичных моделей у респондентов как женского, так и мужского пола.

Исследование доминантных гендерно-специфичных моделей было проведено в марте 2007 года на базе Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Респондентами стали 130 женщин и 130 мужчин – студентов и преподавателей вуза в возрасте от 17 до 30 лет. Информантам было предложено выбрать один из двух наборов слов-стимулов, соответствующих либо традиционной, либо андрогинной гендерной когнитивной модели. Полученные данные представлены на гистограммах 1 и 2.

Гистограмма 1. Выбор респондентами фемининных моделей

Проведенное исследование показало, что доминантным является традиционный маскулинный эталон. Его принимает 90,77 % респондентов-мужчин и 83,08 % респондентов-женщин. Маскулинному гендерному эталону соответствует решительный, деловой и ответственный мужчина, за ним сохраняются лидерские позиции, на него возлагается

Гистограмма 2. Выбор респондентами маскулинных моделей

ответственность за принятие решений. Мужчина фемининного типа – мягкий, интеллигентный, заботливый – эталон рецессивного типа. Такая гендерная модель предпочтительна для 8 % мужчин и 14,61 % женщин. Несмотря на то, что мужская андрогинная модель не является репрезентативной, в женских анкетах этот показатель возрастает в 1,8 раза. Представляется, что этот факт свидетельствует о большей толерантности женщин к диверсифицированным гендерным моделям. Принимая и выбирая для себя андрогинную гендерную модель, женщины оставляют и мужчинам право выбора.

Результаты исследования также показали, что доминантным гендерном эталоном продолжает оставаться традиционный фемининный эталон. Этот эталон является предпочтительным для 77,69 % респондентов-мужчин и 53,08 % респондентов-женщин. Наряду с этим обращает на себя внимание тот факт, что 42,31 %, респондентов-женщин считает предпочтительной андрогинную женскую модель, и это, на наш взгляд, является весьма показательным. Полученные данные подтверждают, что в российском женском языковом сознании женщина в значительно большей мере ассоциируется с социальной, нежели бытовой активностью. Высокий процент выбора гомогендерной (гендерной модели представителей своего пола) андрогинной модели представительницами женского пола объясняется влиянием многих факторов:

масштабным воздействием СМИ на мышление современного человека, культурно-историческим контекстом, а также, по всей видимости, подбором респондентов. Данное исследование не охватило такие социальные группы женщин, как домохозяйки или пенсионерки. Женщины, участвовавшие в анкетировании, вовлечены в активную деятельность (учеба, работа), в которой они стремятся реализовать свои профессиональные устремления.

Несмотря на то, что при проведении исследования на выбор были предложены две гендерные модели, некоторые респонденты маркировали обе. Получившуюся в результате модель можно назвать совмещенной, поскольку она соединяет традиционный и андрогинный эталоны. Интересно отметить, что, делая выбор в пользу совмещенной модели, респонденты стремились это прокомментировать. Общая идея комментариев, сделанных в письменном виде, заключается в том, что в разных ситуациях и условиях мужчины и женщины ведут и должны себя вести по-разному.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать вывод о том, что характер гомо- и гетерогендерных (относящихся к представителям противоположного пола) моделей у мужчин и женщин различен. Гетерогендерные и особенно гомогендерные модели у мужчин более ригидны, более стереотипизированны, чем у женщин. Постоянно модифицирующиеся социально-экономические условия обуславливают стремление женщин приспособиться к новым условиям, а также добиться успеха и признания в обществе. Достижение этих целей служит мотивацией к воспроизведению маскулинных характеристик.

Проведенное исследование показало, что, несмотря на стремление современных российских женщин покорять традиционно мужские сферы социальной активности, нельзя утверждать, что этот андрогинный эталон принимается всеми членами российского языкового сообщества. Разделение социальных ролей на традиционно мужские и женские продолжает сохранять свои позиции, особенно у мужчин-респондентов. Однако реальность вносит свои коррективы, выдвигая новые гендерные модели, вследствие чего флуктуации гендерных когнитивных структур требуют постоянного, пристального и глубокого изучения.

Литература

Гвоздева А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2003.

- Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. – 2000. – №6.
- Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских журналах 1920-х – 1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов. – М., 2002.
- Двинянинова Г.С. Гендерный аспект дискурсного анализа современной британской прессы // Гендер: Язык, культура, коммуникация. – М., 2003.
- Двинянинова Г.С. О гендерной ориентации в британской прессе // Гендер: Язык, культура, коммуникация. – М., 2001.
- Дубовская И.Н. Женский портрет на фоне рекламы // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №2.
- Ермакович С.П. Гендерный и культурно-языковой параметры в рекламном дискурсе // Гендер: Язык, культура, коммуникация. – М., 2003.
- Желтухина М.Р. Сuggestивность в рекламе и концепт «женщина» // Гендер: Язык, культура, коммуникация. – М., 2003.
- Зверева В. Здесь и теперь. Телереклама: пространство виртуального шоппинга // Искусство кино. 2004. – № 7. – С. 5–13.
- Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. – М., 2000: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/kirilina.htm>
- Корочкова С.А. Социолингвистическая характеристика рекламных текстов в гендерном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
- Мальшева Н.Г. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации, ориентированных на аудиторию разных возрастов // Мир психологии. – 2004. – №3 (39).
- Милосердова Е.В. Гендерные стереотипы в современной российской коммерческой рекламе // Гендер: Язык, культура, коммуникация. – М., 2003.
- Томская М.В. Гендерный аспект социального рекламного дискурса // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М., 2001.
- Рогозина И.В. Медиа–картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2003.
- Харрис Р. Психология массовых коммуникаций: [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.feminist.org.ua/library/gender/smi.php>

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Е.Е. Коптякова

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, образ Германии, пресса, метафорическое представление.

Keywords: metaphor, metaphoric scheme, image of Germany, press, metaphoric presentation.

Когнитивная лингвистика рассматривает метафору не как средство украшения речи, а как форму мышления и познания мира, когда

индивид использует имеющиеся у него знания в одной области для описания другой. Такой подход к анализу языка был впервые предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [2004]. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой и др.

Существующую схему связи между одной ментальной сферой (сферой-источником), послужившей основой для моделирования иной понятийной области (сферы-магнита), называют метафорической моделью. В результате такого моделирования сфера-магнит сохраняет не только систему фреймов (слотов, концептов) сферы-источника, но и присущий ей эмотивно-оценочный потенциал.

Эта особенность метафорической модели широко используется средствами массовой информации, которые создают образ политической реальности при помощи концептов сферы-источника. В результате ситуация презентуется как что-то уже знакомое, соответствующим образом воздействует на эмоционально-волевую сферу адресата и создает определенное отношение к описываемым реалиям.

В данной работе объектом рассмотрения является метафорическое представление внутренней политики Германии в российской прессе («Независимая газета» (НГ), «Коммерсантъ», «Известия», «Агентство Политических Новостей» (АПН) и др.). Для систематизации метафор была использована классификация моделей, предложенная А.П. Чудиновым [2001, 2003].

В результате проведенного анализа было выявлено, что самыми распространенными сферами-мишенями метафоризации являются следующие: политический курс руководства страны, предвыборные кампании разных уровней и личность главы государства. Российские СМИ используют разнообразную палитру метафор для создания образа Германии, но сфера-источник «Социум» является доминантной областью метафорического переноса для обозначения реалий, входящих в понятийное поле «Внутренняя политика Германии». Активизация данной системы метафор в дискурсе масс-медиа России объясняется прежде всего антропоцентричностью сознания человека, а также тем, что современной политической сфере созвучны прагматические смыслы, заключенные в концептах «преступность», «война», «спорт», «игра», «театр».

В представлении внутренней политики Германии российской прессой наиболее продуктивными являются метафорические модели «Политика – это спорт» (она часто пересекается с моделью «Политика – это игра»), и «Политика – это война».

Метафорический перенос из понятийной сферы «Спорт» в ментальную сферу «Политика» возможен благодаря тому, что обе сферы оперируют такими концептами, как «соперничество», «борьба», «победитель», «побежденный» и др. Т.Г. Винокур, указывая на социальный характер газетного текста, отмечает, что обращение к массам обязывает адресанта учитывать особенности языкового сознания общества [Винокур 1993], а спорт занимает особое место в человеческой деятельности, обладает высокой популярностью и практически имеет мало соперников по силе эмоционального воздействия.

Как показал проведенный анализ, для российских газет наиболее употребительным является фрейм «Виды игры и спорта», который представлен пятью основными слотами.

В слот «Игра вообще (без конкретизации)» объединяются метафоры, передающие самое общее значение игры как деятельности. Обозначая реалии политической жизни Германии, эти метафоры несут негативный прагматический смысл, указывая на неискренность участников происходящих событий. Ср.: *Избиратели опасаются, как бы это не оказалось очередной **предвыборной игрой** социал-демократов (Известия, 01.09.05).*

В состав слота «Бытовые игры» входят метафоры, относящиеся к играм, которые традиционно не считаются спортивными: это карточные игры, бильярд, домино. В результате метафорического переноса сфере-магниту, то есть немецкой политической реальности, приписываются черты, присущие сфере-источнику, то есть: азарт, риск, страсть и кураж. Ср.: ***Ставки** в этой избирательной кампании очень высоки (НГ, 14.09.05); В целом популярная внешняя политика **как козырь** правительства Германии не играет сейчас существенной роли (НГ, 12.09.05); Наступление левых **спутает все политические карты** на федеральном уровне (Известия, 02.02.08); Появление такой фракции в бундестаге может **перетасовать привычную партийно-политическую колоду** (НГ, 18.08.05).*

При описании политики Германии широко представлены метафоры, относящиеся к слоту «Командные спортивные игры». Эти образы отражают коллективный характер политической деятельности, а также передают определенный эмоциональный настрой, свойственный командным играм. Ср.: *Однако кабинет Шредера меньше всего напоминает сегодня **единую команду** (НГ, 31.05.05); Так что обыграть левых на их **«родном» социальном «проблемном поле» Штойберу не удалось (Вести, 23.09.02).***

В политике, как и в спорте, очень важно, кто преодолевает дистанцию первым. Метафорический образ забега, гонки, эстафеты, марафона помогает осмыслить быстроту и накал страстей проходивших в Германии выборов 2002 и 2005 годов. Поэтому столь широко распространены метафоры, которые относятся к слоту «Соревнования в скорости передвижения»: *Предвыборную гонку возглавляют христианские демократы, но правящие социал-демократы стремительно сокращают разрыв* (Вести, 13.09.05); *Оба основных кандидата – действующий канцлер Герхард Шредер и баварский премьер-министр Эдмунд Штойбер – шли «голова к голове»* (Вести, 23.09.02).

К данному слоту относятся также концепты *старт* и *финиш*. Ср.: *Финал германской предвыборной гонки* (заголовок в НГ, 16.09.05); *Тот старт, который был дан сегодня канцлером, дает основания полагать, что разговор пойдет интенсивный и принесет позитивный результат* (НГ, 16.06.2000).

Журналисты широко употребляют и метафоры, восходящие к иным видам спорта: тяжелой атлетике, спортивным единоборствам и др. Ср.: *Итогом закрытого заседания германской партии «Христианский социальный союз» стала новость о том, что один из главных тяжелолюбцев немецкой политики – премьер Баварии и председатель ХСС Эдмунд Штойбер вскоре завершит карьеру* (Коммерсантъ, 19.01.07); *Партия Шредера находится почти в нокдауне* (НГ, 18.08.05); *Пат на германских выборах* (заголовок в АПН, 19.09.05).

Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований» представлен двумя слотами. Языковые метафоры слота «Фавориты, лидеры, аутсайдеры» помогают дифференцировать участников определенной деятельности до подведения окончательных итогов. В анализируемом нами материале самым частотным компонентом данного слота оказался концепт «лидер». Ср.: *Пока Герхарда Шредера тоже нельзя исключать из списка возможных послевыборных лидеров Германии* (НГ, 24.05.05).

Языковые репрезентации слота «Победитель, призеры, неудачники» метафорически представляют итог деятельности терминологией спортивной жизни: выбором победителя, награждением призеров, признанием поражения. Ср.: *В январе 2002 года на партийных праймериз он без труда обошел председателя ХДС Ангелу Меркель. Казалось, вскоре Эдмунд Штойбер станет для немецких консерваторов вторым Гельмутом Колам. Но у него не вышло – выборы в бундестаг консерваторы*

проиграли (Коммерсантъ, 19.01.07); У Меркель **абсолютный рекорд**: прошло всего лишь 15 лет с тех пор, как она, физик по образованию и профессии, занялась политикой, стала министром в правительствах Гельмута Коля, лидером ХДС и в итоге федеральным канцлером ФРГ (НГ, 30.01.06).

Как видно из представленных материалов, спортивная метафора является одним из распространенных средств осмысления политических реалий Германии. Ярче всего концептуальный потенциал данной метафоры раскрывается при описании выборов и сопутствующей борьбы политических лидеров и партий, что является вполне закономерным, поскольку основным концептуальным вектором спортивной метафоры выступает соперничество, разграничение на «своих» и «чужих».

Еще одним продуктивным способом концептуализации немецкой политической действительности является военная метафора. Причину представления мирной жизни в терминах войны исследователи видят в том, что сущность политики заключается в борьбе за власть.

Анализ материала показал, что в структуре метафорической модели «Политика Германии – это война» присутствуют все основные фреймы и входящие в их состав слоты, традиционно выделяемые в данной сфере-источнике.

Распространенность употребления метафор, относящихся к фрейму «Война и ее разновидности», говорит о том, что современная политическая реальность Германии воспринимается российскими журналистами как военный конфликт, реализуясь в номинациях: баталия, схватка, реванш, бунт, бой и другие. Ср.: *За этими предупреждениями – негласная угроза самого канцлера уйти в отставку. На протяжении последнего года он не раз прибегал к такому маневру, чтобы прекратить «бунт» либо в собственных партийных рядах, либо в коалиции* (НГ, 17.10.03).

В составе фрейма «Военные действия» активизируется следующая терминология: глухая оборона, совершить маневр, форсировать подготовку, вторгаться, теснить, сражаться, занять позиции, оживление сил на фланге, прорыв. Политические реалии Германии, обозначенные данными метафорическими наименованиями, ассоциируются с агрессией, применением силы. Ср.: *Результаты земельных выборов в Гессене и Нижней Саксонии дали неожиданный результат: под напором левых христианские демократы сдают позиции.* (Известия, 02.02.08); *Но курс этот взят. Отступать правительству уже некуда* (НГ, 17.10.03).

Любая война – это прежде всего люди в их взаимодействии. Поэтому в составе фрейма «Участники войны» так активны слоты «Враги», «Союзники», «Жертвы», «Воинские подразделения», в соответствии с которыми субъекты политической деятельности Германии номинируются как реальные участники боевых действий – мятежники, союзники, заложники, жертвы, пленники. Ср.: *Канцлер прибыл на два дня в Шлезвиг-Гольштейн для предвыборной поддержки своих соратников* (НГ, 04.02.05); *Альтернативы действующей коалиции нет* (НГ, 21.01.08); *Тем не менее в лагере оппозиции нервничают, пожалуй, еще больше* (НГ, 09.14.05); *Однако «сильный ход Шредера» застал противостоящий ему политический лагерь врасплох* (НГ, 07.03.03); *Власть их противников – христианских демократов Гельмута Коля продлилась еще на восемь лет* (НГ, 27.09.07); *С общегерманской политической и парламентской арены в Берлине окончательно сходит «старая боннская гвардия»* (НГ, 06.09.02).

Поскольку внутренняя политика Германии представляется российскими журналистами как война, то начало и завершение разного рода действий, происходящих в рамках данной сферы, также интерпретируется в соответствующих этой тематике терминах. Поэтому так активен фрейм «Ход войны», к которому относятся слоты «Начало войны» и «Окончание войны». Особенно распространены следующие метафоры: развязать войну, втянуть в войну, объявлять войну, мобилизовать силы, победить, одержать верх, проиграть, капитулировать и т.д. Ср.: *Серьезная проблема для Шредера – мобилизация партии* (НГ, 18.08.05); *Ангела Меркель бросает вызов Шредеру* (НГ, 31.05.05); *Германия: победителя может и не быть* (Вести, 07.09.05); *Убеждать Эдмунда Штойбера уйти в отставку пришлось почти неделю. И лишь вчера утром сопротивление «баварского бульдозера» удалось сломить* (Коммерсантъ №5, 19.01.07); *Саарский Наполеон идет на Берлин* (НГ, 14.07.05).

Использованная в последнем примере метафора приобретает особую яркость в сочетании с интертекстуальностью.

Вне зависимости от того, каков исход войны, война несет разрушительные последствия. Входящие в состав фрейма «Последствия войны» метафоры (например, понести потери, нанести урон, уничтожение) передают негативную смысловую оценку происходящих в немецкой политической жизни явлений. Ср.: *Левая партия понесла тяжелый урон* (НГ, 19.09.06); *На взгляд приезжего россиянина, в этой стране все вроде бы в порядке, да и все материальные потери, которыми грозят столь беспокоящие немцев законопроекты, не отбросят людей в ни-*

щету (НГ, 17.10.03); *На выборах в Гессене христианские демократы потеряли абсолютное большинство в ландтаге* (Известия, 02.02.08).

Человечество за всю историю своего существования прошло через огромное количество войн. В разных культурах возникли и закрепились особые ритуалы, связанные с проведением войны. Использование когнитивных возможностей метафор фрейма «Воинские символы и атрибуты», таких, например, как подхватить знамена, равнение на знамя, победные марши, сигналить отбой – придает торжественность и пафос войны политическим реалиям Германии. Ср.: *Кох сделал главным предвыборным лозунгом борьбу с молодежной преступностью* (Известия, 02.02.08); *Знаменательным итогом прошедших выборов стал победный марш* *Левой партии* (Известия, 02.02.08); *Естественно, что команда Штойбера трубит «гром победы раздавайся»* (НГ, 05.08.02).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что милитарная метафора широко используется в качестве сферы-источника российскими средствами массовой информации для представления реалий внутренней политики Германии.

Для метафорического описания проблем, с которым сталкиваются немецкие власти, используются фреймы «военные действия», «последствия войны», «кисход войны» (в негативном значении) и слоты «жертвы», «враги», для которых характерен явный отрицательный концептуальный вектор. В результате адресату, российскому читателю, передается соответствующий этому способу концептуализации эмоциональный настрой.

Сопоставление рассмотренных метафорических моделей показывает, что спортивная метафора менее конфликтна, чем милитарная. В результате ее использования относящиеся к внутренней политике Германии процессы представляются на страницах российской прессы не в виде военного конфликта, а как спортивное состязание, то есть с меньшей степенью агональности. Однако данная модель воспринимается носителями русского национального сознания двояко: с одной стороны, все, что связано с концептами игры и спорта интересно и привлекательно, с другой – имеет негативный оттенок, обусловленный спецификой сферы-источника. А.П.Чудинов объясняет это тем, что игра изначально подразумевает имитацию деятельности, а не собственно деятельность, тогда как политика должна ориентироваться на высшие социальные ценности [Чудинов 2003]. Следовательно, используемая при моделировании образа Германии в российских средствах массовой информации метафора «спорт» ярко и образно передает присущий политической жизни Германии дух соперничества, но вместе с тем способствует фор-

мированию в русском национальном сознании негативного отношения к описываемым фактам действительности.

Таким образом, широкое использование военной и спортивной метафор российскими масс-медиа в метафорическом представлении внутренней политики Германии обусловлено прежде всего хорошим знанием соответствующих сфер-источников, актуальностью спортивных и военных реалий, присутствием в русском национальном сознании концептуальных векторов соперничества и характерным для него уважением к силе и славе. Кроме того, используемые в прессе концептуальные метафоры отражают сложившиеся стереотипы немецкой нации в русском национальном сознании: законопослушность (и как следствие – практическое отсутствие криминальных метафор) и милитаризм (в результате – преобладание образов, связанных с войной).

Литература

- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.
Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М, 2004.

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЕ (на материале российской и британской прессы)

Е.Д. Соколова

Ключевые слова: эмотивные высказывания, язык СМИ, средства эмотивности.

Keywords: emotive utterances, Media Language, emotive means.

Исследование эмоций в языке и речи является одним из актуальных направлений лингвистики. Изучаются типология эмотивных знаков, коммуникация эмоций, критерии эмотивности текста и его знаков, эмоциональная окраска текста и пр. Особый интерес представляет изучение национальной специфики выражения эмоций. Чем различаются русские и англичане в выражении эмоций в речи? Какие средства они для этого используют? Какие эмоции преобладают в русско- и англоязычной прессе? В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Материалом для исследования специфики выражения эмоций в русском и английском языках послужила газетная речь. Мы анализировали следующие издания: качественная пресса – Известия (Изв.), Литературная газета (ЛГ), The Times, The Guardian; «желтая пресса», таблоиды: Комсомольская правда (КП), Саратовский Арбат (СА), Телесемь, The Sun, the Daily Mirror. Выбор материала обусловлен тем, что в настоящее время СМИ «превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание» [Володина 2005, с. 37]. Кроме этого, изучение таких аспектов, как, например, язык СМИ и мышление, язык СМИ и общество и т.д. сейчас стало особо актуальным [Солганик 2005, с. 13].

Основная задача любого газетного текста, кроме информирования аудитории, – повлиять на читателя, заставить его принять какую-либо позицию [Кормилицына 2005, с. 16]; для этого у публициста есть эффективное «оружие» – эмоциональная тональность текста. Известно, что текстовые эмотивные средства, помимо выражения эмоций говорящего, играют еще одну немаловажную роль – они воздействуют на слушающего, усиливая эмоциональный эффект, производимый текстом. «Если целью автора является выражение своего эмоционального состояния или пожелание изменить эмоциональную установку адресата, побудить его к действиям, эмотивные средства начинают играть решающую роль» [Водяха 1995, с. 216]. Для создания эмоциональной тональности публикации российские и британские журналисты используют эмотивные высказывания (ЭВ). «Эмотивными являются такие высказывания, доминирующей иллокутивной силой которых является намерение говорящего выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к определенному положению дел во внеязыковой действительности, к самому себе, собеседнику или лицу, не участвующему в акте коммуникации, например: Кто бы мог подумать!» [Пиотровская 2004, с. 23]. Л.А. Пиотровская называет эмотивными только те высказывания, «эмоциональный план» содержания которых является результатом «сращения» синтаксиса, лексики и интонации [Пиотровская 1995, с. 15]. Мы же понимаем ЭВ более широко, причисляя к их классу собственно эмотивные и эмотивно осложненные высказывания. Собственно ЭВ мы называем коммуникативы, поскольку их назначение – исключительно передача эмоций, в отличие от остальных ЭВ, выражающих эмоцию в связи с передаваемой информацией. Коммуникативы – «нечленимые непредикативные высказывания, передающие разнообразные модусные значения, связанные с субъективной сферой адресата» [Колокольцева

2001, с. 44]. Известно, что коммуникативы употребляются в качестве эмоционального средства воздействия на собеседника с целью вызвать определенную эмоциональную реакцию либо заставить реципиента изменить свое мнение по обсуждаемой проблеме [Меликян 2001, с. 22].

– *Вас свела работа на НТВ?*

– **Что вы!** Мы уже 11 лет вместе. А на НТВ я пришла только в 2003 году (Телесемь, № 29, 2006);

You've reached for your cigarettes but with a heart stopping moment of pure, unbridled despair you've remembered that you made a pact with yourself on new Year's Eve to give up. [...] Food? Oh, dear, no. This is the time of year when you are on a diet (The Sun, 14.01.08).

Полагаем, собственно ЭВ являются ядром поля эмотивности в газетных текстах (в нашем материале они составляют 8,3 % и 7 % от общего количества ЭВ в российской и британской прессе соответственно).

Авторы газетных публикаций выражают эмоции не только при помощи коммуникативов, но и при помощи предикативных единиц (эмотивно осложненные высказывания). К таким мы относим предложения, оформленные «нейтральным» интонационным контуром, – риторические вопросы, парцелляцию, повтор, экспрессивно-оценочную лексику.

На наш взгляд, интонация является одним из ключевых признаков выражения эмоции, так как именно интонация задает эмоциональную окрашенность высказывания. *When the lights go down I think one of my eardrums actually bursts, but who cares – there's a show to watch!* (The Daily Mirror, 4.12.07); *Оператор с телевидения?! Я была раздосадована* (КП, 2–6 ноября 2006); *Весь ДК переливался праздничными огнями. Надувные Дед Мороз, снеговик, зайцы встречали гостей. Реквизиторы подавали «снежные хлопья» из шлангов и раздували огромными вентиляторами, так что уже через несколько минут нас «припоросило». Настоящая сказка!* (КП, 2–6 ноября 2006).

В нашем материале было найдено значительное количество риторических вопросов. Их цель не запрос информации, а выражение эмоционального состояния говорящего: «Экспрессивный потенциал вопросов такого типа заложен в самой сущности этой синтаксической фигуры: по форме это – вопрос, а по содержанию – утвердительное сообщение или утверждение» [Белик 1993, с. 138]. *It's true that self-criticism is always more effective than an outsider's observations. Let's be honest, how much real moral weight do Vladimir Putin or Mahmud Ahmadinejad carry when they decry American motives and actions?* (The Times, 19.10.07); *А Дюма продолжал писать несмотря ни на что. Он жил своими кни-*

гами и переживал за своих героев как за собственных детей. **А разве можно оспорить детей у отца?** (СА, № 30, 2006).

Эмоция автора часто передается при помощи экспрессивно-оценочной лексики. Существует мнение, согласно которому следует разделять эмотивность и экспрессивность текста – эмотивные средства употребляются для того, чтобы прежде всего выразить эмоцию говорящего, тогда как цель экспрессивных средств – оказать определенное влияние на адресата [Шаховский 1987, с. 52, 58]. Однако мы полагаем, что оценка и эмоция неразрывно связаны. Оценка любого вида «может сопровождаться субъективно-экспрессивным фактором, который связан с оценивающим субъектом и воплощается в виде эмоционально-оценочных коннотаций. При этом происходит как бы двойное оценивание (и рациональное, и эмоциональное), оценка получает эмоциональное усиление» [Ягубова 1995, с. 133]. *Up to 30 women and their kids share each cell at the squalid mosquito-infested Omdurman prison where cell temperatures hit a scorching 120° F* (The Sun, 30.11.07); *Так, изначально в качестве одной из важнейших мер было громогласно объявлено о прекращении банковских переводов из России <...> Но затем, уже тихо, сообщают о **поправочке**: банковские переводы, в отличие от почтового, железнодорожного и авиационного сообщения не отменяются – мол, все равно деньги будут переводиться через третьи страны, а наши банки зря потеряют доход...* (ЛГ, № 42, 2006).

Эмоции могут быть выражены при помощи повторов, парцелляции: *Дай бог, я ошибаюсь, и это не очередная кампания, которую можно по команде начать и так же по команде прекратить <...> Дай бог, решение наших ключевых проблем <...> будет реализовано, а не принесено в жертву неизвестному торгу* (ЛГ, № 42, 2006); *Чиновники говорят: мы ничего не изобретаем. Расходы контролируют везде. А интересно, где? Я искал. Безрезультатно* (Изв., № 226, 2006). О парцелированных и сегментированных конструкциях, повторах как маркерах эмотивности см.: [Труфанова 2003, с. 61].

В анализируемом нами материале есть примеры того, как журналисты употребляют несколько видов эмотивных средств в одном высказывании. Эта особенность ЭВ связана с природой самих эмоций, которые, по замечанию В.И. Шаховского [Шаховский 2004, с. 159], в тексте соседствуют друг с другом, переходят друг в друга, образуют «неразложимый суггестив», «текстовые знаки же фиксируют эту динамику, формируя плотное эмоциональное пространство текста». Примером подобного «сращения» эмотивных средств может служить цитата

из статьи Ю. Болдырева «Невидимые руки и священные коровы» (ЛГ, №42, 2006): *«Действительно: ну что мешало раньше заняться преступными авторитетами из Грузии? Добрые отношения с бывшей братской республикой? А рыночную мафию только теперь заметили?»* В данном примере автор использовал частицу, цепь риторических вопросов для выражения своего гнева, недовольства.

Среди важных черт национального характера русских обычно отмечают открытость, простодушие, способность к сочувствию, состраданию, тогда как англичан чаще всего описывают как сдержанных, холодных, чопорных людей. Проведенное нами исследование подтверждает данные стереотипы: в нашем материале в одинаковом количестве русско- и англоязычных публикаций было обнаружено 103 и 71 ЭВ соответственно. Наличие или отсутствие ЭВ в текстах современных печатных изданий определяется прежде всего характером издания, его политикой. Авторы, пишущие для качественных изданий, менее склонны выражать эмоции на страницах своих публикаций (7 % – показатель содержания ЭВ в российских изданиях, 4,8 % – в британских). «Желтые» издания предпочитают апеллировать к сфере эмоций читателя, нежели к его разуму: 12 % ЭВ было нами обнаружено в российской прессе и 6 % – в британской.

Можно предположить, что количество ЭВ в тексте зависит от жанра публикации. По нашим наблюдениям, наиболее эмоциональными оказались колонки, менее – интервью и аналитические статьи (см. таблицу 1).

Таблица 1

	Колонка	Интервью	Аналитическая статья
Российская пресса	18%	10,7%	7,7%
Британская пресса	13,6%	6,3%	5,7%

При описании эмоций, выражаемых на страницах современной прессы, мы использовали классификацию К. Изарда, выделявшего 10 фундаментальных эмоций: интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [Изард 1980, с. 8]. В российской и британской прессе преобладают следующие эмоции: интерес-волнение, гнев, удивление, презрение.

Интерес-волнение: *Я широко обнажила зубы, как на приеме у стоматолога. Мой избранник улыбнулся в ответ. Aaa!* (КП, 2–9 ноября 2006); *I cried when Geri left The Spice Girls. Yes, really.* (The Daily Mirror, 4.12.07); **гнев:** *Действительно: ну что мешало раньше заняться*

преступными авторитетами из Грузии? Добрые отношения с бывшей братской республикой? А рыночную мафию только теперь заметили? (ЛГ, № 42, 2006); *And where would the world get its daily media diet of horror stories about what a ghastly country the place is if its reporters weren't all comfortably pavillioned inside America, where they make a generous living happily devouring the hand that generously feeds them?* (The Times, 19.10.07); **удивление:** *Удача ждала меня около мебельных стендов. Смотрю – стоит позолоченная кровать <...> Подошла к смотрителю стенда попросить разрешения на фотосъемку. А он оказался владельцем фирмы! Разрешил прилечь на свой шедевр.* (КП, 2–6 ноября, 2006); *The mob makes dummies of the Pope, the local traffic warden or, in the town of Edenbridge this year, Cherie Blair, and hauls them to the local bonfires for immolation. (What has Cherie done to upset the Cathars of Kent?)* (The Guardian, 6.11.07); **презрение:** *И вылезает на экран очередной мыслитель с сентенциями типа «Волга впадает в Каспийское море» и месит свою жвачку про то, что сериал сериалу рознь.* (ЛГ, № 42, 2006); **отвращение:** *The sleaze probe is certain to taint Mr Brown's premiership.* (The Sun, 30.11.07).

Таблица 2

эмоция	русскоязычная пресса	англоязычная пресса
	Количество высказываний, выражающих эмоцию	
интерес-волнение	42	23
радость	7	5
удивление	25	4
гнев	12	11
отвращение	2	4
презрение	13	22
горе-страдание	2	2

Как мы видим из таблицы, эмоции страха, стыда, вины не представлены в английской и в русской газетной речи. Представлены минимальным количеством высказываний эмоции горя, отвращения, радости. Сравнивая русскую и английскую газетную речь, отмечаем, что по сравнению с английскими в русских печатных изданиях больше высказываний, выражающих удивление и радость, и меньше высказываний, выражающих отвращение (мы рассматривали высказывания 12 выборок).

Подводя итоги сказанному выше, мы можем сделать следующие выводы: как для русских, так и для англичан-журналистов характерно

желание повлиять на мнение читателя, побудить его к действиям, дать свою интерпретацию или оценку событий, окрашенную эмоциями. Для создания определенной эмоциональной тональности текста авторы российской и британской прессы используют такую единицу текста, как ЭВ. Эти ЭВ выражают преимущественно доминантные эмоции интереса, гнева, презрения.

Эмоции, выражаемые авторами российских и британских газет, сходны: в их текстах преобладают доминантные эмоции интереса-волнения, гнева, презрения, удивления. Российские авторы более склонны выражать свои эмоции, чем британские; и это связано, возможно, с различием национальных характеров англичан и русских.

Различны и способы выражения эмоций российских и британских авторов: так, в русскоязычной прессе мы находим больше ЭВ с такими маркерами эмотивности, как интонационное выделение, риторический вопрос; в англоязычной преобладают ЭВ с экспрессивно-оценочной лексикой.

Литература

- Белик Н.В. Риторический вопрос в современном французском разговорном языке // Исследования в области гуманитарных наук. – Орел, 1993.
- Водяха А.А. К вопросу об эмоциональной рамке высказывания // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.
- Володина М.Н. СМИ как форма «общественного диалога» // Язык современной публицистики. – М., 2005.
- Изард К. Эмоции человека. – М., 1980.
- Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. – Волгоград, 2001.
- Кормилицына М.А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2005.
- Меликян В.Ю. Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М., 2001.
- Пиотровская Л.А. Лингвистическая природа эмотивных высказываний: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.
- Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как результат межуровневых взаимодействий // Русский язык: Исторические судьбы и современность. Труды и материалы II международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2004.
- Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. – М., 2005.
- Труфанова И.В. Эмоции и речевые акты // Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2003.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
- Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. – Волгоград, 2004.
- Ягубова М.А. Оценки и эмоции в разговорной речи // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.

СТИЛИЗАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ И.Ф. АННЕНСКОГО

Т.В. Бердникова

Ключевые слова: стилизация, разговорная речь, поэтический текст, И.Ф. Анненский, поэтический диалог.

Keywords: stylization, colloquial speech, poetry, I.F. Annensky, poetical dialogue.

Отражение разговорных элементов в художественном тексте рассматривалось на примере драматических и прозаических произведений (М.Б. Борисова, Т.Г. Винокур, М.К. Милых, В.В. Одинцов, Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротина, А.П. Стельмашук и др.). В исследованиях же поэтического текста изучение функционирования элементов разговорной речи представлено ситуативными обращениями к данному аспекту (В.В. Виноградов, Б.М. Эйхенбаум, Г. Фрайдхоф и др.).

Изучение функционирования разговорной речи в поэтическом тексте имеет большое значение для определения жанровых особенностей лирических произведений (намеренной незавершенности высказывания, отсутствия одной из реплик и др.) и идиостилевых свойств диалога.

Новизна исследования заключается в определении функций разговорных элементов в поэтической речи, а также в изучении соотношения разговорных и книжно-поэтических фрагментов.

Представленность диалога в художественном тексте имеет свои особенности: формы разговорности изменяются и варьируются в нем в соответствии с авторским замыслом. Основным отличием диалога художественного от разговорного принято считать большую заботу о форме выражения в художественном и минимальную заботу – в разговорном диалоге.

«При этом – справедливо указывает О.Б. Сиротина – типичные для разговорной речи черты используются писателями как сигналы разговорности», но с этой целью могут привлекаться и «не только типичные для разговорной речи элементы», выступающие как «особые художественные приемы, создающие впечатление разговорности» (например, черты порядка слов) и выполняющие «характеризующую функцию» [Сиротина 1996, с. 157]. Именно этой точки зрения придерживаемся мы, используя термин «стилизация».

Хотя многие исследователи (О.Б. Сиротина, Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев и др.) отмечают, что в живой разговорной речи употре-

бляется не столько лексика с пометой «разговорное», сколько общеупотребительная лексика, мы исходим из того, что типологической для разговорной речи является не высокая частотность сниженных слов, а сама возможность их применения (Э.А. Столярова, Г.Н. Складаревская и др.), выделяющая разговорную речь на фоне книжно-письменных форм литературного языка и являющаяся типичной формой ее стилизации в художественных текстах. В поэтическом же языке эти приметы разговорности особенно значимы, так как на фоне малого объема отдельного стихотворного произведения даже в единичном употреблении приковывают внимание читателей своей стилистически сниженной природой.

Для поэзии Анненского характерно изображение потустороннего мира, трансцендентальных основ бытия, бессознательных и подсознательных состояний персонажей, мира снов и иллюзий. Поэт рисует два мира: идеальный и реальный, духовный и бездуховный. Реальный мир представлен «бытовыми» зарисовками (например, картина рынка), а также в изображении внутренней борьбы лирического героя с самим собой. Для наглядного изображения мира реального Анненский использует разговорные элементы, приближающие поэтический диалог к живому диалогу.

Разговорность текста у И.Ф. Анненского создается не только «бытовизмами», но и диалектизмами. Так, диалектное слово используется для социальной характеристики персонажа: – «*Ко мне пришел? А день какой?*» – «**Авторник**» [Анненский 1990, с. 151].

Сниженная лексика привлекается для характеристики социально-речевой среды: «*Покупайте, сударики, шарики! Эй, лисья шубка, коли есть лишни, Не пожалей пятишни...! Эй, тетка! Который торгуешь? Мал? Извините, какого поймал...! Бывает*» [Анненский 1990, с. 141].

Просторечное слово «*пятишни*», краткая форма прилагательного, имеющая просторечный характер («*лишни*»), обращение по предмету одежды («*лисья шубка*»), союз «*коли*», употребление глагольной формы «*торгуешь*» в просторечном значении ‘собраться купить что-либо (в знач. перех.)’ – все это характеризует не столько персонажа, сколько описывает ситуацию торговли на рынке, передавая зазывную рыночную речь.

В поэзии И.Ф. Анненского широко распространены и самые разнообразные черты разговорного синтаксиса, в том числе такие едва уловимые его особенности, как диалоги с начальным союзом *а*. По мнению Г. Фрайдхофа, в высказывании происходит «плавный» переход от функции союза *а* к функции частицы. При этом *а* как союз вводит вы-

сказывание и противопоставляет его предыдущему, а как частица передает степень неожиданности, важности. Союз выполняет роль введения высказывания, а также несет эмоциональную нагрузку: «Уж день за сторами. С туманом по земле/ Влекутся медленно унылые призывы.../ А с ним все душный пир, дробится в хрустале/ Еще вчерашний блеск, и только астры живы...// Иль это – шествие белеет сквозь листы?/ И там огни дрожат под матовой короной,/ Дрожат и говорят: “А ты? Когда же ты?”/ На медном языке истомы похоронной...» [Анненский 1988, с. 66]. Ср. также: «А вы все надо мною, ревнивые,/ Будто плачете дымчатым таяньем...» [Анненский 1988, с. 103].

Для стилизации разговорной речи И.Ф. Анненский использует междометие, основная функция которого передать оценку говорящего к событию или человеку: «Гляжу и мыслю: мир ему,/ Но нам-то, нам-то всем,/ Иль лок в ту смрадную тюрьму/ Захлопнулся совсем?// “Ах! Что мертвец! Но дочь вдова...” / Слова, слова, слова./ Лишь Ужас в белых зеркалах» [Анненский 1988, с. 78]. Лирического героя тяготит нахождение в доме покойника, его беспокоит положение дочери. Употребление междометия порождает экспрессию.

Для живой речи характерна начальная частица «ну», особенно при завершении разговора и прощании. Все стихотворение «Прерывистые строки» построено по принципу живой разговорной речи: открывает реплику частица «ну», далее следует эллиптически построенное описание времени встречи персонажей, тема разговора переходит на уровень межличностных отношений, что проявляется в обращении «дорогой», заключительная строка поддерживает разговорный колорит полной формой прилагательного в роли именной части сказуемого: «Ну, прощай до зимы,/ Только не той, и не другой,/ **И не еще – после другой...** / Я ж, дорогой,/ Ведь **не свободная**» [Анненский 1990, с. 155]. Особенно выразительно разговорность в этом тексте стилизуется двуступенчатым эллипсисом: сначала это опущение слова *зима* («не той и не другой зимы»), затем – упрощение, пропуски логических звеньев в передаче смысла: (*и не еще – после другой* – «и не после той зимы, которая идет еще за другой зимой»). Столь смелое разрушение синтаксических норм письменной речи при стилизации разговорности – редкое явление в поэтическом языке. Неслучайно предельно чуткий к тонким нюансам словоупотребления, И.Ф. Анненский подчеркивает разговорную организацию текста в названии стихотворения «Прерывистые строки».

Отражение разговорных элементов в поэзии И.Ф. Анненского представлено и сниженными морфологическими формами, например, разго-

ворно-просторечной формой деепричастия на *-вши*: «*А в сенях, поди, не жарко:/ Там, **поднявши**, воротник...*» [Анненский 1990, с. 66].

Элементы разговорной речи реализуются и на фонетическом уровне: звукоподражания (*кись-кись-кись, тсс*), просторечное прозвище (*гребэнки*) и др.: «*Тсс...ни слова...даль былого – но сквозь дым, / Мутно зрима...Мимо, мимо...И к живым!*» [Анненский 1990, с. 137]. Или: – «*Присядь же ты спокойно! **Кись-кись-кись...***» [Анненский 1990, с. 152]. Или: – «*Возьмите, Аннушка!*»/ – «*Да там еще на стенке / Видал записку я, так...*» / *Хороши **гребэнки!*** [Анненский 1988, с. 120].

Живая разговорная речь фразеологизирована. Фразеологизмы вторгаются и в речь героев Анненского. Будучи экспрессивными, они в то же время служат средствами экономии языковых средств: «*До завтра, – говорю тебе, – / Сегодня **мы с тобою квиты***» [Анненский 1990, с. 129].

Стилизация разговорной речи в поэзии Анненского представлена и фольклорными элементами. Стихотворение «Ванька-ключник в тюрьме» стилизуется под жанр русской народной песни: «***Цепочку позванивать / Прodelи у ноги, / Позванивать, подманивать: / “А ну-тка, убеги!”***» [Анненский 1988, с. 48]. Употребление уменьшительной формы существительного («*цепочка*»), приставки со значением ‘повторяемости’ – *-но, -под*, а также просторечного междометия «*ну-тка*» создает ощущение фольклорной песни.

Несмотря на то, что ряд текстов Анненского представляет собой сплошную стилизацию разговорной речи, активны и случаи вкрапления разговорных элементов в литературно-поэтическое повествование стихотворного текста.

В одном стихотворении нередко представлены и разговорные, и книжно-поэтические элементы, например, в стихотворении «Одуванчики»: «*За **ручкой ручку** белую/ Малютка отряхнет:/ “**Чуть ямочку** проделаю,/ Ее и заметет...// **Противные**, упрямые!”/ Молчи, малютка-дочь,/ Коля неприятны ямы им,/ Мы стебельки им прочь.// Вот видишь ли: все к лучшему –/ **Дитя**, развеселись,/ По холмику зыбучему/ Две **звездочки** зажглись»* [Анненский 1990, с. 101].

В стилизации разговорной речи в данном контексте участвуют и уменьшительные формы существительных («*ручка*», «*ямочка*», «*холмик*», «*звездочки*») просторечная лексема («*противные*»), и наряду с разговорными элементами обращение «*дитя*», придающее речи лирического героя возвышенный характер. Поэтизированное обращение к ре-

бенку связано с постоянным возвращением Анненского к теме детства, с трепетным отношением к образам детей и материнства.

Стилизация разговорной речи представлена по-разному у разных поэтов. По сравнению, например, с диалогами А.А. Ахматовой, которые носят драматический характер и в которых значительно активнее представлена стилизация разговорной речи, диалоги И.Ф. Анненского смелее по формам привлечения разговорных средств, по контрастности компонентов, по активности фольклорных элементов, а также сугубо разговорных, ненормативных элементов.

В лирике Анненского, «медитативной», склонной к разделению внутреннего «я» лирического героя, стилизация разговорной речи служит основой представления мира реального.

Литература

- Анненский И. Стихотворения и трагедии. – Л., 1990.
Анненский И. Избранные произведения. – Л., 1988.
Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. – М., 1996.
Фрайдхоф Г. Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. – München, 1995.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова и их переводов на английский язык)

Н.В. Малышева

Ключевые слова: трансформированные фразеологические единицы, способы перевода, поэтический текст.

Keywords: phraseological transformations, ways of translation, poetry.

Поэтические тексты предъявляют особые требования к переводу: сохранение образных средств оригинала, соблюдение стихотворной рифмы, размера строки. На этом фоне фразеологизмы с их ярко выраженными экспрессивными свойствами, идиоматичностью, национально-специфичным характером (всем тем, что делает их излюбленными языковыми средствами поэтов и писателей, так как позволяет в краткой форме передать целый комплекс дополнительной экстралинг-

вистической информации) представляют подчас непреодолимое препятствие для достижения адекватного перевода.

Если вопрос, касающийся перевода фразеологизмов, в какой-то степени определен, то проблема перевода фразеологических трансформаций остается во многом спорной. Преобразования фразеологической единицы могут носить как нормированный, так и ненормированный характер. В статье рассматриваются **фразеологические трансформации**, которые определяются нами как *ненормативные* изменения во внешней и / или внутренней сторонах фразеологического знака, способствующие повышению экспрессивности, в некоторых случаях изменению коннотативной окраски. Нормативные, кодифицированные словарем преобразования не являются предметом нашего исследования, так как отражают функционирование фразеологических единиц (ФЕ) в контексте. Внимание реципиента «царапает» необычная форма преобразованного фразеологизма. Представляется, что подобный же эффект должен иметь и перевод трансформированных фразеологических единиц (ТФЕ) на носителей языка перевода.

Поскольку проблемы перевода фразеологических единиц обсуждались в литературе достаточно подробно, мы лишь кратко перечислим основные положения, которые связаны, во-первых, с уточнением критериев, на основании которых перевод ФЕ оценивается как адекватный / неадекватный, и правомерностью использования нефразеологических способов перевода при передаче фразеологических единиц на другой язык, во-вторых.

Согласно мнению сторонников формальной адекватности перевода, перевод должен соответствовать переводимому тексту как в плане содержания, так и в плане выражения. Иначе говоря, метафора должна передаваться на иностранный язык метафорой, а фразеологическая единица – фразеологизмом. Нам представляется, что данная точка зрения является несостоятельной в практическом плане. В.Н. Комиссаров, сторонник коммуникативной концепции, указывает на то, что любое явление языка может быть переведено на другой язык «при изменении способа ее описания благодаря универсальному характеру отношений между языком и экстралингвистической реальностью» [Комиссаров 1980, с. 74].

В связи с этим логично поднять вопрос о правомерности использования нефразеологических способов перевода (покомпонентного, дескриптивного, контекстуального). У каждого из перечисленных способов есть недостатки: дескриптивный обычно лишает перевод точности

и сжатости, ведет к многословности и приближительности; в результате контекстуального перевода «всегда получается нейтральный, довольно бесцветный заместитель оригинала» [Влахов, Флорин 1980, с. 93]; покомпонентный позволяет сохранить оригинальную образность ФЕ, однако требует подстрочного разъяснения, что не всегда удобно в тексте, особенно поэтическом. Мы считаем, что вопрос заключается не в том, какой из приемов лучше или хуже, а какой приведет к наилучшему результату в каждом конкретном случае.

Что касается критериев эквивалентности фразеологических единиц, явившихся прототипом для трансформированных образований различных видов в русском и английском языках, мы придерживаемся точки зрения Е.Н. Арсентьевой [Арсентьева 1989]. Эквивалентность ФЕ оценивается в трех аспектах: семантическом, структурно-грамматическом и компонентном. Семантический уровень является основным. На нем разграничиваются сигнификативно-денотативное значение ФЕ, субъективно-оценочная, функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная коннотации. Структурно-грамматический уровень предполагает сравнение структурных моделей ФЕ, основанных на типах свободных словосочетаний, как присущих обоим языкам, так и специфичных для каждого из сопоставляемых языков. На компонентном уровне выявляются тождественные, близкие по семантике или родственные элементы в составе сопоставляемых фразеологизмов.

Е.С. Грянкина считает, что при сопоставлении фразеологизмов разных языков, помимо внутренней формы и образности, большую (а подчас и центральную) роль играет структура фразеологизма. Такие признаки, как семантические параметры, переосмысление, мотивированность / немотивированность, экспрессивные и стилистические характеристики, по мнению лингвиста, оказываются несущественными для практических исследований с привлечением носителей языка [Грянкина 2004]. Однако при анализе эквивалентных ФЕ мы не можем отказаться от экспрессивности и стилистической коннотации.

Выделение дополнительных критериев эквивалентности (тип зависимости компонентов, характер лексического состава, характер морфологического оформления компонентов [Федуленкова 2004, с. 20–22]) считаем нецелесообразным.

Приемы трансформации фразеологических единиц обстоятельно изучены в работах многих лингвистов, в частности в исследованиях А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко [Мелерович 1997] и Т.В. Пономаревой [2001]; трансформации фразеологических единиц на материале произ-

ведений В.С. Высоцкого рассмотрены В.П. Изотовым [1994], О.И. Литвинниковой [2000]; В.С. Высоцкого и Л.А. Филатова – Н.В. Малышевой [2005].

В нашем исследовании используются переводы В. Высоцкого и Л. Филатова, опубликованные в Интернете [Filatov; Vysotsky]. Обращение к электронным ресурсам обусловлено отсутствием печатных изданий переводов. Мы нашли лишь отдельные стихотворения В.С. Высоцкого на английском языке, польском, финском и французском языках; переводы произведений Л.А. Филатова не издавались вовсе. Материал исследования составил 128 произведений, переведенных на английский язык.

Для анализа из произведений исследуемых авторов отбирались отрывки, содержащие корреляты ФЕ и ТФЕ (368 единиц). Из них 22,6 % составили переводы фразеологическими единицами, 73,7 % – переводы нефразеологическими средствами. 4 % от общего количества анализируемых фразеологизмов и их переводов представляли собой пропуски ТФЕ, возникающие при отсутствии коррелята ФЕ в соответствующем миниконтексте на английском языке. В некоторых случаях отказ от перевода был обусловлен поэтическим характером произведений. Необходимо отметить, что при анализе учитывался только состав трансформированной фразеологической единицы, хотя подчас модальность или какие-то другие характеристики различались в оригинале и переведенном отрывках.

Результаты выборки были разделены на две группы:

- 1) перевод фразеологическими единицами с отражением трансформации;
- 2) фразеологический и нефразеологический приемы перевода без использования трансформации.

Предметом данной работы являются переводы, относящиеся к **первой группе**. Итак, переводы ФЕ фразеологическими эквивалентами, частичными эквивалентами и фразеологическими аналогами, содержащими тот же тип трансформации, что и ТФЕ в оригинальном поэтическом тексте, расцениваем как идеальные. Необходимо отметить чрезвычайную редкость данного явления, когда переводчик смог преодолеть затруднения, связанные с различиями языковых систем и отсутствием фразеологического коррелята, и справиться с рифмой и ритмом стихотворного отрывка (6,5 %).

В некоторых случаях при трансляции идиомы на другой язык используется тот же образ, что и в оригинальной единице. Например: *лечь*

бы на дно, как подводная лодка [Высоцкий 2000, с. 55] – *I wish I could sink, like a sub, to the bottom*. Трансформация идиомы *идти ко дну* в приведенном отрывке происходит за счет **замены** глагольного компонента и **расширения** компонентного состава при добавлении сравнительной конструкции *как подводная лодка*, в результате чего значение фразеологизма преобразуется из ‘1) тонуть (утонуть); 2) терпеть неудачу; 3) нравственно опускаться’ [Тихонов 2003, с. 67] в «спрятаться, затаиться куда-либо, чтобы никто не смог нарушить покой». Образ ТФЕ очень ярок и прозрачен. В переводе используется фразеологический эквивалент *go to the bottom*, с аналогичными трансформациями – заменой компонента и расширением.

В следующем примере трансформация во фразеологизме представлена **инверсией** *кровь голубая* (ср., *голубая кровь*); в английском языке присутствует полный эквивалент русской идиомы *blue blood* в значении ‘аристократическое происхождение’ [Кунин: 2005, 90].

Хоть ты – <i>кровь голубая</i> ,	Perhaps your <i>blood is blue</i> ,
Хоть ты – <i>белая кость</i> ,–	Your <i>bones might be white</i> , –
Вот родится Он, и знаю –	He will be born, but I know
Не пожалует Христос!	That he ain't no Christ!
[Высоцкий 2000, с. 67]	

Инверсия отражена за счет изменения конструкции словосочетания – с атрибутивной на предикативную. Интересным представляется тот факт, что идиомы *голубая кровь* и *белая кость* синонимичны. Однако в английском языке они не дифференцируются, в силу этого при переводе второй идиомы (*белая кость*) переводчик прибегает к покомпонентному приему трансляции значения.

Следующий случай представленности трансформации при переводе иллюстрирует прием **расширения**:

...В заповеднике крепко мнение,	The opinion grew in the game preserve
Что дороже всех медведей и лис –	That more precious than Foxes, Wolves
<i>Дорогой Козел отпущения!</i>	or Bears
	Is <i>the priceless old Billy-Scaping-Goat</i> .

[Высоцкий 2000, с. 332]

В примере на русском языке происходит трансформация ФЭ *козел отпущения* путем расширения компонентного состава лексемой *дорогой*, включающей семы ‘стоящий больших денег; милый, любимый; близкий сердцу; ценный’. В отрывке на английском языке изменение

передано при помощи добавления лексем *priceless* (бесценный; милый, забавный) и контаминацией двух фразеологизмов *old Billy goat* и *scape goat*.

Наполнение модели иными лексемами как способ преобразования фразеологизмов затрагивает идиомы с легко восстанавливаемой исходной формой (например, *кто не пьет, тот и не ест* – *кто не работает, не ест* [Высоцкий 2000, с. 270]). В переведенном отрывке данной ТФЕ соответствует *he, who doesn't work, doesn't eat*.

Рассмотрим подробнее перевод: *стояли рядом – просто к борту борт* [Высоцкий 2000, с. 176] – *next to each other, hull to iron hull*. Трансформация *к борту борт* образована от ФЕ *плечом к плечу / голова к голове* и не меняет значение идиомы ‘рядом, совсем близко’. Задача преобразования на английском языке происходит при сохранении структуры фразеологизма (ср. коррелирующие фразеологизмы *shoulder to shoulder / head to head*), но лексемы, входящие в компонентный состав, иные: *hull to iron hull* (букв. ‘корпусом к железному корпусу’).

Комплексная трансформация представлена в отрывке: как бы так угадать, чтоб *не сам*, чтобы *в спину ножом* [Высоцкий 2000, с. 286]. В идиоме *всадить нож в спину* в значении ‘совершить предательский поступок, предательское поведение по отношению к кому-либо’ [Тихонов 2003, с. 172] произведены следующие изменения: усечение, инверсия, внутренние морфологические преобразования и экспликация внутренней формы (актуализатор – *не сам*). При передаче ТФЕ на английский язык используется фразеологизм *to stab in the back* в значении ‘нанести предательский удар, всадить нож в спину’, трансформированный в некоторой степени: *I'd rather be stabbed / Than decease just like that in my bed*. Перевод актуализатора *in my bed* (букв. ‘в своей кровати’), несмотря на использование иной лексемы, нежели в оригинале, передает сему ‘умереть своей смертью от старости и / или болезней’.

Анализ переводов трансформированных фразеологических единиц позволил сделать следующие выводы:

1. Перевод ТФЕ фразеологическими эквивалентами и аналогами является наиболее адекватным, поскольку позволяет сохранить образ фразеологизма, несущего не столько информацию о номинируемом объекте, сколько экстралингвистическую информацию и эмоционально-оценочную коннотацию. Отражение трансформации, в свою очередь, повышает эмоциональное и экспрессивное воздействие на читателя перевода.

2. При наличии в языке перевода фразеологизма-коррелята возможно отразить структурные типы трансформаций (инверсию, рас-

ширение, усечение компонентного состава, добавление / опущение частицы *не*), некоторые типы структурно-семантических преобразований (замена компонента, наполнение модели иными лексемами). Однако немаловажную роль играет уровень языковой подготовки переводчика: его способность увидеть ФЕ в оригинале, его компетентность во владении языком перевода.

3. Дальнейшая работа над исследованием специфики перевода нам видится в проведении психолингвистического эксперимента с привлечением англоговорящих информантов с целью определить, насколько тот или иной тип перевода является предпочтительным для носителя языка.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань, 1989.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе – М., 1980.

Высоцкий В. Избранное: Стихотворения и песни. – Ростов-на-Дону, 2000.

Грянкина Е.С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка (на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе): дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004.

Изотов В.П. Материалы к «Словарю индивидуально-авторских слов В.С. Высоцкого» // Высоцковедение и высококоведение: сборник статей. – Орел, 1994.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М., 1980.

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц. – М., 2005.

Литвинникова О.И. Фразеология в литературно-художественном стиле В.С. Высоцкого // Мир Высоцкого: Иссл. и материалы. Вып. III / Сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербаква; ГКЦМ В.С. Высоцкого. – М., 2000.

Малышева Н.В. Фразеологические трансформации в произведениях В. Высоцкого и Л. Филатова // Дальний Восток: наука, экономика, образование, культура в XXI веке: опыт, прогноз. – Комсомольск-на-Амуре, 2005. – Т. 2.

Мелерович А.М., Мокшенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М., 1997.

Пономарева Т.В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001.

Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М., 2003.

Федуленкова Т.Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск, 2004.

Филатов Л. Про Федота-стрельца, удалого молодца. – М., 2001.

Filatov L. The Tale of Soldier Fedot, the Daring Fellow. A fairy tale for stage performance (based on the Russian folklore). – [Электронный ресурс] Speaking in Tongues. The magazine of literary translation. – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/filatov.html> (12.11.07).

Vysotsky V. Translations into English. – [Электронный ресурс] Vladimir Vysotsky. The Songs. – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/vv/eng/songs/> (12.11.07)

**КОНЦЕПТ ЖИЗНЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

С.В. Щербицкая

Ключевые слова: концепт «жизнь», ценностная составляющая концепта, региональная языковая личность.

Keywords: concept «Life», evaluation concept, regional individuality.

Актуальность исследования национально-культурной специфики картины мира признана в последнее время мировой наукой и практикой. Все больше в научных работах сознание человека соотносится с его языковым сознанием, эффективно применяются методы ассоциативных экспериментов (Ф.Е. Василюк, Е.И. Горошко, А.А. Залевская, В.А. Пичальникова, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева и др.).

Проблема связи языка и культуры, языка и общества берет свои истоки в исследованиях В. Фон Гумбольдта, Г. Штейнтала, А.А. Потебни и других ученых. Однако эта проблема остается актуальной до сих пор. Появились такие науки, как этнолингвистика и лингвокультурология, широко используются термины «языковое сознание», «концепт», «языковая личность», «языковая картина мира» и т.д.

В настоящее время лингвокультурология нацелена на изучение новой системы ценностей, выдвинутой современной жизнью общества. Появилась необходимость сравнить культуру русских людей и «новых русских» людей, найти различия в их жизненном укладе, в их психологическом состоянии, спроецированных на язык. Это обусловлено тем, что на территории нашей страны произошли изменения идеологического характера, повлекшие за собой перемены и в мировоззрении, в сознании народа, иным образом функционирует общество, по-другому смотрят на мир дети, появившиеся на свет в последние несколько лет. Лингвокультурология, изучая глубинный уровень семантики, соотносит значение культурно детерминированных единиц с концептами общечеловеческой, национальной или региональной культуры, выявляя их сходство и различия. Это положение лежит в основе большинства исследований лингвокультурологического характера. Исследования на стыке лингвистики и культурологии являются в настоящее время не только актуальными, но и носят прикладной характер.

Чаще всего такие исследования представляют собой описание лингвокультурных концептов. Ю.С. Степанов, например, выделяет из их числа «константы», то есть те понятия, которые являются постоянными, устойчивыми для русской культуры: «Правда», «Закон», «Любовь», «Жизнь», «Душа», «Знание», «Мир», «Время», «Огонь и вода», «Хлеб», «Письмо, алфавит», «Слово», «Язык» и т.д. [Степанов 1997]. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его *концептосферу*. Любой концепт – это элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире и в качестве такового связан со всем множеством других, действительных или возможных, «систем мнений», отражающих взгляды на мир. Представление о мире – это интерпретация, осмысление, чем и обусловлен его индивидуальный характер. Особенности любого этноса заключаются в его отражении мира, в его *ментальности*. «Отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, то есть те составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов 1990, с. 111]. О.Г. Почепцов выделяет также «языковую ментальность» – «соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением» [Почепцов 1990, с. 111]. Через язык можно понять и эксплицировать содержание концептосферы, а значит, и особенности сознания личности и целого языкового коллектива. Под миром в определении языковой ментальности исследователь понимает не только окружающий человека мир, но и мир, создаваемый человеком, находящийся в полной зависимости от него. Если считать концепт вербализованным ментальным образованием, культурно значимым для того или иного народа, то и изучать его следует как определенный знак.

Перечислим некоторые из распространенных методов изучения концепта: 1. Метод анализа сочетаемости слов, выражающих концепт, то есть «составление перечня употребления слова-концепта в разных текстах лингвокультуры» [Гоннова 2003]. Лексическая сочетаемость конкретного слова – важный показатель природы лингвокультурного концепта. Примеры употребления в речи слова, в котором выражен концепт, обнаруживают его сочетаемость с иными концептами в семиотическом пространстве национального языка. 2. Метод анализа словарных дефиниций. В определениях часто сконцентрирована важная характеристика концепта. 3. Метод этимологического анализа. Эти методы активно используются лингвокультурологами и психолингвистами (см., например, исследования: [Вильмс 1997; Бабушкин 1996; Максимов 2000;

Гоннова 2003 и др.]). В последнее время для изучения концептов также активно используется метод ассоциативного эксперимента, различные опросы, анкетирование и т.п. В данной работе использованы лингвистический эксперимент (анкетирование), сопоставительный, описательный методы, приемы концептуального и стилистического анализа.

Концепт «жизнь» занимает центральное место среди лингвокультурных концептов в связи с тем, что содержащиеся в нем наивные представления являются экзистенциально значимыми как для конкретного человека, так и для всей нации в целом. Концепт «жизнь» входит в ядро языкового сознания русских. Несмотря на то, что некоторые аспекты данного концепта уже освещены в работах исследователей [Антология концептов 2005; Ипанова 2004; Степанов 1997], ассоциативное поле данного смыслового образования именно по данным регионального материала с учетом комплексной методики еще не было представлено.

В структуре концепта традиционно выделяется четыре составляющих: 1) понятийная составляющая, включающая концептуальные признаки; 2) образная составляющая (например, концептуальные метафоры); 3) значимостная составляющая, включающая коммуникативно-значимую информацию (парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи); 4) ценностная составляющая, благодаря которой вскрываются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2001; Воркачев 2002]. Для нас наиболее важной является последняя, четвертая составляющая, так как именно она и раскрывает прикладной аспект изучения концептов.

Приведем фрагмент исследования концепта «жизнь» на региональном материале.

Для сбора материала были использованы тетради диалектологических экспедиций Картотеки диалектной и топонимической лексики Алтайского государственного университета. Для анализа было отобрано около 200 суждений о жизни старожиллов края (мужчин и женщин в возрасте от 60 до 89 лет), проживающих в сельской местности более двадцати лет. Пожилые жители Алтайского края на вопрос о том, какой им представляется жизнь, неизменно начинают описывать прошлое, настоящее и реже – будущее:

Раньше совсем по-другому все жили. Раньше и ругались совсем иначе. Сейчас идешь по селу, а налево и направо молодежь матюгается. Раньше бы со стыда сгорели! (Кислицын С.Я., 88 лет, Солоне-

шенский район); *Сейчас же вы живете, девочки, хорошо. Сейчас только жить и жить. Я сейчас хвалю, жизнь хорошия стала. У нас вон в деревне стройка какая, какие дома! А мы вот под соломенной крышей жили* (Столбова Т.И., 76 лет, Каменский район); *Будет жить страшно. Хорошего ждать нечего. Вот как наших дедов, прадедов гоняли расстреливать, опять это же будет. Ведут себя люди плохо, будут за все рассчитывать потом* (Солонешенский район, 1991).

В суждениях подобного типа реализуется представление о жизни как о временном отрезке, характеризующемся определенными свойствами: хорошо, плохо, страшно и т.д. Интересно, что при обозначении отрезка времени хоть и ограниченного смертью, сама лексема «смерть» не употребляется, она передается через «жизнь»:

Сейчас конечно лучше стало, намного лучше. Пенсию платят, все дают. А нам теперь жить мало осталось, так там и отдохнем (Бурькина П.А. 82 года, с. Солонешное).

Часто появляется понятие «тот свет»: *Как интересно жизнь человека кончается: Когда война была, так я как будто на том свете была. А сейчас – наоборот, как будто на этом свете* (Мухлынина А.Г., 78 лет, Каменский район); *Всю жизнь себя успокаиваю: на этом свете работают, а на том свете – высыплются* (Шелаболихинский район).

Рассказывая о своей жизни, пожилые люди всегда упоминают работу, труд: *Вообще, я всю жизнь трудился, с самого детства так было. Если человек не трудится, то он не человек. Ведь что такое праздник? Это когда работа окончена* (Кислицын С.Я., 88 лет, Солонешенский район); *Всю жизнь только и знали что работали. Ни дня, ни проходного, ни выходного не было. Отец был труженик. К нему из соседних деревень приходили валенки катать* (Шумилова Ф.В., 85 лет, Солонешенский район); *Да как мы жили.... Мне было 6 лет, а я уже работала на скирдовке хлеба, уже снопы таскала, а не ходила, не филонила, как сейчас дети, до 15 лет могут не работать. Мы все умели делать, а сейчас – ничего дети не умеют* (Шелаболихинский район).

Подобные примеры реализуют представление о жизни как о постоянной тяжелой работе. Способность трудиться является одной из самых важных характеристик не только жителей Алтайского края, но и всех русских людей. «Труд меня воспитывал. Мне некогда было хулиганить», – говорит один из информантов (Кислицын С.Я., 88 лет, Солонешенский район).

Необходимо заметить, что часто суждения о жизни содержат мировоззренческие установки:

Бог создал мир таким, чтобы все могли в нем жить. Каждая букашечка с пользой живет. Ничего просто так не существует. Мир состоит из земли, воздуха, воды и жизни (Нечешин И.М., 72 года, с. Залесово); *В жизни Бог помогает. Он ее дает, он ее и отбирает. А вообще Бог нужен для того, чтобы люди свою веру могли направить на кого-то. В бога верю, но в церковь не хожу. У меня дома свой уголок с иконкой* (Греслетова В.А. 72 года, Тюменцевский район).

Однако таких примеров немного (из 172 контекстов всего 24 содержат информацию о Боге, душе и т.д.). Большое место среди рассуждений о жизни занимает тема войны. При этом важно подчеркнуть, что вспоминают пожилые люди не только отрицательное о войне (голод, смерть и т.д.), но и положительное: *Последний тулуп с незнакомцем каким-то разделили, когда в тыл ехали* (Безденежных Н.Д., Бийский район); *Во время войны как жили? Ну, мучились, конечно. Казалось, никогда больше жизни не будет, всю войну выстрадали, голодали, замерзали, смотрели, как мрут другие люди* (Кислицын С.Я. Солонешенский район); *Во время войны учились все всё равно, да еще усерднее, чем обычно* (Юрьева Н.В., Солонешенский район); *Во время войны люди отзвучивее были, ничего не жалели друг для друга, потому что жизнь такая была* (Колесникова Н.М., Каменский район); *Тогда каждый друг к другу как к брату относился, по-доброму, по-человечески. Так-то никто ничем друг другу помочь не мог, так хоть добрым словом, взглядом ласковым согреет* (Бурькина П.А., Солонешенский район).

Из приведенных примеров следует, что духовная составляющая респондентами оценивается положительно, а материальная (пища, холод) отрицательно. Жизнь связывается с «чем-то хорошим» только по отношению к прошлому. При этом слова «счастье», «солнце» вообще не употребляются пожилыми информантами, что, вероятно, можно объяснить наличием опыта именно отрицательного характера.

Таким образом, из всех суждений пожилых людей о жизни можно выделить основные направления:

- ЖИЗНЬ – временной отрезок, имеющий свою оценку;
- ЖИЗНЬ – работа, труд;
- ЖИЗНЬ – война.

Промежуточными, неосновными направлениями можно считать такие важные фрагменты жизни, как «семья», «праздник».

Полученные результаты были сопоставлены с данными другой возрастной группы респондентов. Перед исследователем встал вопрос: совпадают ли представления о жизни у пожилых жителей Алтайского

края и у молодежи, проживающей к тому же не только в сельской, но и в городской местности? Для ответа на эти вопросы был проведен лингвистический эксперимент в форме анкетирования, включавший в себя две составляющие: жителям г. Барнаула и Алтайского края моложе 30 лет предлагалось ответить на вопрос, какие понятия у них ассоциируются со словом «жизнь», определить, что для них жизнь и с какой целью они живут. Учитывались также социальные характеристики информантов: пол, возраст и место жительства (город или село). Всего было получено 159 высказываний. Результаты эксперимента отражены на рисунке.

Основными направлениями рассуждений о жизни молодых людей являются следующие:

- ЖИЗНЬ – любовь, счастье;
- ЖИЗНЬ – работа, карьера, деньги;
- ЖИЗНЬ – некое мистическое явление.

Таким образом, по данным опроса в сознании молодых жителей Алтайского края жизнь связывается прежде всего с любовью, счастьем, светом, солнцем и семьей. Для старшего же поколения жизнь хороша только в сравнении с прошлым, однако, как указывалось ранее, в прошлом отрицательно оценивается материальная составляющая жизни (пища, одежда, жилище), а духовная составляющая имеет положительную оценку (отношения между людьми, религиозная составляющая).

	ЛЮБОВЬ – 21	
	СЧАСТЬЕ – 17	
СВЕТ, солнце – 13		СЕМЬЯ, дети, ребенок – 13
	РАБОТА, трудности, заработок, карьера, деньги – 10	
ДВИЖЕНИЕ – 8		СМЕРТЬ, болезнь – 8
	РАДОСТЬ – 7	
	РОЖДЕНИЕ – 5	

Рис. Понятия, ассоциированные с лексемой «жизнь»

Интересно отметить, что в ответах молодых людей большое место занимают так называемые «мистические объяснения». Например, жизнь часто сравнивается с «пучком света во вселенной», с «дорогой, проложенной в небо», жизнь – «это дар божий» и т.д. Это является сви-

детельством того, что духовное, потустороннее интересует молодых людей все больше. Труд также является значимой категорией, но уже находится на втором месте и приобретает «финансовую окраску», его проявления – это карьера, заработок, деньги и т.д. Сознание человека молодого и человека пожилого во многом различаются. Конфликт «отцов» и «детей» на ценностном уровне подтверждается и нашим исследованием лингвокультурного концепта «жизнь». В перспективе предполагается исследовать также тексты эпистолярного жанра, содержащие суждения о жизни жителей нашего региона (авторов писем в редакции, журналистов и др.).

Итак, исследования лингвокультурологического характера имеют большое значение для познания не только народа в целом, но и возрастных, и гендерных, и территориальных разновидностей социума в пределах одного этноса. Полученные в ходе анализа результаты могут быть использованы в качестве основы для создания методических рекомендаций по изучению культуры, быта, языка и истории Алтайского края.

Литература

- Антология концептов в 2–х томах. – Волгоград, 2005.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
- Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
- Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
- Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании. – Волгоград, 2003.
- Ипанова О.А. Ядро концепта «жизнь» (на материале современной публицистики и художественной литературы // Русский язык и литература как отражение национально-культурного развития. – СПб., 2004.
- Ипанова О.А. Жизнь // Антология концептов – Волгоград, 2005. – Т. 2.
- Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001.
- Максимов Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.
- Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце 20 века: итоги, тенденции, перспективы. – М., 1999.
- Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира. // Вопросы языкознания. – 1990. – №6.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
- Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998 – №3.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ОСТРОВНОГО НЕМЕЦКОГО ГОВОРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

М.С. Смоля

Ключевые слова: грамматические категории имени прилагательного в островном немецком говоре, словоизменительная парадигма имени прилагательного, унификация падежной системы в островном немецком говоре.

Keywords: the adjective's grammatical categories in the island german dialect, inflexion adjective's paradigm, unification of the case system in the island german dialect.

На относительно небольшой территории Алтайского края представлены различные островные немецкие говоры. Оказавшись в положении иноязычных языковых островов, эти говоры начали развиваться особыми путями. В результате изоляции от основного языкового коллектива в них сформировался целый ряд специфических языковых особенностей.

В изучаемом островном немецком говоре п. Михайловский Су-етского района Алтайского края имя прилагательное имеет четыре грамматические категории: род, число, падеж, степень сравнения и две формы: полную (изменяемую, флективную) и краткую (неизменяемую, нефлективную). В диалектной системе немецкого языка выделяется три рода (мужской, средний, женский), два числа (единственное и множественное) и три падежа (именительный, дательный и винительный). Родительный падеж имен прилагательных подвергся синтаксическому вытеснению, как и у имен существительных.

Полная (изменяемая, флективная) форма имени прилагательного может быть грамматически выразительной в том случае, если она носитель и показатель рода, числа и падежа согласуемого с ним имени существительного. Сильный тип склонения имен прилагательных представлен его полной грамматически выразительной формой. Характерные для имени прилагательного окончания в единственном числе приведены в следующей таблице:

	M	N	F
Nom.	-э, Ø	-э, -эс, Ø	-э
Dat.	-э	-э, -эс	-э
Akk.	-э	-э, -эс, Ø	-э

Приведенная схема демонстрирует преобладание нейтрального -ə в парадигме сильного типа склонения имен прилагательных в островном немецком говоре изучаемого диалектного ареала. Наиболее ярко грамматические категории рода, числа и падежа имени существительного выражаются именем прилагательным в именительном падеже всех трех родов. Краткая (неизменяемая, нефлективная) форма имени прилагательного представлена в именительном падеже мужского и среднего родов единственного числа и в винительном падеже среднего рода. В остальных случаях предпочтение отдается полной грамматически нейтральной форме имени прилагательного. Хотя во всех трех падежах средний род имени прилагательного может быть маркирован его окончанием -əs.

Приведем ряд примеров.

В атрибутивном словосочетании предложения [*in ti hɛlə [ɪtʊp in ti mit [te:t a:n krouəsɐr hɛlzənər rundər tsu mitak:sən ti]*] *In der Mitte des hellen Zimmers steht ein großer runder Holzesstisch* грамматические категории имени существительного представлены именем прилагательным благодаря его окончанию -er. В данном случае неопределенный артикль не является маркером грамматических категорий ни имени существительного, ни согласуемого с ним имени прилагательного: [*a:n*] – *ein* может относиться как к мужскому роду именительного и винительного падежа, так и к среднему роду именительного или винительного падежа. Определить род позволяет личное окончание имени прилагательного. Имя прилагательное имеет форму единственного числа, мужского рода, именительного падежа.

В следующем примере [*tas lipt kantsəs famidjə a:x jetst*] *Das liebt ganze Familie auch jetzt* функцию грамматического показателя выполняет собственно прилагательное. Оно выражает род, число, падеж имени существительного: единственное число, средний род, именительный падеж. Данные грамматические категории маркированы окончанием имени прилагательного -əs.

В словосочетании [*krouəs ordnuŋ*], являющимся составной частью предложения [*in jedərəm krouəs prɑ:də houp va:r imər krouəs ordnuŋ*] *In jedem großen breiten Hof war immer große Ordnung*, грамматические категории имени существительного и согласуемого с ним имени прилагательного маркированы окончанием прилагательного -ə. Последнее приобретает в таком сочетании форму единственного числа, женского рода, именительного падежа, совпадающую с дательным и винительным падежом женского рода.

Следующий пример [ʃɒn ʃeɪnə e:pəlspraʊm hʊn mɛr kropt fi:lə ræfə si:sə epəl] *Von schönem Apfelbaum haben wir viele reife süße Äpfel gesammelt.* Демонстрирует употребление имени прилагательного в форме единственного числа, мужского рода, дательного падежа. Предлог [ʃɒn], являющийся аналогом предлога «von» литературного немецкого языка, требует употребления объекта в дательном падеже и выступает, таким образом, в качестве лексико-грамматического уточнителя. Имя прилагательное приобретает нейтральное окончание –ə.

Предложение [ɪn krouəs ʃeɪnəs tɑ:f vɑ:rn fi:l ʊfro:r] *In großem schönem Dorf war viel gefroren.* Представлено словосочетанием [ɪn krouəs ʃeɪnəs tɑ:f]. Предлог «in» несет пространственное значение и требует употребления именных частей речи в дательном падеже, но имя прилагательное, выступая в форме единственного числа, среднего рода, дательного падежа, получает окончание –əs, которое типично для именительного и винительного падежа.

В следующем примере [al hʊn kvɔʊnt ɪn kla:nə ʃtʊp] *Alle haben in kleinem Zimmer gewohnt* имя существительное и согласуемое с ним имя прилагательное принимают форму единственного числа, женского рода, дательного падежа, но имя прилагательное получает нейтральное окончание –ə.

В предложении [mɛr hʊn ʊns əl ksetst hɪnchən lɑŋgə ti] ʊf lɑŋgə pɑŋk] *Wir alle haben uns an langen Tisch auf lange Bank gesetzt* представлено два атрибутивных словосочетания, в которых имена прилагательные и существительные употребляются без артикля, то есть без сопровождающего слова. В обоих атрибутивных словосочетаниях имя прилагательное имеет полную грамматически невыразительную форму с нейтральным окончанием –ə, не выражая числа, рода и падежа.

В словосочетании [tæɪtʃəs ezə] из предложения [tæɪtʃəs ezə hɛn mɛr ə:x ɔft kɔxt] *Deutsches Essen haben wir auch oft gekocht* полная грамматически выразительная форма имени прилагательного выполняет назначение лексико-грамматического уточнителя: единственное число, средний род, винительный падеж (что подтверждается структурой предложения), сильный тип склонения демонстрируются окончанием имени прилагательного –əs.

Полная (изменяемая, флективная) форма имени прилагательного может рассматриваться как грамматически невыразительная (нейтральная), употребляемая после определенного артикля и характеризующаяся типичным и преобладающим нейтральным окончанием –ə.

	M	N	F
Nom.	-ə	-ə	-ə
Dat.	-ə	-ə	-ə
Akk.	-ə	-ə	-ə

Представленная словоизменительная парадигма имени прилагательного в единственном числе по слабому типу склонения имен прилагательных демонстрирует полное совпадение форм имени прилагательного во всех падежах и родах. Значит, процесс унификации падежных форм имени прилагательного закончен. Имя прилагательное не является в данном случае носителем и показателем грамматических категорий имени существительного. Такую функцию выполняет сопровождающее слово – лексико-грамматический уточнитель.

Приведем ряд примеров.

Атрибутивное словосочетание предложения [*ter kantsə sumər var ariç varm*] *Der ganze Sommer war wirklich warm* содержит определенный артикль [*ter*] – *der*, являющийся маркером грамматических категорий рода, числа и падежа имени существительного и согласуемого с ним имени прилагательного: единственное число, мужской род, именительный падеж.

Предложение [*tas va:r tas pestə esə uf tem kaldə vintər*] *Das war das beste Essen im kalten Winter* включает в себя два атрибутивных словосочетания. В обоих словосочетаниях грамматические категории имени прилагательного и соответственно имени существительного маркированы лексико-грамматическим уточнителем – определенным артиклем. В словосочетании [*tas pestə esə*] определенный артикль [*tas*] *das* имеет форму среднего рода единственного числа. Имя прилагательное [*pestə*] *beste*, употребленное в превосходной степени, выступает в полной грамматически невыразительной форме, что подтверждается наличием нейтрального окончания -ə. Во втором словосочетании определенный артикль [*tem*] *dem* является показателем единственного числа, мужского рода (в данном случае), дательного падежа. Имя прилагательное [*kaldə*] *kalten* принимает нейтральное окончание -ə.

Пример [*nox tem [starhə lanhə rehə koumt ti helə varmə sunə raos]*] *Nach dem starken langen Regen kommt die helle warme Sonne raus* содержит словосочетание [*nox tem [starhə lanhə rehə]*]-*nach dem starken langen Regen* и словосочетание [*ti helə varmə sunə*]-*die helle warme Sonne*. Данные словосочетания характеризуются употреблением определенно-

го артикля в качестве лексико-грамматического уточнителя. В первом словосочетании определенный артикль *[tem]-dem* и предлог *[nox]-nach* (требующий употребления объекта в дательном падеже) являются показателями единственного числа, дательного падежа, в данном случае мужского рода. Прилагательные *[starhə lanhə]-starken, langen* выступают в полной грамматически невыразительной форме, приобретая нейтральное окончание -ə. Во втором словосочетании единственным носителем грамматических категорий имени существительного *[sunə]-Sonne* и согласуемых с ним имен прилагательных *[helə varmə] helle warme* является определенный артикль *[ti]-die*, выражающий в данном случае единственное число, женский род, именительный падеж. Форма имен прилагательных соответствует словоизменительной парадигме имени прилагательного по слабому типу склонения, что маркируется нейтральным окончанием -ə.

В атрибутивном словосочетании следующего примера *[in unsərəm krouəsə [einə tof va:rn fi:l kinər] In unserer großen schönen Dorf gab es viele Kinder* в качестве маркера грамматических категорий имени прилагательного, одновременно имени существительного, выступает притяжательное местоимение *[unsərəm] unserer*, демонстрирующее форму единственного числа, среднего рода, дательного падежа. Имя прилагательное, выраженное полной грамматически невыразительной (нейтральной) формой, приобретает при этом нейтральное окончание -ə и представляет словоизменительную парадигму имени прилагательного по слабому типу.

В атрибутивном словосочетании предложения *[mər hun kvoʰnt in a:nər kla:nə [stʊp] Wir haben in einem kleinen Zimmer gewohnt* роль лексико-грамматического уточнителя выполняет неопределенный артикль *[a:nər]-einer*, который, будучи употребленным после пространственного предлога *in*, показывает единственное число, женский род, дательный падеж. Прилагательное выступает в полной грамматически невыразительной (нейтральной) форме с окончанием -ə.

В предложении *[mər hun tən krouəsə hʊŋgər] Wir hatten den großen Hunger* атрибутивное словосочетание содержит определенный артикль *ten den*, определяющий грамматические категории имени прилагательного. Имя прилагательное выражено полной грамматически невыразительной формой и изменяется по слабому типу склонения имен прилагательных, приобретая форму единственного числа, мужского рода, винительного падежа.

Следующий пример *[tes hun mər kló:sə ufs anrə jo:r] Das haben wir auf das andere Jahr gelassen* содержит атрибутивное словосочетание,

в котором лексико-грамматический уточнитель – определенный артикль единственного числа, среднего рода, в данном случае винительного падежа. Имя прилагательное имеет полную грамматически нейтральную форму и приобретает окончание -ə.

В атрибутивном словосочетании следующего примера [*mɛr hun pomidory in ti varmə* [ʃtʊp kle:t] *Wir haben die Tomaten in das warme Zimmer gelegt* в качестве лексико-грамматического уточнителя выступает определенный артикль [ti] *die*, который демонстрирует употребление полной грамматически нейтральной формы имени прилагательного с типичным окончанием -ə в единственном числе, женского рода, винительного падежа.

Во множественном числе словоизменительная парадигма имени прилагательного выглядит одинаково и для сильного, и для слабого типов склонения имени прилагательного:

Nom.	-ə
Dat.	-ə; -ən
Akk.	-ə

Как видно из таблицы, во множественном числе имя прилагательное, употребленное в полной грамматически невыразительной форме, приобретает нейтральное окончание -ə во всех падежах, что свидетельствует о полном завершении процесса унификации падежных форм имени прилагательного во множественном числе. В дательном падеже присутствует окончание -ən. Во множественном числе отмечается отсутствие разграничения грамматически выразительных и грамматически невыразительных форм имени прилагательного.

Рассмотрим ряд примеров.

В атрибутивном словосочетании [*ti* [ʃeinə krouə kildənə feldər] примера [*fri:ər varn ti* [ʃeinə krouə kildənə feldər] *Früher waren die schönen großen goldenen Felder* в качестве лексико-грамматического уточнителя выступает определенный артикль [ti], употребленный во множественном числе. Прилагательные приобретают нейтральное окончание именительного падежа множественного числа -ə.

В словосочетании [*mit klaenən kumən*] из предложения [*mɛr hun kardovəl mit klaenən kumən gəkoxt*] *Wir haben Kartoffel mit kleinen Gurken gekocht* отсутствует фактический лексико-грамматический уточнитель. Однако предлог *mit* берет на себя роль показателя грамматических категорий именных частей речи, в данном случае имени прилагательно-

го. Такой предлог требует употребления объекта в дательном падеже. Прилагательное [*klaenən*] выступает в полной форме во множественном числе дательного падежа.

В следующем примере [*mer hun kraenə epəl kɛ:zə*] *Wir haben grüne Äpfel gegessen* в атрибутивном словосочетании отсутствует лексико-грамматический уточнитель. Структура предложения показывает, что прилагательное в полной форме, обладающее окончанием -ə, употребляется в винительном падеже множественного числа.

В данном говоре, как и в целом ряде других немецких диалектов [Нидерквель 1978; Панкрац 1968; Кузьмина 1961] обнаруживается тенденция к выравниванию полной грамматически выразительной формы имени прилагательного по аналогии с полной грамматически невыразительной, то есть обладающей нейтральным окончанием -ə.

Разработанные схемы позволяют сделать вывод о том, что в обследуемом островном немецком говоре п. Михайловский словоизменительная парадигма имени прилагательного по сильному типу склонения во многом приближается к словоизменительной парадигме по слабому типу.

Основной причиной устранения особенностей флексии, упрощения падежной системы при слабом типе склонения имен прилагательных и во множественном числе является смешение говоров и переход от синтетических способов выражения синтаксической связи в словосочетании к аналитическим. В результате смешения различных говоров падежная система островного немецкого говора унифицируется. Таким образом, имя прилагательное в островном немецком говоре п. Михайловский Суетского района Алтайского края обладает рядом морфологических особенностей, которые являются результатом влияния иноязычного окружения и внутриязыковых факторов.

Литература

- Кузьмина А.И. Говор деревни Камыши и особенности процесса его сложения и развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1961.
- Нидерквель О.Э. Морфология имени прилагательного в верхнегессенском говоре Омской области // Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. – Омск, 1973.
- Панкрац Г.Я. Нижнегерманский диалект в СССР (фонетика, словообразование, формообразование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1968.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ОППОЗИЦИИ *СВОЙ-ЧУЖОЙ*
(на материале лексики эвенкийского языка)**

Е.В. Меркина

Ключевые слова: лексика эвенкийского языка, оппозиция «свой-чужой», этническое сознание.

Keywords: the Evenk lexicon, «Domestic/Foreign» opposition, ethnic consciousness.

Для лингвистики второй половины XX века характерен повышенный интерес к исследованию взаимосвязи языка и духовной жизни нации, что послужило основанием к становлению лингвокультурологии – «научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой речи национальный язык, материальную культуру и менталитет» [Телия 1996, с. 216]. Лексика выступает в роли пласта, насыщенного культурной информацией о жизни народа, отражающего различного рода отношения с представителями другого этноса, тем самым фиксирующего свое и чужое.

В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают *свои* и *чужие* когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [Сорокин 1994, с. 27–29]. Оппозиция *свой-чужой* как постоянный принцип культуры существует в основе этнического самосознания, формирует коллективное, массовое, народное мироощущение [Степанов 2001, с. 84, 126–143].

Иными словами, культурная константа *Свой-Чужой* составляет основу амбивалентной функции культуры и одновременно является дифференцирующим и интегрирующим признаком этноса.

В системе бинарных оппозиций, лежащих в основе модели мира, культурная константа *Свой-Чужой* занимает особое место. По словам Ю.С. Степанова, это обусловлено тем, что она «является исторически более новой, не получившей однозначного решения. Это связано с тем, что рассмотрение противопоставления требует обращения к особенностям мировоззрения этноса», а также с тем, что «эта сфера такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением сознания» [Степанов 2001, с. 127].

Окружающая действительность воспринимается человеком прежде всего как пространство и классифицируется на основе архетипи-

ческих представлений о его структуре с помощью оппозиций *верх-низ*, *правый-левый*, *близкий-далекый* и т.п. Модель мира развивается и усложняется в результате категоризации природного и социального пространства на основе еще одного ряда бинарных оппозиций: *жизнь-смерть*, *природа-культура*, *мужской-женский*, *старший-младший* и т.п. [Топоров 1997, с. 5].

Как отмечают исследователи, «осознание *особости*, *отдельности* актуализирует универсальную семантическую оппозицию *свой-чуждой*, которая может интерпретироваться в социальном, конфессиональном, территориальном планах. При этом представитель этнического самосознания осознает свою принадлежность к определенной группе (семье, деревне, нации), к определенной территории (пространство дома, деревни, края) и т.д. Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя *свое* – обжитое, понятное, от *чужого* – далекого, неизвестного, осознавая при этом личную причастность к миру, в котором он живет» [Серебрянникова 2000, с. 149].

Универсальная модель этих отношений включает общность в социальном отношении, принадлежность к вероисповеданию, среде обитания, что находит экспериментальное подтверждение при исследовании лексики эвенкийского языка и отражается в его лексической системе.

Эксперимент по определению национальной специфики в структуре константы *Свой-Чужой* проводился в два этапа среди 30 представителей эвенкийского этноса без учета возрастных, социальных и гендерных особенностей в местах их компактного проживания на территории Амурской области (с. Первомайское и с. Усть-Нюкжа Тындинского района).

Первый этап был направлен на выявление реального содержания константы в сознании эвенков и осуществлялся посредством метода субъективных дефиниций. Испытуемым предлагалось продолжить фразу: «*свой* – это...; *чужой* – это...».

На втором этапе определялись условия перехода единиц одной группы в другую. Реципиенты должны были назвать ситуации, когда *свой* становится *чужим*.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, занимающие наиболее важное место в сознании испытуемых.

В результате анализа субъективных дефиниций нами выявлены компоненты значения культурной константы. *Чужой* для представи-

телей эвенкийской народности – это в первую очередь *дальний (далекий) (5), который сделает тебе плохо (4), человек, которого не знаешь (3), который все время ходит злой и раздражительный (3), который не понимает (3)*, то есть человек, который не обладает национально-психологическими и коммуникативными особенностями данного этноса. К уже перечисленным можно добавить еще ряд значений: *соседи (2), с которым не общаешься (2), которого не понимаешь (2), плохой (2), которого не знаешь, а если знаешь, то плохо (1), не близкий по общению (1), которому не можешь поверить (1), другого рода (1)*, – позволяющих выявить несоответствие по кровной принадлежности, эмоциональным свойствам.

В противоположность чужому *своими* являются *родной (родители) (6), родственники (4), близкие по душе (4), друг (друзья) (4), хорошо знакомые (3), человек, который тебя понимает (3), если ему можно верить (3), тот, который все время со мной (3)*.

В лексической системе эвенкийского языка зафиксированы следующие наименования для обозначения людей подобного рода: *мутңи, мэнңи* ‘свой’, *акāде* ‘сородич’, ‘дядя’; *албату* ‘родня’, ‘сородичи’, *дя, хā* – ‘1) кровный родственник, сородич; 2) друг, товарищ’; *андагй* ‘спутник’, ‘друг’, ‘товарищ’; *андакчāн* ‘дружок’; *гё II* ‘друг’, ‘товарищ’; *хэнгэ II* ‘товарищ’; *дерки* ‘друг’, ‘товарищ’ и т.д.

Определенная степень родства, соответствие по родовому признаку, наличие дружественных отношений не являются константными признаками в определении принадлежности к *своему*, поскольку различные ситуации – а к таковым относятся *предательство; обида; когда пожадничает; когда поругаешь, что сделал неправильно; обман; ссора и непонимание; когда не помогает* и т.д. – способны изменить данную принадлежность на полярную.

Ситуация межэтнического общения также позволяет выявить своеобразие самосознания представителя той или иной нации, где происходит деление на *наших* и *не наших* путем противопоставления *своего* и *чужого*. Как отмечает В.Н. Топоров, «каждый народ – осознанно, полусознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [Топоров 1997, с. 5].

Представители психологической антропологии определяют противопоставления своего и чужого по нюансам психики и выделяют ряд

национально-психологических особенностей, по которым определяют своего-чужого: «мотивационно-фоновые особенности, интеллектуальные особенности, познавательные особенности, эмоциональные особенности, волевые особенности, коммуникативные особенности» [Столяренко В.Е., Столяренко Л.Д. 2004, с. 212–213].

Неисчерпаемым источником изучения мировосприятия является анализ фольклорных источников и запись речи людей, находящихся в относительной замкнутости и сохранивших свои представления о мире и отношении к нему посредством неписаных правил и запретов. Компактность проживания, удаленность от крупных населенных пунктов, сохранение традиционного уклада жизни, опирающегося на взаимодействие человека и природы и настороженное отношение к человеку, чем-либо отличающемуся от них – основные черты, характеризующие эвенков как этнос. Территориальная и мировоззренческая «отстраненность» позволяет говорить о наличии когнитивной оппозиции *свой-чужой* в этническом сознании.

Лексическая система эвенкийского языка отражает данное явление через лексемы, определяющие *чужого* человека по этнической принадлежности: *луча, лбча, русской, люча* ('русский'); *коряк* ('коряк'), *чукча* ('чукча'), *грек* ('грек'), *грузин* ('грузин'), *ненец* ('ненец'), *американец* ('американец'), *нанай* ('нанай', 'гольд'), *юраки* – ('название енисейских эвенков'), *япэн Сх* ('японец'), *яко* – ('якут'), *эвэнцу* Дж, Слмд, З (Ам) ('эвенкийка') и т.д. Нужно отметить, что существование дуплетных форм (эвенкийской лексемы и русской, заимствованной в состав лексической системы эвенкийского языка) при обозначении представителя другой национальности – это свидетельство более тесного взаимодействия эвенков с данными этносами. К таковым можно отнести: *гилэкэ* ('гиляк'); *бореимнй* ('бурятка'); *борейнгун* ('бурят'); *луча, лбча, русской, люча* ('русский'); *эвэн* ('эвен') и т.д.

Территориальная и социальная отчужденность передаются через имянарекание и репрезентируется именами-этнонимами: *Чукчэкэн* (от *чукча* 'чукча'), (*Баргйдак* (от *барги* 'с того берега'), *Маталак* (от *мата* 'чужеродец'); *Маманак* (от *манми* 'с собой', 'свой'), *Дюдүвүл* (от *дюдүви* 'у себя, дома') и др.; социальными характеристиками: *Бэлэден*, *Болодён* (от *бэлэ* 'помощник'), *Абулāk* (от *абулдяран* 'бедная'), *Догордус* Ие ('друг', 'товарищ') и др.

Язык выполняет *социоидентифицирующую, социопознавательную, социоразличительную* функции. Согласно В. фон Гумбольдту, человек «очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто

говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая все человечество на два класса – свой и чужой – есть основа всякой первоначальной общественной связи» [Гумбольдт 1985, с. 399]. Отсутствие духовного родства становится причиной неприятия человека с позиции несоответствия устоявшемуся стандарту – стереотипу.

В отечественном языкознании в качестве основной оценки сложившейся оппозиции принята точка зрения Л.Н. Гумилева, который на первый план выдвигает стереотип поведения этноса, а не язык и происхождение как основу противопоставления и определения этноса для него самого и отделения *чужого*: «феномен этноса это и есть поведение особей, его составляющих» [Гумилев 1992, с. 142]. Г.В. Старовойтова отмечает: «Эти данные заставляют нас прийти к выводу, что обыденное этническое сознание довольно отчетливо разделяет этноспецифические модели поведения и “глубинные” этнопсихолингвистические особенности (черты характера и т.п.). При этом поведение (наряду с языком общения), здравый смысл относятся к внешним этническим свойствам, утрата которых еще не ведет к окончательной потере этнической идентичности; ее основы коренятся глубже» (цит. по: [Степанов 2001, с. 128]).

Постоянное стремление найти отличительные черты не только в поведении, но и в поступках *хунтэкэ* ('чужого человека'), *хунту* Дж, Слмд, З (Ам) 1) 'другой', 'иной'; 2) 'чужой' находит отражение в словарных статьях: *Эр экума-вал хунту бэе бичэн* 'это был какой-то чужой мужчина'; *Би-кэ хунту бисим* 'ведь я посторонний', *хунтулду эвкэ ивуврэ* 'посторонним вход воспрещен'; *Эду хактырама, тарит хунтул буручивкил* 'здесь очень темно, поэтому чужие падают', а также *во фразеологизмах*: «*Эвэнкй – кэт чикэнин кэтэ, луча-кэт чикэнин кэтэ* 'на свете много разных людей' (по национальности); *Сү д'улэхун – сунни, бу д'улэвун – мундү бигин* ('Вы делайте по-своему, мы – по-своему', досл.: 'Вам перед – ваш, наш перед пусть у нас будет'); *Д'ур халгалкән, д'улакин дэрэлкэн урәнкай эвэнкй бивкй-вёт* ('Бывает настоящий (истинный) эвенк', досл.: 'Двуногий, с голым лицом уранкай-эвенк бывает')» и т.д. [Варламова 1986].

Чужой (*буварваңкур* С-Б 'чужестранец' (букв. 'заморский'; *поуту* Мнгр 'иностранец'; *москваган* 'житель Москвы') может отличаться и по внешним признакам: *каптама* 'плоский'; *каптама онгокточй* разг. 'плосконосый' (так называют себя эвенки в противоположность *игоним онгокточй* 'длинноносый' – о русских); *нгбним онгокточй* – разг. 'длинноносый' (прозвище для русских в противоположность *каптама*

онгокточй ‘плосконосый’); *Ичэнэв* – *бэйдук хуңту*: *умун ёһачй*, *умун халгачй* ‘посмотрел (я) – (он) по сравнению с человеком иной: с одним глазом, с одной ногой’.

Родовая принадлежность эвенков, несмотря на соответствие по этническому принципу, может быть положена в основу разделения на *наших-не наших* и появления следующих элементов характерологической лексики: *нимак* ‘человек из другого рода’, ‘чужеродец’; *мата* – 1) ‘чужеродец’; 2) ‘сосед’, ‘гость’; 3) ‘незнакомец’; *кари* I Нрч ‘чужой’, ‘неизвестный’; *баргиган* Дж, З (Ам), Слدم – ‘жители на противоположной стороне реки’; *хулгак* Дж, З (Ам), Слدم ‘сосед по дому’ и т.д. И, как следствие, появление фразеологических единиц: *Таварвахин курт-так чэчэтин!* (‘Да это же человек из рода Куртак’); *Ёма бугалдук иснэрэн?* (‘Откуда родом? Откуда взялся?’ Досл.: ‘Из какой земли пришел’).

Оппозиция *свойственности-чуждости* как составляющая картины мира эвенков, наряду с дихотомиями *человек-природа*, *человек-соплеменники*, складывается из следующих отношений: соответствие-несоответствие по территориальному, социальному признакам; соответствие-несоответствие этнического самосознания и поведения; наличие степени родства и дружественных отношений; духовной близости или ее отсутствия при сохранении аксиологической направленности.

Исследователи указывают на аксиологическую составляющую оппозиции *свой-чужой*: «Выраженный аксиологический характер константы *Свой-Чужой*, по-видимому, обусловил ее особое место в модели мира на аксиологической оси. Социальный и природный миры, прежде всего, категоризируются на *свой* и *чужой*, причем содержание образа *свой* может варьировать в зависимости от того, что включено в образ *чужой*, иными словами, можно полагать, что первичным (исходным), детерминирующим содержание образа *свой* является содержание образа *чужой*. В этом смысле образ *свой* является вторичным, подчиненным образу *чужой* одни и те же составляющие могут разномерно входить и в тот, и в другой образ» [Марковина, Васильченко 2005, с. 217].

Оппозиция *свой-чужой* несет выраженную аксиологическую направленность: *свое* – значит хорошее, правильное, естественное, необходимое, *чужое* – наоборот. Таким образом, оппозитивность межкультурного диалога проявляется в эксплицитном или имплицитном стремлении участников коммуникации защитить свои «точки зрения», совместить и согласовать *свое* и *чужое*, зачастую исходят из недооценки *чужого* и переоценки *своего* [Сорокин 1994, с. 3–9]. Тем самым «то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах –

воспринимается как странное, чуждое / чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, то есть делает межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным» [Марковина, Васильченко 2005, с. 217].

Литература

- Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск, 2000. – Ч.2: Р–Я.
Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск, 2000. – Ч.1: А–П.
Варламова Г.И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. – Новосибирск, 1986.
Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка. – М., 1958.
Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – СПб., 1992.
Марковина И.Ю., Васильченко Т.А. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура. – М.; Калуга, 2005.
Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск, 2004.
Серебренникова А.Н. Деление на «своих» и «чужих» по этнической принадлежности (лингвокультурологический аспект) // Филологические исследования. – Томск, 2000.
Сорокин Ю.Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994.
Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.
Столяренко В.Е., Столяренко Л.Д. Антропология – системная наука о человеке. – Ростов-на-Дону, 2004.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. – М., 1996.
Топоров В.Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов // Славяноведение. – 1997. – №1.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗНОВОЗРАСТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

С.Н. Сафронова

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, разновозрастное сотрудничество, педагогическое общение, уроки русского языка.

Keywords: uneven-age cooperation, anthropocentric paradigm, pedagogical communication, the Russian language classes.

Методологической основой преобладающего большинства лингвистических и методических исследований конца XX – начала XXI века стали антропоцентрические идеи Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова. Идеи,

базирующиеся на личностно ориентированном обучении и воспитании (И.С. Якиманская), на экологичности и здоровьесберегающей среде образовательного пространства (В.Ф. Базарный), на индивидуализации учебно-воспитательного процесса в контексте терапевтической дидактики (И.Н. Зайдман) широко востребованы и в образовании. Современная школа ставит задачи, связанные с практической направленностью образовательного процесса: развитие у учащихся навыков общения, самообразования, самоконтроля, формирование внутреннего опыта, проявляющегося в готовности к сотрудничеству, способности к созидательной деятельности, умении вести конструктивный диалог.

Как важный резерв приобретения учащимися социального опыта и естественное соединение обучения и воспитания в личностно ориентированной парадигме образования можно рассматривать идею разновозрастного учебного сотрудничества. Зародившись очень давно, оно практиковалось в течение двух тысяч лет и всегда понималось как обязательная составляющая процесса обучения.

Если считать, что обучение – процесс передачи знаний и опыта, то разновозрастное сотрудничество появилось вместе с первыми людьми, являясь естественной частью жизнедеятельности человека.

Известно, что еще в древней Спарте, Китае, Индии, Риме старшие мальчики помогали своим наставникам учить младших. «Люди учатся, обучая!» – таков смысл знаменитого высказывания Сенеки. Конфуций утверждал: «Если учиться в одиночестве, не имея товарищей, кругозор будет ограничен, а познания скудны».

Разновозрастное учебное взаимодействие нашло свое отражение прежде всего в Западных педагогических системах. Европейская школа в средние века была основана на принципе многодетной семьи: более взрослые дети учили и воспитывали младших. А в начале XIX века Европу буквально захлестнула методика разновозрастного обучения, которую наиболее полно воплотили Э. Белл и Д. Ланкастер в английской тьюторской системе. Они впервые в истории педагогики предприняли попытку описания обучения, построенного на принципе сотрудничества детей разного возраста. Джозеф Ланкастер и Эндрю Белл достоинством «своей новой системы» считали экономию средств и способность обучать большое количество детей при наличии нескольких педагогов.

В начале XIX в России Белл-ланкастерская система привлекла внимание как дешевый способ обучения в начальных училищах. Для изучения опыта в Англию были командированы доктор Гамель, Ф.И. Буссе, А.Г. Ободовский, К.Ф. Свенске, М.М. Тимаев. Перенятая форма органи-

зации обучения сначала стихийно возникла в некоторых воинских частях, но вскоре приобрела политическую окраску: она использовалась для антикрепостнической пропаганды в деятельности «Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения» и поэтому просуществовала недолго (1818–1825).

В США до 1930 года большинство детей обучалось в разновозрастных группах от 5 до 15 лет вследствие нехватки помещений.

В современных образовательных системах Запада разновозрастное обучение (в иностранной литературе встречаются другие названия: *мультिवозрастное, межвозрастное, смешанно-возрастное, неклассифицированное*) практикуется во Франции, Англии, Америке, Канаде в таких системах, как Дальтон-план, Виннетка-план, Монтессори-педагогика, школа Френе, Йена-план, «открытые школы», метод проектов У. Килпатрика. Эти системы имеют ряд общих положений: относительная свобода выбора при большей степени самостоятельности учащихся, опора на развитие личности, использование межвозрастного общения в обучении и воспитании.

В отечественной педагогической, психологической, методической литературе как синонимичные употребляются термины **разновозрастный / межвозрастный** (Л.В. Байбородова, Г.А. Цукерман, С.В. Киселева, Т.В. Лаптева, М.М. Батербиев, Е.И. Павлова и др.), **гетерогенный** (В.В. Гузев).

Среди Российских образовательных учреждений, применяющих сегодня разновозрастные (межвозрастные) группы в практике обучения и воспитания, можно назвать школу № 87 г. Ярославля, школу-парк в составе школы № 95 г. Екатеринбурга, Усть-Илимский экспериментальный лицей, некоторые школы Москвы, Красноярска, Санкт-Петербурга, Иркутской области [Батербиев 2001; Батербиев 2002].

Влиянию совместной деятельности на развитие человека посвящены исследования в философии (К.А. Абульханова-Славская, Л.П. Буева, Т.М. Ярошевский и др.), психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Г.М. Андреева, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, Г.А. Цукерман и др.) и педагогике (В.К. Дьяченко, Л.В. Байбородова, Е.И. Павлова, М.М. Батербиев и др.).

Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев считали, что развитие личности возможно только через взаимодействие с другими людьми. Многие исследователи подчеркивают, что важным, безусловно необходимым фактором развития связной речи и мышления ребенка является именно взаимодействие сверстников с раннего возраста (Ж. Пиаже, А.В. Мудрик,

А. Вежбицкая, А.Э. Рейнетен, С.Н. Карпова, М.А. Степанова). Возможность успешного развивающего обучения подростков только при опоре на ведущую деятельность возраста (общение) – в центре внимания российских и зарубежных ученых (А.Н. Леонтьев, В.К. Дьяченко, Г.А. Цукерман, Т.К. Цветкова, М.М. Батербиев, К.Роджерс, Д. Джонсон и др.).

В сотрудничестве сверстников исследователи видят «жизненное пространство для освоения детьми тех взрослых функций и способов действия», которые дают им впоследствии возможность «стать на точку зрения другого, отстаивать свои позиции и сдерживать свои эгоцентрические порывы, координировать замыслы, намерения, действия и мысли» [Цукерман 1993, с. 105]. Во многих работах акцентируется внимание на том, что взаимообучение оказывает положительное влияние на академическую успешность школьников через мотивационные компоненты учения, способствует социализации личности, развивает такие качества, как взаимовыручка, толерантность, самостоятельность [Байбородова 1998; Батербиев 2002; Дьяченко 1991; Котова 1987а; Котова 1987б; Павлова 1995; Цукерман 1993]. Так, например, у старших школьников, выступающих в «позиции учителей», растет самооценка, самоуважение, проявляется способность обучать других. Те школьники, которых учат, находятся также в выгодном положении, развивая коммуникативные навыки в процессе общения с «собственным учителем» [Цукерман 1993].

Г.А. Цукерман дает психологическое обоснование разновозрастного учебного сотрудничества и указывает оптимальный возраст детей, привлекаемых к этому процессу. Это граница младшего школьного и подросткового возраста. Она подчеркивает, что ученик должен быть готов обучаться самостоятельно и уметь учить себя с помощью взрослого, расширяя границы знания, вступая в кооперацию с другими людьми. «Отвечая подростковым притязаниям на равноправные, ответственные, "серьезные" отношения с миром взрослых, работа в позиции учителя может служить одной из мер профилактики подросткового негативизма в его школьных проявлениях (дисциплинарных, учебных, мотивационных)» [Цукерман 1993, с. 239].

В отечественной педагогической науке исследование разновозрастного обучения (сотрудничества, взаимодействия) проводил А.Г. Ривин и его последователь В.К. Дьяченко. Решая проблему результативности деятельности ученика, пытаясь найти способы разгрузки труда учителя, они указывали на эффективность деятельности школьников в разновозрастных и разновозрастных парах постоянного и сменного состава [Дьяченко 1991].

Технологию работы разновозрастных групп (РВГ), состоящих из трудных учащихся, при проведении коллективных творческих дел предлагает Г.В. Селевко. Он отмечает важность РВГ для создания атмосферы эмоционального комфорта, для обеспечения индивидуального развития каждого ребенка, для совершенствования учебного процесса [Селевко 2005].

Под руководством М.М. Батербиева был проведен эксперимент на базе Усть-Илимского лицея; описаны дидактические основы проектирования образовательного учреждения с разновозрастными группами (7–11 классы общеобразовательной школы) [Батербиев 2002]; разработана «Образовательная программа курсовой подготовки учителя разновозрастного обучения».

М.М. Батербиев констатирует, что в рамках классно-урочной системы трудно опираться на общение как ведущий тип деятельности подростков. Разновозрастное обучение, по мнению автора, способно смягчить одно из противоречий современной образовательной системы – противоречие между необходимостью «усвоения единой программы всеми учащимися и существенным различием в индивидуальных учебных возможностях детей» [Батербиев 2002, с. 7].

Разновозрастное обучение на уроках русского языка представлено несколькими научными исследованиями. А.Г. Ривиным и В.К. Дьяченко применительно к урокам русского языка описана технология взаимодействия и взаимопроса [Дьяченко 1991]. Е.И. Котова (Павлова), Г.А. Цукерман, предложили методику подготовки и проведения уроков русского языка в 5 и 4 (3) классах, акцентируя внимание только на орфографическом материале [Котова 1987а; Котова 1987б; Павлова 1995; Цукерман 1993], а С.Л. Лорай [Лорай 2002] и Е.В. Ощепкова – уроков словесности [Ощепкова 2002].

Г.А. Цукерман подчеркивает, что «работа в позиции учителя должна способствовать формированию учебной самостоятельности школьников, в частности их умения анализировать причины орфографических ошибок и находить пути их устранения» [Цукерман 1993, с. 239].

С.Л. Лорай и Е.В. Ощепкова при использовании межвозрастного общения в практике обучения на уроках словесности в школе-лицее опираются на разные идеи. Так, в основу описанных Е.В. Ощепковой уроков словесности положены принципы развивающего обучения (деятельностный подход), а С.Л. Лорай отдает предпочтение такой форме организации учебного процесса, как недельное погружение (вариант концентрированного обучения) [Лорай 2002; Ощепкова 2002].

В современной педагогической и методической литературе в ряде публикаций предлагается использовать разновозрастные группы в сельской малокомплектной школе [Байбородова 1998; Селевко 2005; Столбунова 2005; Столбунова 2006].

На основе анализа различных точек зрения мы пришли к выводу, что за основу часто берется технология концентрированного обучения, а проблемы взаимодействия, взаимообучения, сотрудничества детей на уроках не рассматриваются или носят формальный характер.

Так, например, подобные уроки русского языка по принципу концентризма в разновозрастных классах сельской малокомплектной школы на примере тем «Обращение» и «Погружение в мир звуков» представлены в публикациях С.В. Столбуновой [Столбунова 2005; Столбунова 2006]. Всю работу на уроке с учащимися 5–8 классов учитель организует следующим образом: либо объясняет сам тему всем ученикам одновременно, дает несколько общих заданий для всех, затем дифференцированных по классам, либо к себе в помощники привлекает двух-трех старшеклассников для небольших сообщений. Необходимо подчеркнуть, что в предложенной системе обучения разновозрастные группы существуют лишь формально, так как *взаимодействие, сотрудничество, общение* детей на уроках не предусмотрено.

Поисковый эксперимент, проведенный нами на базе Муниципального образовательного учреждения «Кызыл-Озекская средняя общеобразовательная школа», школы № 12 г. Горно-Алтайска, позволяет говорить об эффективности использования разновозрастного сотрудничества в процессе преподавания русского языка. Отслежена эффективность работы учащихся (3, 4, 5, 7, 8 классов) на уроках разных типов (уроки изучения нового материала, уроки повторения, уроки развития речи).

Исходя из данных эксперимента можно сделать вывод, что даже эпизодическая организация разновозрастного сотрудничества (1–2 раза в четверть) способствует развитию не только предметных компетенций (коммуникативных, языковых), но и ключевых (учебно-познавательных, ценностно-смысловых, информационных).

Резюмируя, отметим, что отечественная и зарубежная педагогика и психология имеют достаточно примеров эффективного использования различных аспектов разновозрастного сотрудничества (обучения, взаимодействия).

Анализ сложившихся в педагогической теории и практике представлений о разновозрастном сотрудничестве позволяет выделить следующие основные концептуальные положения этой формы организации процесса обучения:

- Сотрудничество людей разного уровня развития и разного возраста в процессе передачи культурно-исторических ценностей, обучения и общения – наиболее естественное и эффективное взаимодействие от древних времен до наших дней.
- В исследованиях психологов и педагогов отмечается, что разновозрастное сотрудничество основывается на субъектно-субъектных отношениях, поэтому самым важным концептуальным элементом такого взаимодействия следует считать общение.
- Идея разновозрастного сотрудничества реализуется через учебное взаимодействие в парах постоянного или сменного состава или в группах.
- Разновозрастное сотрудничество невозможно без способности партнеров к рефлексии, обращенности познания на свой внутренний мир, видения своей позиции со стороны, умения оценивать свои возможности.
- Разновозрастное обучение предоставляет ученикам свободу в определении темпа, траектории продвижения и предмета изучения (при существенных различиях в индивидуальных учебных возможностях детей).
- Разновозрастное учебное сотрудничество – эффективный способ развития самостоятельности детей.
- Реализация педагогических возможностей детей через организацию разновозрастного сотрудничества – путь не только к познанию, но и к социализации личности.
- Организация учебного процесса, в основе которого лежит сотрудничество детей, дает возможность органично сочетать обучение и воспитание.

Литература

- Байбородова Л.В. Научно-методическая и опытно-экспериментальная работа в малочисленных сельских школах // Малочисленная сельская школа: проблемы, поиски, решения. – Ярославль, 1998.
- Батербиев М.М. Дидактические основы проектирования образовательного учреждения с разновозрастными учебными группами (7–11 классы общеобразовательной школы): дис. ... канд. пед. наук. – М., 2002.
- Батербиев М.М. Разновозрастное обучение: от идеи до реализации. – Братск, 2001.
- Дьяченко В.К. Сотрудничество в обучении: О коллективном способе учебной работы. – М., 1991.
- Котова Е.И. Методика проведения урока по орфографии с учащимися 2 и 4, 5 классов // Русский язык в школе. – 1987а. – №4.
- Котова Е.И., Цукерман Г.А. Разновозрастное учебное сотрудничество при обучении русскому языку // Русский язык в школе. – 1987б. – №3.
- Лорай С.Л. Структура содержания курса словесности и формы проверки его усвоения // Проблемы разновозрастного обучения. – Братск, 2002.

Ощепкова Е.В. Реализация идей развивающего обучения в процессе межвозрастного общения на занятиях словесностью // Проблемы разновозрастного обучения. – Братск, 2002.

Павлова Е.И. Развитие учебной самостоятельности учащихся 5–6 классов на уроках русского языка на основе разновозрастного учебного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1995.

Селевко Г.В. Групповые формы учебной деятельности // Школьные технологии. – 2005. – № 1.

Столбунова С. В. Концентрированное обучение, или уроки-«погружения» // Русский язык / Приложение к газете Первое Сентября. – 2005. – №22.

Столбунова С.В. Как создать экономичную модель сельской малокомплектной школы // Русский язык / Приложение к газете Первое Сентября. – 2006. – Май (1–15). – № 9.

Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. – Томск, 1993.

ОБЗОРЫ

**РОМАН И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ
(на материале сборника критических статей «Goncharov's
“Oblomov”: A Critical Companion» (Ed. by G. Diment. Evanston:
Northwestern UP, 1998. 200 p. (Northwestern / Aatsell Critical
Companions to Russian Literature; Vol. 8)**

Ю.Г. Бабичева

Данный сборник отражает современные тенденции американского литературоведения в изучении творчества И.А. Гончарова и прежде всего его романа «Обломов». Книга включает в себя предисловие, в котором обозначена необходимость обращения к творческому наследию Гончарова; шесть критических статей, демонстрирующих современные подходы американского литературоведения к интерпретации романа «Обломов»; переписку романиста с современниками, представляющую собой различные образцы восприятия произведения; некоторые отрывки из прозаических произведений Гончарова, включая автобиографию, а также библиографию.

Нельзя не согласиться с издателем сборника относительно потребности гончароведения в новых подходах и актуальности, в целом, современного обращения к творчеству романиста, чуждого социальной или национальной ограниченности и отражающего жизнь в ее духовно-нравственных основах, коллизиях и идеалах, которые всегда будут интересовать человечество.

Сборник открывают методически близкие друг другу статьи Г. Димент «Рано развившийся талант Ивана Гончарова» (G. Diment «The Precocious Talent of Ivan Goncharov») и А. Михайлович «“Этот блаженный уголок”»: западный и советский взгляд на проблему “детской натуры” Обломова» (Alexander Mihailovic «“That Blessed State”: Western and Soviet Views of Infantilism in Oblomov»), посвященные рассмотрению различных аспектов гончаровского романа как в формальном, так и содержательном плане и опирающиеся на традиционные понятия и приемы литературоведения. Димент дает общий обзор, останавливаясь

на истории создания, сюжете, композиции, системе образов, точке зрения, особенностях поэтики романа; следуя при этом преимущественно за русской критикой, но внося интересные замечания и проводя любопытные параллели в пользу мысли о близости Гончарова англоязычному миру. Нельзя не отметить, что восприятие Гончарова как автора и как личности, а также некоторых содержательных сторон его романа во многом опосредовано в статье особенностями западного взгляда на жизнь, несколько снижающими научную обоснованность выводов. Но в целом исследование англоязычного критика, стремящегося проникнуть в глубину русской национальной культуры, довольно объективно знакомит зарубежного читателя с великим романистом и его произведением.

Статья Михайлович, выполненная также в традиционном ключе, но значительно уступающая по объему предыдущей, содержит главным образом анализ различных точек зрения на характер Обломова, принадлежащих как отечественным, так и западным исследователям и критикам (Н.А. Добролюбову, В.И. Ленину, А.Г. Цейтлину, С. Беккету). Центральным вопросом становится соотношение общественно-социального и универсально-психологического плана натуры главного героя, которое решается автором статьи в пользу последнего, что согласуется с мнением ряда отечественных исследователей и критиков (П.В. Анненков, А.В. Дружинин, Ю.М. Лошиц). В целом, несмотря на навязчивый акцент на присутствии отдельных элементов романа в произведениях иноязычных авторов, статья Михайлович убеждает в том, что рецепция Гончарова в творчестве зарубежных писателей осуществлялась довольно глубоко, вопреки языковым и культурным барьерам.

Статья К.Д. Креймер «Ошибочные опознания и совместимые пары в “Обломове”». (Karl D. Kramer. «Mistaken Identities and Compatible Couples in “Oblomov”») посвящена проблеме так называемой «совместимости / несовместимости» любовных пар романа. Прежде всего заслуживает внимания методологическая особенность исследования, находящегося в рамках скорее психологии и отчасти социологии, чем литературоведения, что, безусловно, отражает специфику современной зарубежной науки о литературе и современную научную тенденцию к интеграции научных дисциплин. Значительным достижением статьи является то, что автор не акцентирует внимание на надличностных факторах совместимости пар или на их социальных установках, а пытается вскрыть психологическую подоплеку этого явления. Однако в интерпретации исследователя совместимость пар в романе обуславливается главенствующим положением в них мужчин, что в рамках используемой

в статье системы доказательств представляется несколько искусственным и необоснованным.

Статья Б. Холмгрена «Вопросы героизма в “Обломове” Гончарова» («Questions of Heroism in Goncharov's “Oblomov”») знакомит нас с очень интересным и актуальным в литературе вопросом, связанным с поиском так называемого «положительного идеала» (positive hero) героя. На содержательную сторону данной работы определенное влияние оказала приверженность автора к популярным на Западе феминистским теориям, утверждающим деструкцию традиционной иерархии мужчины и женщины, что не могло не сказаться на методологической основе исследования. Автор статьи не дает ответа на вопрос о том, кого же считать подлинным героем произведения, поскольку полагает, что именно в его отсутствие и заключена идея романа, созданного во время споров об идеальном герое. Делая попытку идентифицировать персонажей «Обломова» с данным литературным типом, Б. Холмгрен достаточно объективно и обстоятельно подходит к проблеме его отсутствия, видя в гончаровском романе экспериментирование с понятием «положительный герой».

Первые три публикации представляют, как показал их анализ, исследования, выполненные преимущественно в традиционном ключе. Однако, как известно, большое распространение на Западе в 70–90-е гг. XX века получили работы, написанные в рамках психологического подхода. Неудивительно, что составитель критического сборника, следуя современным литературоведческим тенденциям за рубежом, включил в него также исследования, представляющие образцы применения психоанализа и «современного антропологизма» к изучению произведения. Работа Дж. Гивенса «Утроба, могила и материнская любовь: фрейдистское прочтение Гончарова (John Givens «Wombs, Tombs and Mother Love: A Freudian Reading of Goncharov's»»), учитывая данный методологический опыт в зарубежном гончароведении (Стилман, Поггиоли, Лингстад), рассматривает, как психологическая обрисовка «невротика» Обломова совпадает с данными психоанализа и как это отражается на восприятии романа. В интерпретации Гивенса жизненный путь главного героя, его отношения с окружающими людьми опосредованы желанием вернуться в материнскую утробу, в состояние, предшествующее нашему вхождению в этот мир. Нельзя не отметить, что явной слабостью статьи является попытка автора использовать художественный текст (роман) как пример для иллюстрации психических явлений, в то время как разумнее искать преломление этих явлений в произведении. Кроме того,

выводы исследователя, сделанные на основе фрейдистского объяснения отдельных образов и мотивов, могут показаться весьма спорными и неоднозначными, хотя сама попытка взглянуть на роман под новым углом представляется немаловажной в научно-интерпретационном плане.

Наконец, еще одна англоязычная публикация сборника, не избежавшая воздействия психоаналитических установок, посвящена главным образом так называемым «гастрономическим вопросам». Автор статьи Рональд Д. Лебланк исследует «потребительскую страсть» (*consuming passion*) Обломова, с одной стороны, и его стремление к установлению теплых отношений, общения с окружающими (*communion*), с другой, плавно переходя от рассмотрения гастрономического содержания романа как сугубо физиологического, биологического компонента к его восприятию на психологическом уровне. Несмотря на чрезмерную категоричность в оценке русской кухни как исключительно «убивающего тело и душу» начала и довольно частое обращение к концепции Фрейда (например, восприятие обеденного стола как груди кормилицы или материнской утробы), во многом именно в этом заключена положительная сторона исследования, способствующего более глубокому постижению произведения.

Нельзя не отметить наличие в критическом сборнике некоторых образцов художественного творчества самого романиста (письма, проза, критика), позволяющих иноязычному читателю прикоснуться к уникальной личности Гончарова, своеобразию писательской манеры и стиля.

К юбилею профессора Р.М. Гайсиной

2 марта 2008 года – юбилей Рейды Миргалеевны Гайсиной, доктора филологических наук, Заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, профессора, заведующего кафедрой современного русского языкознания Башкирского государственного университета. Видный ученый-лингвист, работы которого хорошо известны сегодня филологам в России и за рубежом, Р.М. Гайсина прошла в науке путь от юной абитуриентки, приехавшей с серебряной медалью из поселка Чишмы Башкирской АССР покорять вершины университетского знания, до маститого профессора, одного из признанных специалистов в области философии языка, семантики и синтаксиса современного русского языка.

Окончив в 1960 году с красным дипломом историко-филологический факультет только что созданного на базе педагогического института Башкирского государственного университета и проработав в течение двух лет в школе учителем русского языка и литературы, Р.М. Гайсина поступила в очную аспирантуру. Ее научным руководителем стал выдающийся ученый, в то время доцент, а позднее доктор наук, профессор, Игорь Павлович Распопов. Первая аспирантка И.П. Распопова не подвела своего учителя: в 1967 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского и была принята ассистентом на кафедру языкознания и русского языка Башкирского государственного университета. Сороклет, прошедшие с того момента, явились годами творческого расцвета Р.М. Гайсиной, ее становления как ученого и педагога.

В первой же серьезной научной работе – кандидатской диссертации «Средства речевого контакта в современном русском языке» (1967) – проявились ее незаурядные исследовательские способности. Р.М. Гайсиной впервые было теоретически обосновано понятие речевого контакта применительно к функциональной природе языка, к диалогической форме речи; разработана типология речевого контакта по степени его глубины, интимности; описаны основные средства речевого контакта в русском языке, представлена градация речевого контакта, выражаемого различными контактирующими средствами; выявлено отношение средств речевого контакта к лексико-синтаксической структуре предложения, включающего в свой состав различные контактирующие средства.

Научный поиск в дальнейшем привел Р.М. Гайсину к исследованию проблем лексической, словообразовательной, синтаксической, когнитивной семантики, семантической систематизации лексики, лингвофилософских проблем

языкознания. Во всех этих областях Р.М. Гайсиной высказаны ценные идеи, выдвинуты теоретические положения, обогатившие лингвистическую науку. Так, в ее монографии «Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке» (1981), а затем и в докторской диссертации (1983) впервые получило научное описание обширное межчастеречное лексико-семантическое поле со значением отношения. В них представлена статическая и динамическая картина лексического поля со значением отношения; показана взаимосвязь данного поля с межуровневым объединением с тем же значением; осуществлена парадигматическая характеристика поля отношения (на базе выявления оязыковленных типов отношений, существующих в объективном мире, в социуме, между представителями социума и предметами объективного мира и т.д.); дана синтагматическая характеристика единиц данного поля; продемонстрированы и теоретически интерпретированы процессы межкатегориального (межчастеречного) перехода понятия отношения в пределах исследуемого поля. Выдвинутые Р.М. Гайсиной идеи были подхвачены другими учеными и получили развитие на материале иных (в частности, западноевропейских) языков.

Докторская диссертация Р.М. Гайсиной на тему «Лексико-семантическое поле отношения в современном русском языке», защищенная в 1983 году в Ленинградском государственном университете, получила самую высокую оценку как официальных оппонентов, выдающихся российских языковедов профессоров Д.Н. Шмелева (позднее – академика), А.И. Моисеева, Э.В. Кузнецовой, так и Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования СССР, отметившей докторскую диссертацию Р.М. Гайсиной среди десяти лучших докторских диссертаций по русистике, защищенных в СССР в XI пятилетии (1981–1985).

Идеи докторской диссертации были развиты Р.М. Гайсиной в лингвофилософском аспекте в рамках фундаментальной для теоретического языкознания проблемы «Категория отношения в языке». Эта категория рассматривается Р.М. Гайсиной в онтологическом, гносеологическом, ономазиологическом и семасиологическом аспектах; изучается семантическая категория релятивности как языковой аналог онтологической и логико-философской категории отношения; впервые в ее работах осуществляется классификация релятивных семантических компонентов.

Под руководством профессора Р.М. Гайсиной многообразные аспекты категории отношения в языке разрабатывались в дальнейшем целой школой ее аспирантов, защитивших диссертации по отдельным темам, выделенным из этой глобальной проблематики. Вместе со своими учениками, ныне кандидатами наук, Р.М. Гайсина подготовила коллективную монографию «Категория отношения в языке» (Уфа, 1997). В основу монографии положены разработанные ею теоретические идеи и методологические принципы. В работе выделяются четыре взаимосвязанных и взаимообусловленных аспекта рассмотрения категории отношения в языке, которые позволяют показать эту категорию в разных ракурсах: онтологическом, гносеологическом, ономазиологическом,

семасиологическом. Более подробно охарактеризованы семантическая категория релятивности и языковое пространство, в котором она находит свое проявление; представлена типология релятивных сем, описан статус релятивных сем в содержании различных языковых единиц. Для описания семантической категории отношения активно используются введенные в докторской диссертации термины «релятивная сема», «релятивные семантические компоненты», «релятивные языковые единицы», «релятивные слова», «межуровневое семантическое поле отношения» и др.

Предметом подробного исследования в одной из глав монографии становится проблема «категория отношения в языке науки», впервые четко сформулированная в докторской диссертации Р.М. Гайсиной, а позднее явившаяся объектом успешно защищенного кандидатского исследования одной из ее учениц. В других главах анализу подвергается языковая сущность двух качественных типов отношения – соответствия и равенства, которые рассматриваются на обширном языковом материале в логико-философском и собственно лингвистическом аспектах. Структурно разноплановая языковая интерпретация данных отношений, впервые представленная в докторской диссертации Р.М. Гайсиной в обобщенном виде в контексте всего поля отношения, стала предметом специального исследования в кандидатских диссертациях двух других ее учениц. Анализ материала позволил сделать вывод, что в языковом содержании понятий равенства и соответствия, в отличие от логико-философских их истолкований, обнаруживает свое значительное «семантическое присутствие» субъект – творец, носитель и пользователь обыденного языка.

Сквозь призму глобальной проблемы «категория отношения в языке» в монографии рассматривается и такая частная проблема, в свое время впервые сформулированная в докторской диссертации и последующих разработках Р.М. Гайсиной, как семантика относительных отсубстантивных прилагательных. Множество различных точек зрения, существующих в рамках этой частной проблемы, сводятся обобщающей мыслью Р.М. Гайсиной к трем концептуальным подходам – концепции релятивности, концепции синтаксической деривации, концепции пропозитивной семантики. Выделенные концептуальные линии и их взаимосвязь получают дополнительную аргументацию в результате обобщения большого объема теоретического материала научно-исследовательских работ, посвященных семантике относительных прилагательных, и анализа отфитонимных прилагательных в успешно защищенной кандидатской диссертации еще одной ученицы профессора Гайсиной.

Монография «Категория отношения в языке» была высоко оценена в рецензии болгарского профессора Анны Николовой, опубликованной в сербском периодическом журнале (См.: «Зборник Матице српске за славистику». – Нови сад, 2000. – №58–59, с. 226–229), и в рецензии, опубликованной в отечественном издании (см.: Мировое сообщество: проблемы и пути решения: Сборник научных статей. – Уфа: Уфимск. гос. нефт. технич. ун-т, 1999. – Вып. 4–5).

Идеи докторского исследования Р.М. Гайсиной получили и еще одно направление развития, а результаты были изложены в учебном пособии по спец-

курсу «Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики» (Уфа, 1985). Книга написана в русле фундаментальной проблемы межкатегориального (межчастеречного) взаимодействия и переходности в языке и связанной с ней проблемы становления частей речи. Эти проблемы получают лингвофилософскую интерпретацию сквозь призму диалектического триединства «значение – форма – функция» и разрабатываются на примере глагольно-именных взаимодействий, происходящих на уровне их понятийного содержания.

Взаимодействие имени и глагола как центральных частей речи рассматривается в книге в двух ракурсах: 1) в синхронной статике – как бы в «остановленном» состоянии, с устранением любого фактора движения, в плане соотношения лишь формы и содержания, и 2) в многоаспектной динамике – ретроспективной диахронии (историческом развитии), синхронной динамике (функционировании), перспективной диахронии (то есть тенденциях дальнейшего развития). Ценность книги видится еще и в том, что в ней сквозят идеи, созвучные идеям синергетической парадигмы, которая получила официальное признание в отечественной лингвистической науке конца XX – начала XXI веков.

Композиция книги, состоящей из четырех глав, находится в полном соответствии с разработанной автором концепцией. В первой главе «Статистическая картина частей речи» общая система частей речи и внутренняя структура отдельной части речи, демонстрируемая на примере имени существительного, представлена как иерархическая, ядерно-периферийная структура, сложившаяся в результате последовательного «накручивания витков» предыдущих этапов развития. Во второй главе «Диалектика триединства “значение – форма – функция” в сфере частей речи» на примере имени существительного представлена одна из возможных реконструкций процесса последовательного синергетически обусловленного становления и диалектического взаимодействия трех названных признаков частей речи – значения, формы и функции. В третьей главе «Краткая характеристика типов межкатегориальных взаимодействий» дается описание процесса взаимопроникновения частей речи по линии каждого из трех компонентов триединства – по линии формы, значения и функции. В четвертой главе «Межчастеречные глагольно-именные взаимодействия “глагол – имя”» аргументируется и демонстрируется справедливость и перспективность идей А.А. Потемби об усилении глагольности по мере развития языка, о распространении глагольной энергии и глагольного магнетизма на имена, непосредственным результатом чего является оглаголивание имен.

В Заключении работы представлена теория межчастеречных семантических полей, объединяющих в своем составе содержательно сходные слова различных частей речи и представляющих собой непосредственный результат межкатегориального перехода понятий в процессе развития языка, в ходе которого наблюдается явно выраженная тенденция к аналитизму – и прежде всего в глаголе (как результат процесса оглаголивания имен).

Р.М. Гайсина находится в состоянии непрерывного научного поиска, чутко реагируя на все новые идеи в науке. В сферу ее интересов еще в начале 90-х

годов входят проблемы когнитивной лингвистики и концептологии, которые начинают под ее руководством активно изучаться в ходе написания дипломных работ, а затем и кандидатских диссертаций ее учеников. В рамках когнитивной научной парадигмы под руководством профессора Р.М. Гайсиной и при ее непосредственном участии разрабатываются отдельные концептологические фрагменты русского языка. Так, были исследованы антонимические концепты Свет и Тьма, Мужчина и Женщина, концепт Дружба, концептосфера Встреча – Приветствие – Прощание – Расставание; результаты исследований были оформлены в виде трех кандидатских и одной магистерской диссертаций, а также опубликованы в вышедшей под научной редакцией профессоров В.И. Карасика и И.А. Стернина в 2006 году в издательстве «Парадигма» (Волгоград) и в 2007 году издательстве «Гнозис» (Москва) многотомной «Антологии концептов».

Научные интересы профессора Р.М. Гайсиной не ограничиваются собственно русистикой, в ее работах представлены интересные образцы сопоставительно-семантического описания русского, татарского и башкирского языков. Расширенная и более глубокая разработка этой проблемы с отражением результатов данного исследования в монографическом издании входит в ее ближайшие научные планы.

Р.М. Гайсина ведет большую работу по пропаганде научных знаний. В 1998 году ей был присужден грант Института Открытое Общество (Фонд Сороса) за конкурсный проект «Языкознание в Башкортостане: русистика», выполненный в рамках программы «Интернет». Проект ориентирован на популяризацию лингвистической русистики Республики Башкортостан. Он реализован в двух версиях – русской и английской, внедрен в сервер Центра Интернет Башкирского государственного университета и доступен для пользователей всего мира.

Огромной заслугой Р.М. Гайсиной является ее многолетняя редакторская работа по изданию весьма авторитетного межвузовского научного сборника «Исследования по семантике», основу которого заложил ее первый редактор, основатель Уфимской семантической школы профессор Л.М. Васильев. С 1987 года по настоящее время сборник выходит под научной редакцией профессора Р.М. Гайсиной, ею подготовлено 12 (с 13–го по 24–й) выпусков сборника, в котором печатаются статьи как видных отечественных и зарубежных ученых, так и начинающих исследователей.

И еще одна несомненная научная и педагогическая заслуга профессора Р.М. Гайсиной – разработка концепции преподавания фундаментальной филологической дисциплины «Синтаксис современного русского языка». В читаемых ею в течение двух с половиной десятилетий на филологическом факультете Башкирского госуниверситета лекциях и в целом ряде опубликованных и находящихся в печати (в том числе в издательстве «Высшая школа») учебных пособий по синтаксису («Синтаксис современного русского языка: Теория. Схемы и образцы анализа. Упражнения»; «Практический синтаксис современного русского языка» и др.) нашли свое отражение глубоко продуманные научно-методические

идеи Р.М. Гайсиной. Когнитивный подход к обучению синтаксическим знаниям предполагает выявление моделей их развития на базе осуществленной ею методологически значимой типологизации синтаксических знаний. При этом учитываются такие онтологически обусловленные и гносеологически ориентированные факторы, как статичность / динамичность языка (модель усвоения знаний «от осмысления языка в статике к его динамическому представлению»); степень существенности знаний для будущего специалиста (модель «от ядерных знаний к знаниям расширительным»), степень содержательности знаний (модель «от знаний абстрактных к знаниям конкретным», соответствующая дедуктивному ходу познавательного процесса, получившему в современной лингводидактике наименование «восхождение от абстрактного к конкретному»); характер расчлененности знаний (модель «от интегрального представления к аналитическому осмыслению»); характер определенности знаний (модель «от знаний абсолютных к знаниям относительным»).

Положительные оценки учебных пособий Р.М. Гайсиной по синтаксису представлены в рецензиях, опубликованных в журналах «Мир русского слова» (СПб., 2003, № 2, с. 120–121) и «Вестник Башкирского университета» (Уфа, 2002, № 2, с. 120–122); многие из них получили гриф УМО по классическому университетскому образованию России.

Профессор Р.М. Гайсина более 10 лет успешно руководит крупной выпускающей лингвистической кафедрой Башкирского университета – кафедрой современного русского языкознания. Общеизвестны ее заслуги как прекрасного организатора и вдохновителя многих научных, методических и общественных начинаний кафедры и факультета. Целая когорта ее учеников – девять защитившихся кандидатов филологических наук, сегодняшние докторанты, аспиранты, магистранты, дипломники, которым Рейда Миргалеевна с радостью отдает огромное количество времени и сил, с которыми щедро делится своими идеями, – становятся ее единомышленниками и последователями, прокладывая дальше свою дорогу в науке. Свой юбилей Р.М. Гайсина встречает на пике своей творческой активности, полная новых планов и замыслов. Поздравляя ее с замечательным юбилеем, коллеги от всей души желают дальнейших научных достижений, здоровья и благополучия!

К.З. Закирьянов, С.Е. Родионова

Международная конференция Российской риторической ассоциации

29–31 января 2008 года состоялась Двенадцатая международная научная конференция по риторике. Организаторами конференции выступили Российская ассоциация исследователей, преподавателей и учителей риторики (РА) и кафедра риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Конференция посвящена 20-летию кафе-

дры риторики и культуры речи МПГУ, созданной по инициативе профессора Т.А. Ладыженской.

Участников конференции приветствовали проректор МПГУ по научной работе В.Ф. Чертов и декан филологического факультета МПГУ А.Д. Дейкина.

В конференции приняли участие 145 человек – преподавателей риторики, культуры речи и других речеведческих дисциплин в вузах, колледжах, школах, учреждениях дополнительного образования, а также докторантов, аспирантов и студентов из 45 городов России, Белоруссии, Казахстана, Украины. К началу конференции был издан научный сборник, включивший 114 статей по докладам и сообщениям.

Конференция всесторонне рассмотрела проблему «Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов».

На первом пленарном заседании прозвучали доклады «Инновационная образовательная программа: опыт реализации» (Л.А. Трубина. Москва); «Кафедра риторики МПГУ – 20 лет» (Н.А. Ипполитова, О.Ю. Князева. Москва); «Риторика как инновационный предмет школьного образования» (Т.А. Ладыженская, Н.В. Ладыженская. Москва); «Риторическая составляющая филологического образования: от вуза к школе» (А.А. Чувакин. Барнаул); «Формирование культурно-речевой среды региона (опыты реализации федеральной программы «Русский язык»)» (Л.Г. Антонова. Ярославль); «Роль риторики в реализации приоритетных национальных проектов» (С.А. Минеева. Пермь); «Современное риторическое образование: российские научные школы и практика преподавания» (В.И. Аннушкин. Москва); «Уточнение предмета риторики – насущная необходимость времени» (Т.В. Анисимова. Волгоград); «Речевой поступок как риторическая категория»; (З.И. Курцева. Москва) «Обыденное языковое сознание и обучение культуре речи» (И.А. Стернин. Воронеж).

Заседания шести секций были посвящены общим проблемам риторики и культуры речи, методике преподавания риторики в вузе и школе, профессионально ориентированной риторике и ее преподаванию, преподаванию культуры речи, лингвистическому компоненту речеведческих дисциплин.

По традиции в ходе конференции были проведены мастер-классы и круглый стол, посвященный – в данном случае – теме «Традиции и инновации в преподавании речеведческих дисциплин» (ведущие – Н.А. Ипполитова, Н.Г. Грудцына, М.Р. Савова).

На втором пленарном заседании конференция подвела итоги своей работы, заслушала и обсудила отчет председателя РА профессора В.И. Аннушкина о деятельности ассоциации в 2007 году и приняла решения. Конференция считает, что в ближайшее время необходимо:

- развивать и модернизировать, постоянно обновлять сайт Ассоциации (ответственный Риторический центр развития личности «Златоуст» Рачков, Алексей Николаевич);

- вузам и региональным отделениям шире использовать возможности Приказа Министерства образования и науки №1390 от 23.11.2006 о повыше-

нии квалификации преподавателей вузов России и активнее предлагать Министерству программы повышения квалификации по риторике и культуре речи, по примеру Санкт-Петербургского государственного горного института, члена Санкт-Петербургского регионального отделения негуманитарных вузов; конференция также просит Министерство поддерживать инициативу и содействовать расширению числа вузов, проводящих повышение квалификации по риторике и культуре речи;

- конференция с тревогой констатирует низкий уровень массовых двухдневных тренингов и курсов по риторике и ораторскому искусству, которые в последнее время организуются и проводятся лицами, не имеющими как высшего, так и собственно риторического образования, что дискредитирует риторику в глазах профессионалов и общественности. РА должна противопоставить подобным фактам дискредитации риторического обучения свою повышенную активность в пропаганде собственной деятельности, например, через Интернет, и проведении на профессиональной основе разнообразных краткосрочных курсов по риторике и культуре общения;

- в связи с повышенной востребованностью в настоящее время практических риторических знаний в разных сферах деятельности, считать приоритетной задачей РА разработку и активное продвижение практических пособий, практикумов, тренинговых материалов по риторике, деловому общению, культуре речи, а также активный обмен опытом между членами Риторической Ассоциации;

- на следующей конференции выделить секцию «Практическая риторика в сфере дополнительного образования»;

- конференция считает, что взаимодействие Совета с членами Ассоциации должно быть более системным и регулярным, для этого необходимо регулярно рассылать информационные письма, оповещающие о делах Ассоциации; постоянно обновлять и пополнять банк электронных адресов, в связи с чем Совет РА просит всех членов проверить электронные адреса для налаживания эффективной связи. Секретарь Ассоциации – Митрофанова Анна Васильевна тел. (495) 330–86–92, E-mail: centr_ritoriki@mail.ru.

Участники конференции выразили благодарность кафедре риторики и культуры речи МПГУ за успешную организацию и проведение конференции и решили провести следующую, XIII, конференцию РА 2–4 февраля 2009 года в Государственном Институте русского языка им. А.С. Пушкина (тема конференции «Речевые и риторические проблемы развития личности: исследования, технологии, опыт»).

А.А. Чувакин

ФИЛОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

Называя журнал «Филология и человек», мы исходили из того, что тема, представленная в этом названии, составляет одно из важнейших направлений в развитии филологических наук на современном этапе их существования. Мы полагаем, что дальнейшее развитие исследований в области филологии, преподавание языка, литературы, журналистики и других дисциплин, тем более в период разработки новых государственных образовательных стандартов, необходимость совершенствования речевой и – шире – коммуникативной культуры общества требуют осмысления и обсуждения ситуации в нашей науке, повышения степени ее влияния в обществе. В связи с этим редакцией журнала была разработана и разослана ряду читателей анкета, содержащая следующие вопросы:

1. Известно, что ситуация в современной филологии оценивается далеко не однозначно: филология предстает то как «содружество... гуманитарных дисциплин...», изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (С.С. Аверинцев), то как «брачный союз» литературоведения и языкознания (Ю.В. Рождественский) или как сугубо номинационное единство, существующее в наименовании одной из отраслей гуманитарных наук и одного из направлений (одной из специальностей) высшего профессионального образования... *Каково, на Ваш взгляд, значение углубляющегося антропоцентризма филологических наук для развития филологии? Как меняется (если меняется) статус и влияние филологии в системе наук? в обществе?*

2. *Какие события в мире языка и литературы наиболее значимы для освоения филологическими науками человека?*

3. На III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 года) декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнева с обеспокоенностью говорила об общем ухудшении речевой культуры. *В чем Вы видите роль филологических наук и образования в повышении речевой культуры российского общества? отдельного человека?*

4. *Какое место занимает проблема человека в Вашем научном творчестве?*

Редакция благодарит всех приславших ответы. Часть из них публикуется ниже. Поступающие ответы будут опубликованы в ближайших номерах журнала.

А.А. Чувакин

Ответы:

1. Отвечая на первый вопрос Вашей анкеты, мы посчитали уместным поделиться с Вами некоторыми соображениями относительно современных

процессов в области лингвистических знаний, которые мы наблюдаем. Мы работаем на кафедре теории архитектуры и профессиональных коммуникаций в Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Система гуманитаризации профессиональной подготовки специалистов в области архитектуры есть ведущая тема наших научных разработок.

Общекафедральная научная тема предполагает взаимодействие различных научных областей, в том числе архитектурного проектирования, математики, семиотики, филологии. Находясь сегодня на ином, по отношению к научно-филологическому, коммуникативном поле, мы инициировали «собрание» в одно целое различных научных произведений, обратившись к явлению взаимодействия разных типов. Филологический подход к проблеме дает возможность на основе учета лингвопрагматических установок объединить в одно целое исследования разных научных областей. В настоящее время идет работа над текстом коллективной монографии, в которой предполагается реализация данной идеи. Так, общность творческого замысла гипертекстового описания понятия «город» как семиотического феномена приобретает целостный характер благодаря коммуникативно-деятельностному подходу.

Отмечая антропоцентричность любой гуманитарной науки, мы особое место отводим архитектуре как области деятельности человека, протекающей при взаимопересечении и сосуществовании двух сфер: сферы искусства, зодчества, где образное восприятие играет решающую роль в создании новых объектов и их интерпретации, и сферы производства, техники в широком смысле, где главное – точный технологический подход к объекту. Именно эта разнонаправленная деятельность формирует личность особого типа. Человек, действующий в области архитектуры, обладает специфическими свойствами интерпретации окружающего.

2. Гуманизация – насущная проблема современного общества, она определяет возросшую роль коммуникативистики в вузах нефилологических направлений. В Уральской государственной архитектурно-художественной академии осуществляется преподавание предметов лингвокультурологического цикла. Можно говорить о прочно наметившейся в данном вузе гуманитаризации архитектурно-учебного образования. Осуществляется прагматический подход к отбору и презентации речевых материалов, наблюдается стремление установить межпредметные связи, расширить информационное поле студентов за счет знаний гуманитарного, в частности, коммуникативно-речевого характера. Комплекс коммуникативно-прагматических дисциплин предназначен для различных уровней обучения: это довузовская подготовка, вузовская подготовка, магистратура.

Эта система вводится через понятие коммуникативного пространства, обуславливающего эффективное профессиональное взаимодействие для социализации личности. Сегодня наблюдается широкое вовлечение специалистов разного профиля в обеспечение социальной и практической архитектурной деятельности, причем их функции зачастую не всегда четко очерчены, подготовлен-

ность не всегда удовлетворительна. Это диктует необходимость кардинальных изменений в современном коммуникативном пространстве и соответствующей специализации преподаваемых в вузах учебных дисциплин.

3. Наша задача заключается в создании системы гуманитаризации архитектурно-учебного образования. Задача решается в рамках прагматического подхода к реализации интернаучных связей, расширения информационного поля студентов за счет знаний гуманитарного, в частности, коммуникативно-речевого характера, формирования достаточного уровня коммуникативной компетенции. Данный процесс предполагает создание комплекса научных и методических разработок.

Межличностная и профессиональная коммуникация приобретает важное значение в жизни общества для социализации личности и ее практической деятельности. Сегодня наблюдается широкое вовлечение специалистов разного профиля в обеспечение социальной и практической архитектурной деятельности, причем их функции зачастую не всегда четко очерчены, подготовленность не всегда удовлетворительна. Как правило, специальные учебные учреждения готовят специалистов широкого профиля, без узкой специализации. Это обуславливает необходимость кардинальных изменений в создании современного коммуникативного пространства и соответствующей специализации преподаваемых в вузах учебных дисциплин. В основе дисциплин лежит коммуникативно-деятельностный подход. Характер подачи материала – комплексный, обусловленный сочетанием нескольких гуманитарных (лингвистических и речеведческих дисциплин).

Новизна заключается в характере подачи материала, обусловленного сочетанием нескольких гуманитарных (лингвистических и речеведческих) дисциплин. Итогом реализации поставленных задач станет создание научной и образовательной концепции гуманитаризации. Её цель – формирование личности профессионального коммуникатора, реализованной в модели специалиста. Современная архитектурно-строительная ситуация существенно отличается от ситуации прежних периодов и предполагает активное участие клиента-заказчика в выборе места застройки, планировании, выборе материалов, дизайна здания. Другими словами, клиент вправе обсуждать проблемы строительства с архитектором-профессионалом. В связи с этими новыми условиями возникает совершенно новый характер обратной связи между коммуникантами: эта связь становится не регламентирующей и предписывающей, а рекомендательной. Это новое коммуникативное явление имеет две стороны: и положительную, и отрицательную.

Коммуникативное пространство современного архитектора построено как совокупность многочисленных актов общения. Это базовое понятие, обозначающее область коммуникации, где существуют разные субъекты социума. В соответствии с данной тематикой мы остановились на том современном профессиональном коммуникативном пространстве, где сегодня существуют профессионалы-архитекторы.

4. Проблема человека, безусловно, занимает ведущее место в нашей работе, в частности, это касается формирования его коммуникативного облика.

В основе формирования коммуникативного облика современного зодчего лежит коммуникативно-деятельностный подход, основанный на общей теории коммуникативистики.

Основным методом является установление «диалога» между архитектором и «городом», распознавание тех коммуникативных сфер, в рамках которых происходит профессиональное общение специалистов, то есть создание коммуникативного поля Человека Говорящего, в том числе области параграфемии, смеховой культуры, рекламы, деловой публицистики.

Э.А. Лазарева, И.М. Волчкова (Екатеринбург)

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Н.Г. Морозова. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий». Данная статья посвящена исследованию особенностей репрезентации германского локуса: выявлению культурно-семиотического потенциала и функций ольфакторных и кинастетических мотивов в русско-германском травелоге – полижанровой литературе «путешествий» конца XVIII – первой половины XIX веков (путевые письма Д.И. Фонвизина, Н.И. Греча, Н.В. Гоголя, текстах-путешествиях Н.М. Карамзина, В.К. Кюхельбекера).

N.G. Morozova. Sides of Germany Perception in the Context of the Russian Literature of «Travels». The article is devoted to the cultural-semeiotic potential and functions of olfactory and kinaesthetic motives in the Russian literature of «travels» of the end of XVIII – first half of XIX century (the texts by D.I. Fonvizin, N.M. Karamzin, N.I. Grech, V.K. Kuhelbeker, N.V. Gogol).

В.А. Бачинин. О социально-творческом контексте художественной теологии Ф.М. Достоевского (Методологические заметки). Творчество Достоевского всегда привлекало внимание богословов всех христианских конфессий – православных, католиков и протестантов. В его романах важное место занимают размышления о Боге и о Его отношениях с мирозданием, человечеством и личностью. Тексты Достоевского открыты для теологического прочтения. В них представлена оригинальная религиозно-философская концепция индивидуального беззакония и социальной аномии.

V.A. Bachinin. About the Social-creative Context of Dostoyevsky's Art Theology (Methodological notes). Dostoyevsky's creativity has always drawn the attention of theologians of all Christian faiths – orthodox, catholics and protestants. In his novels the important place is borrowed with reflections about the God and his relations with the universe, mankind and the person. His texts are opened for theological perusal. The original religious-philosophical concept of individual lawlessness and social anomaly is presented there.

В.В. Десятов. Число (Нимфетки в «Лолите» и автобиографии В. Набокова). Выдвигаются новые аргументы в пользу предположения, что прототипом набоковской Лолиты была девочка, названная в автобиографии писателя Поленькой. Образы двух нимфеток не только создаются почти одновременно, но и появляются в главах под одним порядковым номером.

V.V. Desyatov. The Number (The Nymphets in «Lolita» and Autobiography by V. Nabokov). There is some new argumentation to prove the hypothesis about the prototype of Nabokov's Lolita. It was the girl named Polyenka in the author's autobiography. These two nymphets' types have been created practically at the same time, and come out in the chapters with the same numbers.

Л.В. Егорова. На пути к «третьему» Морю. Вступление к «Книге Фортуны».

Еще в 1954 г. в «Английской литературе в XVI веке» К.С. Льюис обращал внимание на то, что в большинстве работ сэра Томаса Мора ощущается «третий» Мор, а не тот святой и гуманист, какого из него сделали и каким его соответственно представляют. В то время как гуманист и святой описаны достаточно, попытки подойти к «третьему» Морю по-прежнему оставляют желать лучшего. В центре внимания данной статьи – стихотворные сюжеты, своеобразно обрамляющие творчество Т. Мора: раннее и два поздних обращения к Фортуне («Certain meters» к «Книге Фортуны» (Boke of Fortune); «Lewis the Lost louer» и «Dauby the dicer»).

L.V. Yegorova. Approaching the «third» Sir Thomas More. More's «Certain Meters» for the Book of Fortune. The article is an attempt to approach a neglected Tudor poet Sir Thomas More as a complexity (not as a saint or a humanist). The major focus is «Certain Meters in English written by master Thomas More in his youth for the book of Fortune». The two short rhyme royal poems, written in the Tower on the same topic of Fortune, namely, «Lewis the Lost louer» and «Dauby the dicer», are also being introduced to the Russian reader.

Е.В. Шимина. Библейские аллюзии в романе Т. Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». На протяжении многих столетий Библия остается «книгой книг» для европейской культуры. В данной статье автор предпринимает попытку исследовать библейские аллюзии в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», что позволяет осветить некоторые из ранее не изученных аспектов творчества Т. Харди. Наиболее значимым библейским образом произведения становится сад как аллюзия Эдема, где главные герои проводят безмятежно счастливые дни. Автор отмечает, что в романе затрагивается проблема истинной и ложной веры, которая незримо связана с отношением самого писателя к религии.

E.V. Shimina. Biblical Allusion in T. Hardy's novel «Tess of the d'Urbervilles». The paper mainly focuses on Hardy's use of Biblical symbolism in the novel «Tess of the d'Urbervilles» which includes the image of Eden. Paradise is the place of the most important events in the novel. Hardy alludes Angel and Tess to Adam and Eve three times directly. Alec symbolizes a serpent. The strawberry he gives to Tess is associated with the paradise apple. That might have provided the writer with the basis for idea of a false prophet. The novel illustrates well his emotional need and intellectual confusion in the matters of religion.

Г.И. Родина. Некоторые особенности поэтики Г. Зудермана в контексте его эпохи. Статья посвящена немецкому писателю и драматургу Герману Зудерману (1857–1928), в творчестве которого воссоздана переходная эпоха рубежа веков, нашедшая отражение в поэтике его повествовательных и драматических произведений. Отличительной особенностью поэтики является сосуществование традиции с новыми тенденциями в композиции образа, сюжета, в развитии драматического действия, в использовании языковых средств и т.д.

G.I. Rodina. Some Peculiarities of G. Zuderman's Theory of Poetry in the Context of his Epoch. The article is devoted to the German writer and dramatist German Zuderman (1857–1928). Transition epoch of the border was recreated in his creative activity. It has found its reflection in the theory of Poetry of his narrative and dramatic works. The distinctive peculiarity of the theory of Poetry is the coexistence of the tradition and new tendencies. It is represented in the composition of the image and plot in the development of the dramatic actions, in the use of language means and others.

И.Ю. Качесова. Текстовые реализации характеристик поля аргументации. Статья описывает базовые характеристики поля аргументации и их влияние на текстовую реализацию поля аргументации.

I.Y. Kachesova. Text Realisation of Argumentative Field Peculiarities. The article is devoted to the description of the basic characteristics of the argumentative field. Their influence on text realization of the argumentative field is described in the article.

Л.О. Бутакова, Н.Ю. Миронова. Автор–текст–реципиент: тексты СМИ в аспекте рецепции авторами. Часть II. Статья посвящена проблеме построения текстов СМИ на основе авторской психолингвистической модели. Образ автора, являющийся организующим центром текста, формируется путем рефлексии и репрезентируется в системе текстов СМИ. Его исследование возможно путем рецепции ассоциативных и семантических экспериментов, посвященных порождению и восприятию текстов.

L.O. Butakova, N.J. Mironova. Author-Text-Recipient: Media-Text in Authors' Perception Aspect. Part II. The article deals with the problem of building the media-texts based on the author's conscious psycholinguistic model. The author's image being the text organizing center is formed by the main reflection way and presented in the media-text system. It may be investigated by the text perception way. The results of some associative and semantic experiments devoted to the text production and text perception are presented in the article.

М.В. Егодурова. Заимствования из бурятского языка в русских говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья как отражение межэтнических взаимоотношений. В статье дано лингвокультурное описание заимствованных из бурятского языка слов при функционировании их в непосредственной речевой деятельности семейских. Заимствованные бурятские слова в говоре семейских подвергаются различным фонетическим, семантическим, грамматическим изменениям, однако отражают уважительное отношение старообрядцев к чужой культуре.

M.V. Yegodurova. The Buryat loan-words in the Russian Dialects of Old Rite People from Zabaikaliye as interethnic reflection. The article is devoted to the linguocultural description of the Buryat loan-words and their functioning in speech practice of Semeisky. The Buryat loan-words are changed on the phonetic, semantic,

grammatical levels in the Semeisky dialect. They have the respect for the strange culture at the same time.

Г.А. Михайличенко. Мифопоэтический подтекст романа И.С. Тургенева «Накануне». В статье представлен анализ мифопоэтического подтекста романа Тургенева «Накануне»: делаются наблюдения над мифологической составляющей авторской картины мира, рассматриваются приемы характерологии и формы проявления авторской позиции.

G.A. Mikhailichenko. Mythopoetic Context of I.S. Turgenev's Novel «The Day Before». The article deals with the analysis of the mythopoetic context of I.S. Turgenev's novel «The Day before». Mythical peculiarities of the author's world concept, the way of characters' description and the author's viewpoint are being researched in the article.

Н.Г. Ипатова. К поэтике сюжета испытания: испытание чувств (на материале произведений русских и советских писателей первой половины XX века). Статья посвящена проблеме испытания некоторых способностей человека (способности видеть, слышать, говорить) и экспериментов над ними. Воссоздается общая сюжетная схема, развитие которой прослеживается с середины 1910-х до начала 1940-х годов.

N.G. Ipatova. To the Poetics of Plot test: Test on Senses. The article is devoted to the problem of testing some human abilities (abilities to see, speak, and hear) and experiments with them. The author recreates the general plot scheme, which development is retraced from the middle 1910s to the beginning of 1940s.

Н.А. Пителина. Образы дома и гостиницы в повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы». В статье на материале повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы» исследуются различные компоненты образа дома. Автор рассматривает «домашнюю» и «гостиничную» модели сознания, их взаимовлияние, а также особенности повествовательной структуры произведения, обусловленные трансформацией образа дома в условиях исторической действительности 1930–70-х годов.

N.A. Pitelina. «Home» «Hotel» Images in the Novel «The Hotel Manager» by I. Grekova. The author examines the peculiarities of the structure of narration depended on «home» and «hotel» models of consciousness, their interaction and transformation in historic reality of 1930–70s.

О.В. Побивайло. Близнечный миф в рассказе Л.Е. Улицкой «Второе лицо». Проза Людмилы Улицкой представляет собой оригинальную авторскую мифологию, в основе которой лежит, по нашему предположению, миф о близнецах. Писательницу интересует прежде всего образ второго близнеца, соотносимого с трикстером или Тенью.

O.V. Pobivailo. Myth about Twins in Lyudmila Ulitskaya's Story «The Second Face». Lyudmila Ulitskaya's prose is one of the most original author's mythology of the modern fiction. I suppose her prose is based on the monomyth about twins. Ulitskaya is interested in the second twin, whom correletes with a trickster, or a Shadow. The story «Second face» is devoted to such a character.

Е.С. Радионцева. «Ежедневный “Я”»: конвергенция медиа начинается с «районюк». Внедрение современных информационных технологий обуславливает поиск новых форм взаимодействия всех традиционных средств массовой информации. Наивысшую выгоду получают СМИ, имеющие тесный контакт с аудиторией, знающие их ежедневные ожидания. Современная районная газета работает по принципу: содержание номера – это ежедневный «Я» с насущными интересами. Районная газета конвергируется (объединяется) с другими медиа-платформами в видах собственности, контента и способах общения с аудиторией.

E.S. Radionteva. «Everyday “Me”»: Media Convergency Begins with Local Newspapers. Implementation of the modern informational technologies determines the need of new forms of interaction of all traditional mass media. Ones have the advantage over the others by keeping close contact with their audience and acknowledging the everyday expectations of their audience. Modern local newspaper goes with the following principle: the content of the issue is the everyday «Me» with compelling interests (everyday interests). Local newspaper converges with the other media in the ownership, content and communication with the audience.

И.В. Rogozina, M.A. Pitsoon. Роль СМИ в формировании гендерных когнитивных эталонов. В статье рассматриваются гендерные когнитивные структуры, предлагается их классификация на основе проведенного экспериментального исследования

I.V. Rogozina, M.A. Pitsoon. The Role of Mass Media in the Formation of Gender Cognitive Structures. The article is focused on gender cognitive structures and offers their classification on the basis of experimental research.

Е.Е. Коптякова. Метафорическое представление внутренней политики Германии в российское прессе. В статье рассматриваются метафорические модели «Политика – это спорт» и «Политика – это война», доминирующие в описании немецких политических реалий российской прессой. Анализ данных моделей помогает проникнуть в сущность концептуальных метафор, определить активизируемые ими смыслы и тем самым выявить присущее русскому национальному сознанию видение происходящих в Германии политических процессов.

E.E. Koptyakova. Metaphorical Presentation of the German Domestic Policy in the Russian Press. The present article deals with the metaphoric schemes «Politics is sports» and «Politics is war», which are dominant in the presentation of the German domestic policy by the Russian press. The analyses of these schemes helps to understand the nature of conceptual metaphors, to define the meaning they

imply and thus characterize the image of Germany typical of the Russian national consciousness.

Е.Д. Соколова. Эмотивные высказывания в современной газете (на материале российской и британской прессы). Статья посвящена изучению эмотивных высказываний в современной российской и британской прессе.

E.D. Sokolova. Emotive Utterances in Modern Newspaper (in Russian and British press). The present article is concerned with utterances used by contemporary Russian and British press writers to express emotions.

Т.В. Бердникова. Стилизация разговорной речи в поэтическом диалоге И.Ф. Анненского. Статья посвящена исследованию диалога в поэзии Анненского. Элементы разговорной речи и их функции в поэтическом диалоге подробно рассматриваются в статье.

T.V. Berdnikova. Colloquial Speech Stylization in I.F. Annensky's Poetic Dialogue. The article is about the research of the dialog in Annensky's poems. We pay attention to the research of special elements of the real speech and its' functions in the poetical dialogue.

Н.В. Малышева. Специфика перевода трансформированных фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова и их переводов на английский язык). В статье рассматриваются вопросы перевода фразеологизмов и их трансформации. В статье представлены наиболее адекватные способы перевода с русского на английский поэтических текстов. Исследование осуществляется на материале поэзии В.Высоцкого и Л.Филатова.

N.V. Malysheva. Translation of Transformations in Poetry (in V. Vysotsky's and L.Filatov's works). This article gives a thorough analysis of translation of phraseological units and their transformations. We define the most appropriate ways of transmitting the following structures from Russian into English. The research is based on V. Vysotsky's and L. Filatov's poetry.

С.В. Щербинская. Концепт *жизнь* сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования. В статье представлен сравнительный анализ письменных и устных текстов алтайцев, содержащих концепт «жизнь». В статье рассматриваются представления о жизни, а также вопросы взаимодействия человека и языка, языка и культуры, культуры и общества.

S.V. Shcherbitskaya. Concept «Life» in Individual Regional Perception: Theoretical and Practical Aspects. This article represents the comparative analysis of oral and written texts on the theme of «life», produced by inhabitants of Altay region of different age. The basic directions of representations about lives, and also

the general problems are stated in the article. The Interrelation of the human person and language, the communicative problem of language and culture, language and society researched in the article.

М.С. Смоля. Морфологические особенности имени прилагательного островного немецкого говора Алтайского края. Статья посвящена изучению морфологических особенностей имени прилагательного островного немецкого говора Алтайского края. Анализ лингвистического материала показывает унификацию системы падежей островного немецкого говора и полное совпадение парадигмы склонения слабого типа и множественного числа. Также отмечаются тенденции к унификации сильного склонения.

M.S. Smolya. Adjective Grammatical Categories in the Island German Dialect Altay region. The article is dedicated to the study of the adjective's grammatical categories in the island german dialect of the Altay region. The analysis of the linguistic material demonstrates the unification of the case system in the island german dialect and the total coincidence of inflexion paradigm of weak declension type and of plural number. The aspiration for the unification of the strong declension type is marked.

Е.В. Мереккина. Лингвистическое своеобразие оппозиции свой / чужой (на материале лексики эвенкийского языка). В статье рассматривается лингвистическое своеобразие культурологической оппозиции своего и чужого в эвенкийском языке. Эвенкийский концепт своего и чужого исследуется в этническом аспекте и во взаимоотношениях сообщества.

E.V. Merekina. Linguistic Opposition Domestic / Foreign (in the Evenk Language). The article deals with the linguistic aspects of using such cultural constant as «Domestic/Foreign» in marginal and minorital evenk language. The evenk concept of «Domestic» and «Foreign» was described through ethnic and related membership.

С.Н. Сафронова. Концептуальные основы разновозрастного сотрудничества на уроках русского языка. В статье рассматриваются концептуальные основы разновозрастного сотрудничества (обучения, взаимодействия), отраженные в педагогической, психологической и методической литературе.

S.N. Safronova. Conceptual Bases of Uneven–Age Cooperation in the Russian Language Classes. Conceptual bases of uneven-age cooperation (training, interaction) considered in this article. They are reflected in the pedagogical, psychological and methodical literature.

НАШИ АВТОРЫ

- БАБИЧЕВА,**
Юлия Геннадьевна – ассистент Бийского педагогического государственного университета имени В.М. Шукшина.
E-mail: Felixjul@yandex1.ru
- БАЧИНИН,**
Владислав Аркадьевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Социологического института Российской Академии наук
E-mail: bachinin.vlad@bk.ru
- БЕРДНИКОВА,**
Татьяна Владимировна – ассистент Саратовского государственного университета.
E-mail: syntax2@yandex.ru
- БУТАКОВА,**
Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: larisabut@rambler.ru
- ДЕСЯТОВ,**
Вячеслав Владимирович – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: desyatov@filo.asu.ru
- ЕГОДУРОВА,**
Виктория Макаровна – доктор филологических наук, профессор Бурятского государственного университета.
E-mail: map1955@mail.ru
- ЕГОРОВА,**
Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, докторант Московского государственного педагогического университета.
E-mail: lveg@yandex.ru
- ЗАКИРЬЯНОВ,**
Кабир Закирьянович – доктор педагогических наук, профессор Башкирского государственного университета (г. Уфа).
E-mail: Filolog@newmail.ru
- ИПАТОВА,**
Надежда Геннадьевна – аспирант Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: ipatova_nadya@mail.ru

- КАЧЕСОВА,**
Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: ikachesova@mail.ru
- КОПТЯКОВА**
Елена Евгеньевна – старший преподаватель Сургутского государственного университета.
E-mail: koptyakova71@mail.ru
- МАЛЫШЕВА**
Наталья Васильевна – ассистент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: natasha@Knastu.ru
- МЕРЕКИНА**
Екатерина Васильевна – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: ekaterinam80@mail.ru
- МИРОНОВА,**
Наталья Юрьевна – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: larisabut@rambler.ru
- МИХАЙЛИЧЕНКО**
Галина Анатольевна – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: m-galya8@mail.ru
- МОРОЗОВА,**
Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Новосибирского государственного технического университета.
E-mail: ngm_2006@mail.ru
- ПИТЕЛИНА,**
Наталья Александровна – аспирант Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова.
E-mail: natalya.p.77@mail.ru.
- ПИЦУН,**
Марьям Альбертовна – аспирант Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул).
E-mail: mapitsun@yandex.ru
- ПОБИВАЙЛО,**
Оксана Викторовна – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: oksanapbivajjl@rambler.ru
- РАДИОНЦЕВА,**
Екатерина Сергеевна – преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

- РОГОЗИНА,
Ирина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru
- РОДИНА,
Галина Ивановна** – доктор филологических наук, профессор Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара.
E-mail: grodina@yandex.ru
- РОДИОНОВА,
Светлана Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета (г. Уфа).
E-mail: Filolog@newmail.ru
- САФРОНОВА,
Светлана Николаевна** – старший преподаватель Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: ssaf2003@mail.ru
- СМОЛЯ,
Марина Сергеевна** – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета.
E-mail: lfs@uni-altai.ru
- СОКОЛОВА,
Екатерина Дмитриевна** – аспирант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: sokolovaed@yandex.ru
- ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru
- ШИМИНА,
Елена Владимировна** – ассистент Московского государственного областного университета.
E-mail: herzliche@yandex.ru.
- ЩЕРБИЦКАЯ,
Светлана Викторовна** – магистрант Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: sveta-nym@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связей и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ ФС 77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (редакция июль 2007)».

Сдано в набор 3.12.2007. Подписано в печать 03.06.2008. Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows/Интервал точно 12 пт (полупортовый); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1.–2003 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора и год издания с указанием цитируемых страниц. Например: [Виноградов 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение) состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 411-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала».) К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адреса, номера телефонов/факса, электронная почта. **(Наличие адреса электронной почты обязательно!)**
9. Статьи, оформленные в нарушение приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел./факсу (3852)366384. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**